

Злодейка из другого мира

Зоя Майская

Что если в другом мире оказалась не только ты, но и ещё одна девушка? И всё блага — волшебство, удача, верные союзники и любовь — предназначаются ей. А тебе ждут лишь испытания, пренебрежение и травля.

Ведь ты попадаешь прямо в тело злодейки!

Это моя первая история, буду рада вашим отзывам.

Злодейка из другого мира

Глава 1

Комната, в которой я сидела, больше всего напоминала пыточную. Меня, правда, истязать пока не спешили.

Я склонила голову, прячась за завесой волос. Стараясь не смотреть на мужчину, стоящего возле выхода из камеры. Перед глазами лишь потемневшая от прикосновений и времени поверхность старого деревянного стола. На ней играют блики от факелов, но даже в их свете трудно определить, какого теперь цвета у меня волосы — настолько они спутаны и грязны.

Мои руки изящные — с тонкими красивыми пальцами. Такие не знали тяжёлой работы. Это видно даже сейчас, сквозь слой грязи, несмотря на чёрную кайму под обломанными ногтями.

От одежды, каждого сантиметра кожи и волос исходит зловоние.

Я старалась дышать через раз.

— У меня для тебя хорошие новости, — наконец заговорил он усталым голосом. — Лидия выжила. И наш ребёнок тоже.

Реакции от меня не последовало. Всё также мой взор опущен, а руки сцеплены между собой под столом.

Лидия — это возлюбленная принца. И я пыталась убить её и их общего нерождённого ребёнка.

Это всё, что я сумела узнать за то время, что находилась в камере.

Я не знаю, сколько времени прошло — в моём каменном мешке не было окон, чтобы видеть смену дня и ночи. Поначалу я старалась следить за распорядком в темнице, но вскоре утонула в однообразном потоке сменяющих друг друга действий. Единственное, что я могла сказать точно — в этом мире я была уже около двух месяцев, — потому что некоторые аспекты женской физиологии здесь такие же, какими были у нас на Земле...

— Раз они выжили, а ты теперь лишь пустышка без магии, я не стану тебя убивать, — в низком, чуть хриплом голосе мужчины я уловила странное предвкушение. Беспокойство заставило меня вскинуть голову и посмотреть на него.

Тёмные круги под глазами и болезненный вид не делали принца менее привлекательным. Высокий и хорошо сложенный. Тёмные волосы коротко острижены, светло-серые глаза смотрят устало. Мне всегда нравились такие. Даже не за совокупность черт, но за уверенность и самодостаточность, что идут с ними в комплекте. А принц не был пустым красавчиком, это сразу видно. Поэтому было трудно осуждать бывшую хозяйку моего нового тела за то, что вцепилась в него руками и ногами. А, когда ей дали отворот-поворот, пошла на преступление...

На стол передо мной с лёгким шорохом упал свиток.

— Читай, — повелел он.

— Я... — голос мой звучал не только чуждо, но и надрывно после долгого молчания. — Я говорила им, что не та, за кого меня принимают. Я не знаю, как оказалась в этом мире и теле...

Хотелось, чтобы слова мои звучали более жалобно, но голос безразлично шелестел в тишине камеры. Рыдания и мольбы иссякли в первые дни пребывания в новом мире. Я бросалась на стены, кричала, умоляла выпустить или хотя бы выслушать.

Но никому не было до этого дела.

Охранники молча приносили и уносили еду. Иногда окатывали ведром с водой углубление, служившее мне туалетом, и уходили.

Наверное, я должна быть благодарна, что оказалась не в обычной тюрьме, это я осознала почти сразу. Здесь очень тихо. Хотя я видела, что камер в тёмном коридоре ещё много, почти все они пустуют. Никаких приставаний со стороны моих надзирателей не было. Кормили тоже сносно.

Но я сходила с ума. Потому что никто не хотел слышать, что я не Генерис из дома Деррин. Бывшая фаворитка принца, не принявшая свою «отставку»...

Удар кулака сотряс стол, а я подпрыгнула от неожиданности.

— Я бы сломал тебе шею собственными руками, — мужчину передо мной почти трясло от бешенства. — За то, что ты сделала. И за твою наглуую ложь.

Он не кричал. Боже, лучше бы он кричал! А не цедил каждое предложение сквозь зубы. Меня оглушило волнами чистой ненависти — он жаждал моей крови, но что-то останавливало принца.

— Я всегда думал, что ты знаешь своё место. Только поэтому я позволил тебе залезть в мою постель, — его рука медленно приблизилась к моему лицу. Он сжал подбородок с такой силой, что я невольно застонала от боли. — Но ты умудрилась затяжелеть. Хотя, видят боги, я делал все, чтобы этого не произошло. До сих пор не знаю, как тебе удалось. Если бы меня было можно обмануть, я решил бы, что ты легла под какого-нибудь конюха...

Мысль об аванюре Генерис отчего-то отрезвила мужчину, он отпустил меня и брезгливо вытер руку о полу камзола.

— Даже хорошо, что наш ребёнок не выжил, — уже спокойно, но не без горечи заметил он. — Не уверен, что сумел полюбить бы его после всего произошедшего.

Собравшись с мыслями, он ткнул пальцем в свиток и повелел:

— Читай. И я не хочу больше и слова слышать, что ты якобы, подобно Лидии, пришла из другого мира.

Я взяла в руки пергамент — пальцы мои дрожали, а мысли путались и никак не хотели выстраиваться во вразумительные рассуждения.

Неудивительно, что он разозлился. Решил, что я либо принимаю его за дурака, пытаюсь спастись за счёт странной отговорки, либо просто издеваюсь. Но что же это получается — пришельцы из других миров в порядке вещей? Почему тогда он не допускает и возможности, что я говорю правду?

Я гадала, что он будет делать, если я признаюсь, что не могу прочитать документ. Наверное, решит, что продолжаю разыгрывать нелепую комедию...

Сургучная печать уже сломана, поэтому мне не приходится возиться с ней. Грубого вида бумага испещрена странными символами, больше всего похожими на волнистые линии разной длины. Так иногда «пишут» в детстве, ещё не зная и единой буквы, но желая подражать родителям. Вот только линии идеально выверенной формы — ребёнок такого не выведет рукой.

Не знаю, сколько я смотрела на бумагу, но неожиданно осознала, что тарабарщина приобрела смысл.

«Я, Кайл Бранфорд, глава дома Дерринов, лишаю Генерис Деррин из дома Дерринов всех титулов, прав и привилегий, положенных ей от рождения, за преступления, доказанные перед Высшим судом нашего королевства. Судьба её может быть решена на усмотрение Высшего суда и потерпевшей стороны».

Вот, собственно, и всё. Незвестный мне Кайл Бранфорд дал знать, что благородный дом Дерринов отрёкся от злодейки, покусившейся на не причитающееся ей. И теперь моя судьба им безразлична.

Пока я размышляла над последствиями этого лично для меня, принц наблюдал за моей реакцией. Кажется, он ждал чего-то, но так и не дождался, потому несколько удивлённо произнёс:

— Ты не спросишь, куда исчез твой отец, и почему дом возглавил другой человек? Настолько уверена, что с ним всё хорошо?

Кажется, он всю наслаждался моментом. В голосе принца слышалась мрачная ирония. Что-то подсказывало мне, что с отцом Генерис было *не всё хорошо*... Я опустила голову, не зная, что сказать, как скрыть беспокойство. Не за чужого мне человека, но за собственную судьбу. Как бы бессердечно это ни звучало, но кем бы ни был тот мужчина, родственных чувств к нему у меня нет, а вот ситуация — хуже не придумаешь. Другой мир. Тело преступницы, перешедшей дорогу принцу. Без магии, поддержки родственников и положения в обществе.

Я собралась с духом и снова заговорила. На этот раз голос дрожал от растерянности и страха, внутри меня будто бы дребезжала туго натянутая струна, готовая вот-вот лопнуть:

— Я не знаю, кто этот Кайл. Я не Генерис. Я очнулась в этом теле...

— Хватит, — перебил он меня. — Не хочу слушать дальше всю эту чушь и тратить на тебя время. Вот моё повеление — отныне ты будешь жить как простолюдинка. Тебя вышвырнут отсюда, а дальше можешь идти куда хочешь.

Я вскинула на него глаза, не веря, что он говорит это серьёзно. В светлых глазах не было и искры жалости или сострадания. Напротив, мужчина верил, что это наказание для меня

будет хуже, чем смерть.

— Можешь попытаться поискать помощи у своих друзей. Мне даже любопытно, рискнут ли они помочь и вызвать мой гнев? Или «помогут» тебе также, как ты бы сделала это на их месте? Ведь тебе никогда не были нужны те, кого нельзя использовать.

Слова обрушивались на меня свинцовым потоком. Если бы у них была реальная сила, я не смогла бы поднять и головы, а так лишь замерла, будто кролик перед удавом, и смотрела в лицо моему экзекутору.

— Я буду с удовольствием наблюдать за твоей дальнейшей судьбой. Куда ты пойдёшь без денег, привыкшая к жизни в роскоши, и всегда смотревшая на простой люд, как на лошадиное дерьмо...

Он схватил меня на подбородок, повторив свой недавний жест. Улыбка, мелькнувшая на лице принца, мне категорически не понравилась.

— Впрочем, ты всё ещё красива, даже после семи месяцев темницы. Можешь податься в Цветочный дом. Если, конечно, сумеешь отмыть своё тело, чтобы продать подороже.

Презрительно взглянув на меня напоследок, принц ушёл. Я ожидала, что он хлопнет дверью, но та затворилась почти беззвучно. С тихим деревянным стуком. Меня поглотила гробовая тишина.

Небо над этим миром оказалось вовсе не синим. Я прижалась спиной к стене каменного дома и смотрела на персиково-голубую гладь, прорезанную перистыми облаками. Не сразу, но осознала, что щёки влажны от слёз. Расточительно — плакать зимой.

А на дворе именно она. Не слишком, правда, лютая. Там, откуда я родом, не чувствовала бы уже ни рук, ни ног. А здесь пока ещё сносно, хотя обувь у меня износившаяся, тонкая, не предназначенная для долгих пеших прогулок. Из хиленьких плюсов — у замызганного платья, что Генерис носила с момента ареста, к счастью, несколько нижних юбок. Один из моих тюремщиков отдал мне старый плащ. Не иначе, как по велению, принца — чтобы не слишком быстро сдохла.

Грудь сдавило, но всхлип так и не вырвался. Странно, но пока я не увидела этот чужой небосвод, во мне теплилась надежда, что это сон — долгий и затянувшийся.

Когда с моей головы сняли мешок и толкнули в спину, я вперилась взглядом в горизонт. Сначала, почудилось, что вот-вот настанет ночь, и это закат над городом. Но солнечный диск замер высоко, и не стремился в ближайшее время уступить место луне. Цвет у небосвода оказался странным — закатным, персиково-розовым с голубыми переливами. Чудилось, что высь мерцает и переходит из одного цвета в другой, никогда не становясь какой-то определённой.

Сомнительно, что этот феномен можно объяснить метеорологическими или астрономическими явлениями...

— Эй, ты! Пшла вон отсюда! — мою апатию прервал хриплый возглас. Я встрепенулась и настороженно взглянула на его источник. Два стражника, если судить по одинаковой одежде и обмундированию. На кожаных нагрудниках странный знак — ворон с пронзённым стрелой сердцем.

Я склонила голову, с одной стороны желая показаться безропотной и безобидной, а с другой... Что там говорил принц? Генерис красива. Не уверена, что сейчас это разглядел бы хоть кто-нибудь, но рисковать не стоило.

— Падали, как ты, не место здесь, — темноволосый мужчина, обратившийся ко мне раньше, сплюнул на мостовую. — Не надейся на подачку. Сколько там положено палок за это нарушение?

— Нисколько, — спокойно ответил его спутник, мужчина в возрасте, явно не желая отыгрываться на оборванной нищенке. — Уходи-ка ты отсюда подобру-поздорову, и чтобы мы больше тебя в Верхнем городе не видели.

Дважды мне повторять не надо было. Я подхватила полы большого мне плаща и торопливо направилась дальше.

— Куда? — зло бросили мне в спину. — В другую сторону.

Я ловила себя на невольном сожалении о времени в камере, потраченном в пустую. Я хотела забиться в какую-нибудь тёмную нору и собраться с мыслями.

Но норы у меня не было. А тревожный мандраж и холод, сотрясающие тело, никак не помогали сохранять хладнокровие.

Если отбросить издевательское предложение принца податься в ближайший бордель,

выбор невелик — работный дом или храм. Я не уверена в существовании первого, как и в том, что для молодой девушки он будет сильно отличаться от того самого Цветочного дома. С храмом ещё сложнее. Ничего не знаю о здешней религии, но в нашем мире в Средние века, например, далеко не каждый находил приют в монастыре. В монахини предпочитали брать благородных девушек с приданным или тех, за кого платили, чтобы убрать с глаз подальше.

Генерис, как ни крути, на монахиню не тянула бы даже с деньгами — после всех её приключений. Но выхода у меня не было.

Я долго выбирала к кому подойти на улице — большая часть людей не обращала на меня никакого внимания, либо презрительно кривила губы и отворачивалась. Наконец, я заметила крепкую женщину с открытым, смуглым от солнца лицом и спросила у неё, как пройти к храму.

Она посмотрела на меня с опаской и некоторой неуверенностью. Я и сама так глядела когда-то на бомжеватого вида алкашей, выпрашивающих деньги на «проезд». Вроде, и знаешь, что проще не связываться и игнорировать, но лишний раз обижать даже опустившегося человека не хочется.

— К какому-такому храму? Ты чего это, страдальца?

Я неуверенно уточнила:

— Церковь.

Но не похоже, что и это слово было женщине знакомо. И тут меня посетила не самая приятная догадка. А что если в этом мире, подчинённом магии, для религии не осталось места?

Я закрыла на секунду глаза, пытаюсь собраться с мыслями, и снова ощутить почву под ногами.

— Мне нужно помолиться и попросить помощи, — наконец, сформулировала я свою нужду, стараясь не цепляться за привычные для моего мира понятия.

Взгляд женщины изменился. На миг в нём промелькнуло изумление, а потом вспышка ярких чувств сменилась лёгкой задумчивостью.

— Да кто же тебе, страдальца, скажет, где найти алтарь? Тут уж как повезёт. Они появляются, когда пожелают сами, и открываются, кому хотят. Можно всю жизнь искать и не найти ни одного. Странно, что ты в своём возрасте до сих пор не знаешь этого, — в голосе незнакомки послышалась боль, какая бывает от потери любимого человека, не утихающая с годами. — Однажды мне повезло. И я побывала у алтаря Коринуса. Там я встретила его, другого человека, нашедшего священное место одновременно со мной. Мы обязаны были разделить ночь. Ну, а с детьми, зачатыми у алтарей, известно, что случается.

Она судорожно вздохнула, сдерживая не пролитые слёзы, и пошла дальше, не сказав больше ни слова. Я не решилась на оклик. Вид опущенной головы и сторбившейся спины заставил меня впервые за время пребывания здесь подумать не только о себе.

Одно ясно точно — местные боги, очевидно, не просто дань тёмным верованиям. Почему-то меня посетило плохое предчувствие.

Всегда знала, что магия существует.

Нет, в параллельные миры я не верила. Как и в магов в классическом понимании этого слова. А вот в почти мистическую силу интуиции — да. Она со мной с рождения.

Долгое время я не придавала ей значения, потому что не знала, что чем-то отличаюсь от остальных. Но постепенно эпизоды, когда чутьё било в набат, и не зря, копились. Пока их стало слишком много.

Всеобъемлющая тревога перед последним расставанием с бабушкой. А через два дня мы узнали, что её не стало.

Внезапное беспричинное желание сбежать со студенческой вечеринки в местном клубе. Спустя час всю компанию накрывает полицейским рейдом.

Ужас перед будничной посадкой в знакомый автобус. И вот он попадает в ДТП с несколькими пострадавшими.

Всё не припомнить. Чаще я вовремя понимала, что ощущаю не обычный страх, панику или тревогу, чтобы успеть что-нибудь предпринять. Но, к сожалению, не всегда. Или, если честнее, не всегда хотела внимать предупреждениям. Кого волнует предчувствие, когда парень, в которого ты давно влюблена, вдруг тоже замечает тебя?

Никаких озарений в новом мире до сих пор не было, но слова прохожей об алтарях заставили меня почувствовать то самое звенящее чувство в затылке — будто я забыла что-то важное.

Вопреки ожиданиям, алтарь я так и не повстречала за несколько часов блужданий по городу. Похоже, божественное покровительство не было положено иномирским нелегалам, вроде меня.

Я едва волочила ноги от усталости, холода и голода, но так и не придумала, как быть. Нерешительность всё сильнее овладевала мной — я слишком боялась фатальной ошибки.

— Она! Она! — заорал кто-то как резанный позади меня.

Сердце ухнуло в пятки, в ушах застучало — я не сомневалась, что «она» — это про меня, и быстрым шагом направилась к выходу с торговой площади, на которой блуждала уже с полчаса.

Понять, в чём я виновата, сложно — не иначе, в этом районе тоже нельзя находиться оборванцам, вроде меня... После случая в Верхнем городе я поплотнее закуталась в плащ и накинула на себя капюшон, чтобы скрыть грязь тела и одежды. Неужели не помогло?

— Да постой ты, убогая! — неизвестный схватил меня за шиворот и развернул к себе. Вихрастый парень сиял улыбкой, будто начищенный пятак. Дёргая мой плащ за капюшон, он обратился к своему спутнику. — Я ведь правильно угадал?

— Тебе первому повезло, — одобрительно откликнулся седовласый мужчина, пробирающийся через толпу народа — вокруг нас образовалась полоса отчуждения, люди толпились, предвкушая потеху. Не иначе решили, что парнишке удалось поймать карманницу на горячем.

Второго незнакомца я поначалу приняла за старика, но смуглое лицо с ярко-синими глазами оказалось ещё молодым. Невольно я уставилась на него, не столько поражённая экзотической внешностью, сколько огромным шрамом на половину лица. Рубец рассекал правую бровь и щеку, похоже, мужчина когда-то чудом не лишился глаза.

— Она подходит, — тем временем отозвался он и впервые посмотрел мне в глаза. — Позвольте представиться вам, леди, мы рыцари Ордена пятерых.

— Скажите тоже, — не удержался и фыркнул недоросль, успевший разглядеть меня как следует. — Побирושка она, а не леди.

— Замолчи, Крис, — беззлобно бросил мужчина. — Если обстоятельства сложатся удачно, ты видишь перед собой будущую сестру по оружию.

Замечание парня ни капли не смутило. Он окинул меня неожиданно цепким и внимательным для его возраста взглядом.

— Вы, Рейдал, просто любите давать шанс даже безнадежным. Ей уже больше двадцати — никакой физической подготовки и, самое главное, никаких задатков, чтобы развить её в ближайшем будущем. Уйдут годы, прежде чем из неё получится человек, способный не сдохнуть под ближайшим кустом. Не понимаю, о чём пророк в этом раз думал.

Молодого парня я поначалу приняла за ученика седого мужчины, ему было лет шестнадцать не больше. Но говорили они на равных, разве что, младший отдавал дань уважения старшему товарищу в разговоре.

Странная парочка продолжала спорить о непонятных мне вещах. Кажется, Крис предлагал «поискать другого инвалида, пока солнце не село». А Рейдал возражал ему — «шанс встретить случайным образом ещё одного бездарка стремится к нулю». Я осознала, что зачем бы не была нужна им, это шанс — не умереть этой ночью от переохлаждения где-нибудь в подворотне.

— Вы объясните, зачем я вам понадобилась? — я старалась не показывать насколько заинтересована в том, чтобы «обстоятельства сложились удачно». Поймите меня правильно, никакой сестрой по оружию я становиться не собиралась, но если это сулило кров и пищу на ближайшее время, то рискнуть стоило...

— Ты что, свалилась с Туманного пика? — парень изумленно и в то же время чуть насмешливо посмотрел на меня. — Мы вер-бо-в-щи-ки. Знаешь такое слово? Ищем таких же полоумных, как мы, желающих убивать нечисть направо и налево, не получая за это ни гроша.

Смесь непередаваемых чувств раздирала меня на части. Вопросы роились как пчёлы и жалили язык. Здесь есть нечисть? Очевидно да. Едва ли в мире, полном магии, охотятся на мнимых ведьм, подобно инквизиторам в моём мире. Кстати, проявление магии я пока видела лишь однажды. Когда меня вывели из темницы. Поначалу я оказалась в заснеженном саду, но уже через секунду очнулась на улицах города, где меня едва не сбила упряжка лошадей. Как я покинула сад, и был ли он вообще, сказать бы я не смогла. Но на улицах ничего волшебного я не видела — ни тебе каких-нибудь фантастических животных, ни необычных рас, ни даже простеньких балаганных фокусов.

Что меня порадовало — дискриминации женщин, судя по всему, здесь нет. Или она не особенно сильна, раз Рейдал предположил, что я могу стать их сестрой по оружию.

— Не могли бы вы рассказать подробнее? Что мне придётся делать, и почему именно я? Ведь, этот смешливый паренёк... — не удержалась я от колючки в адрес языкастого недоросля. — ... прав, я не умею обращаться с оружием.

Тот, что звался Рейдалом, неожиданно белозубо улыбнулся, а вихрастый скривился, будто проглотил жабу.

— Этот «смешливый паренёк» — один из мастеров нашего ордена. Правда, к сожалению, ведёт он себя так, что это трудно заподозрить, — взгляд мужчины стал

задумчивым. — Но, я не ожидал, что есть хоть один человек в Стейнхорме, что не знает Криса Леонтия из Ордена пятерых. Как-никак, *наш паренёк* герой недавней войны.

Я никак не стала объяснять своё незнание. Соврать правдоподобно я бы не смогла, поэтому решила говорить правду, максимально опуская детали. Если, конечно, будет повод её открыть.

— Впрочем, давайте продолжим беседу в нашей обители. Мы, с удовольствием, ответим на вопросы. Как, смею надеяться, и вы не откажите удовлетворить наше любопытство...

Ему ответом было молчание. Оба мы понимали, что вариантов у меня особенно не было. Девушка в явно бедственном положении не откажется от подобного шанса. Но бесплатного сыра не бывает. К тому же, тревожное чувство, что не покидало меня последние часы, обострилось до предела.

Уверена, что я пожалею о своём решении. Вот только почему? Ни Крис, ни Рейдал не тянули на преступников или обманщиков. В этом я уверена. Значит, предчувствие касалось не конкретно их?

Мир, в который я попала, называется по имени его Бога-создателя — Ормом. Местные верят, что божество сотворило всё сущее в незапамятные времена, а затем оставило своё детище на попечение менее могущественным богам.

Магия Создателя окутала Орм плотным коконом энергии. Странное небо этого мира — это она. Энергия есть не только в небе, она пропитала всё вокруг как вода губку.

Здесь люди от рождения несут в себе частицу магической силы. Поэтому почти все жители мира в той или иной степени одарены. Например, Крис, что встретил меня на торговой площади, умеет скрываться в тени. Со стороны это выглядит как телепортация на небольшие расстояния. При этом магом он не считается, потому что на большее волшебство не способен, и с годами его дар не вырастет.

Маг — это тот, кто может развить свои способности дальше и стать сильнее. Такие люди встречаются редко и составляют верхушку общества. Зато непредсказуемость врождённых даров позволяет иногда и обычному человеку победить сильного мага или воина, поэтому таланты принято скрывать. Они дают преимущество, а за некоторые из них и вовсе можно угодить в тюрьму. Ничего удивительного, что магии на улицах города я не увидела.

Но встречаются среди людей и те, кто родился без крупицы магии, или потерял её уже при жизни, как Генерис. Бездарки. Мусор. Калеки. Страдальцы. Есть много «прелестных» обозначений для людей без магии. Их жалеют, ими пренебрегают, от них бегут как от чумы. Тёмный люд всерьёз опасается перенять от них неспособность к магии, считает, что это заразно.

Страдальцев трудно назвать полноправными членами общества. Закон не ущемляет, но на деле бездарку сложно найти работу, снять жильё или хотя бы просто остановиться на ночлег в гостинице, если об его особенности становится известно. К счастью, не так-то просто опознать людей без дара, не имея к этому способностей и определённого опыта. Крис, например, очень долго искал меня, хотя проходил в толпе мимо много раз. А вот Рейдал сразу понял, что перед ним — инвалид.

Только прожив в Ордене два месяца, я осознала изопрённость наказания принца. Меня не пустили бы и на порог борделя, несмотря на всю красоту Генерис, если бы узнали, чего я стою в магическом плане. Одно дело — по мере необходимости контактировать с мусором в быту, другое — лечь с ним в постель. На такое не пойдут даже самые отъявленные извращенцы.

Просвещённые умы Орма, ясное дело, считают заразность бездарков пустыми суевериями, но в обществе они очень сильны. Для любого семейства огромная трагедия — рождение ребёнка без магического таланта. Физические недостатки и даже явные уродства воспринимаются гораздо проще. Поэтому не удивительно, что благородный дом Дерринов поспешил избавиться от Генерис.

Тем страннее, что именно такой человек как я оказался нужен Ордену.

Орден пятерых, в который я попала, следует заповедям местной богини света Квелты. Она одна из множества божеств Орма. Их здесь тьма-тьмуша. Высшие сущности постоянно появляются и исчезают. Считается, что рано или поздно в определённом явлении накапливается столько магии, что у него появляется собственная сущность,

индивидуальность. Так рождается бог. Он вполне может и исчезнуть, если его первосуть (так называют сферу влияния бога) ослабнет.

Среди богов есть шесть абсолютов, сила которых почти безгранична. Сложно представить, что их первосуть исчезнет или станет менее значимой. Это Коринус — бог порядка, Бэста — богиня хаоса, Квелта — богиня света, Ард — бог тьмы, Сельта — богиня жизни и Гуод — бог смерти. Насколько понимаю, высшие сущности вполне реальны, многие их видели у тех самых алтарей.

Религиозных организаций в Орме нет. Встречаются, конечно, отдельные культы, чаще всего состоящие из последователей Арда, но их мало. Наверное, дело в том, что даже у самых предприимчивых пройдох нет возможности занять тёплое местечко посредника между богами и людьми. Единственная связь между материальным миром и высшими сущностями — алтари и дети, рождённые у них.

Орден пятерых больше всего напоминает рыцарский, где у славных воинов одна дама сердца — Квелта. По её заповедям они уничтожают нечисть и монстров, порождённых тьмой. Вступить в него может любой желающий, но, честно говоря, таких не очень много. Члены Ордена живут скромной жизнью и, хотя любимы народом, денег этим делом не заработаешь, а вот умереть мучительной смертью можно запросто.

Бездарков, кроме меня, в Ордене нет. Они в принципе довольно редки. Поэтому, когда совет мастеров получил предсказание от пророка, что следовало найти и принять к себе страдальца, все были в затруднении. Осложняло дело то, что верхушка Ордена по разным причинам не желала афишировать вступление в организацию бездарка. В большей степени опасались, что рыцари отнесутся к новому соратнику предвзято. Но были и такие, как Крис, кому не нравился выбор пророка.

Предсказание, кстати, показалось и мне странным. Если кратко, звучало оно примерно так. Страдалец, вступивший в Орден в середине зимы, станет одним из самых значимых людей для него. Чем таким особенным я отличусь, никто не знал. Но звенящее чувство тревоги, что не покидало меня до сих пор, намекало — ничем хорошим.

Но вслух соглашаться с Крисом, заявлявшим, что все они ещё пожалеют о своём решении, я не стала ни тогда, когда впервые ступила в обитель, ни позднее.

Орден был моим шансом освоиться в этом мире, и упускать его я не собиралась.

Я не знаю, как очутилась в Орме. Возможно, останься я рядом с прошлым окружением Генерис, завеса тайны приподнялась, но чего нет, того нет. Теперь остаётся лишь гадать, что приключилось с прошлой хозяйкой этого тела.

Что дело в ней, не сомневаюсь. В моём случае не было никаких таинственных порталов, незнакомцев, снов, волшебных предметов, какие встречаются в историях про путешественников между мирами. Единственное, что всё-таки предвещало беду — привычное предчувствие плохого. Смешно вспоминать, как я нервничала на каждом шагу, стараясь подстелить соломки, чтобы не попасть в переделку. Вырубил электричество и перекрыла краны в квартире перед выходом на работу. Прислушивалась к каждому шороху в подъезде. Маниакально озиралась по сторонам, переходя дорогу.

А потом на рабочем месте у меня просто закружилась голова. Очнулась я уже в камере.

Не оставляет мысль, что возможно я умерла. Но серьёзных проблем со здоровьем у меня не было — во всяком случае, таких, чтобы моментально сыграть в ящик и каким-то чудом оказаться в другом мире и теле.

Обидно, что невозможно попросить помощи у той, кто мог бы её оказать. Я, конечно, имею в виду Лидию.

Её история появления в Орме, в отличие от моей, канонична донельзя. Лидия переместилась в королевство Стейнхорм, в котором мы сейчас находимся, семь лет назад во время летнего солнцестояния.

Пришельцы из иных миров не редкость для Орма. Сюда регулярно выкидывает кого-нибудь, но до Лидии все иномиряне были совсем не похожи на людей. В зависимости от уровня агрессии и опасности их уничтожали или пускали на опыты. Местные и не предполагали, что где-то существуют миры с им подобными.

Поначалу к ней отнеслись, как всегда в таких случаях к иномирянам. Но девушка показала такой колоссальный талант к магии света и была очевидно разумна, в отличии от её монстрообразных предшественников, что даже алчным до экспериментов исследователям пришлось отступить.

Дальше, если судить людской молве, Лидия была удочерена благородным домом Телль и поступила в магическую академию Стейнхорма, где довольно быстро стала одной из лучших студентов.

Когда девушка училась на третьем курсе, разразилась война с последователями кровавого культа бога Арда. По мне, война — это громко сказано. Тёмные маги-отступники, как им и положено, творили бесчинства: насылали чуму, приносили в жертву людей и создавали монстров. Зачем это им было нужно, неизвестно. Одни считали, что лидер тёмных Умбра, один из сильнейших в истории магов, был внебрачным сыном нынешнего короля и законным наследником престола. Другие, что отступники творили зверства просто из любви к искусству. Третьи, что хотели забрать какой-то магический артефакт, спрятанный в столице. Не иначе — кольцо всевластия для Тёмного властелина...

Мне сложно воспринимать эту историю без иронии, но жителями Стейнхорма было не до шуток. Пришлось мобилизовать на борьбу с магом и недоучившихся адептов, в том числе Лидию.

Как и положено настоящей избраннице судьбы, девушка была одной из тех, кто

положил конец конфликту. Она и несколько её друзей, среди которых оказался совсем ещё малолетний Крис, убили Умбру. Без лидера остатки его сподвижников рассеялись по Стейнхорму и сейчас ведут себя тише воды, ниже травы.

После войны и окончания академии Лидия заслуженно стала одним из королевских магов. Так она познакомилась с принцем Джарелом... и Генерис.

Это сильно сокращённый вариант истории Лидии. Чтобы пересказать все её деяния, мне пришлось бы написать книгу. Чего она только не успела — исцеляла безнадежно больных, раскрывала заговоры, перевоспитывала негодяев, спасла целый народ от проклятья.

Для местных Лидия героиня и едва ли не святая. Могущественная и справедливая, беспощадная к врагам, но сострадательная к раскаявшимся. Девочки мечтают походить на неё, мальчишки грезят поступить к иномирянке в услужение, когда подрастут. Куда ни глянь, но Лидия — просто образец для подражания. Все считают, что она станет безупречной королевой, когда Джарел займёт престол.

И все ненавидят Генерис за то, что она посмела покуситься на ту, что спасла столько жизней.

— Эй, Ольга, ты там заснула что ли?!

Раздражённый окрик Магды опередил её появление в нашей общей комнате. Когда крепкая девушка с коротко стриженными волосами замаячила на пороге, я уже успела вскочить с кровати и даже расправила грубое покрывало.

Ольга — это я. С самого начала не собиралась представляться именем местной преступницы, и, как оказалось, была права. Если бы орденцы узнали, что к ним пришла Генерис из дома Дерринов, никто не принял бы меня сюда, будь я хоть трижды одобрена пророком. А Крис ещё и прирезал бы где-нибудь в подворотне за покушение на его дражайшую подруженьку.

А ещё я надеялась, что, если Лидии доведётся услышать это имя, она заподозрит во мне иномирянку.

— Вечно от тебя одни неприятности, — неприязненно бросила девушка, оглядывая меня с ног до головы. — Мастер ждёт нас через пять минут на площадке. Я не собираюсь получать за тебя выговор.

Я не ожидала, что меня примут в ордене с распостёртыми объятями, но ситуация всё равно немного удручала.

Стоило смыть с себя тонны грязи, как стало понятно, насколько Генерис красива. Даже мне, выросшей в эпоху супермоделей, теледив и инстаграмных девушек, она казалась нечеловечески прекрасной.

Если придирчиво разбирать каждую деталь облика, наверное, не такая уж она и красавица. При довольно высоком для женщины росте тощая. Не уверена, была ли она такой и раньше, или это тюремная диета доконала Генерис. Голодом там, конечно, не морили, но и не кормили вдоволь. Губы хотя и красиво очерченные, но узкие от природы. Им, пожалуй, не достаёт чувственности, и всегда есть ощущение, что девушка чем-то недовольна. Подбородок острый, нос длинноват.

Но, убейте меня, если это имеет значение, когда у тебя есть роскошная копна сияющих лунным светом волос и такие яркие синие глаза, что трудно поверить в их реальность. Почти все мужчины, с которыми я столкнулась после того, как привела себя в порядок, были откровенно очарованы.

Должно быть, у Генерис был действительно дерьмовый характер, раз даже с такой внешностью она не сумела заарканить принца.

Новому облику я не была рада по многим причинам. По-хорошему, радоваться ему стоило, если единственное, что тебя волнует — это романтические приключения. Увольте. Сейчас есть куда более насущные проблемы. Например, то что примечательная внешность мигом подарила мне кучу поклонников среди мужчин ордена и такую же кучу недоброжелательниц среди женщин. А делю основной быт я именно с последними.

— Сейчас, — вздохнула я, предчувствуя очередные двухчасовые испытания на тренировочной площадке. Краткие минуты отдыха, к сожалению, подходили к концу.

В книгах, играх и фильмах обычно всё просто. Герой тренируется как проклятый и быстренько становится сильным. Но Крис в чём-то был прав — моё новое тело не приспособлено к физическим нагрузкам. Не знаю, умела ли Генерис владеть каким-нибудь оружием, но, если и так, этот навык покинул её брэнную оболочку вместе с душой.

Я в своей прошлой жизни была покрепче, благодаря занятиям лёгкой атлетикой, но толку от этого сейчас мало. Я умею правильно дышать, знаю, как эффективно выполнить многие упражнения и избежать травм во время некоторых тренировок, но это не сделает из меня местного Рембо за нескольких месяцев. Лишь вызывает ненужные вопросы.

Пока я внутренне стенала, «предвкушая» бег по полосе препятствий, Магда ушла, и мне пришлось волочиться за ней следом.

Уже два месяца я извиваюсь, словно уж на сковороде, всё сильнее запутываясь во лжи.

В первый день после помывки в общей купальне Магда ждала в раздевалке, чтобы передать ученическую форму моего размера. И тут она заметила то, чего я никак не могла разглядеть сама.

Три знака на моей спине.

— Так ты из богатеньких? — спросила она, бывая доброжелательность к оборванной замарашке сменилась настороженностью. — Целых три знака, надо же... Один узнаю, а что два других значат?

Я замерла с полотенцем в руках, в горле пересохло, и липкий страх перед разоблачением прилип к коже. Дрогнувшим голосом я спросила:

— А какой ты узнала?

— Тот, что позволяет, не кропя над книженциями, выучить язык, — недобро усмехнувшись, заметила девушка. — Всегда завидовала вам, богатеям. Наняли мага и всё, сопливая пятилетка знает язык и письмо не хуже любого знатного человека.

Немного помолчав, Магда нехотя добавила:

— Я вот до сих пор читаю с трудом.

То, что девушка в лучшем случае из бедной городской семьи, а то и вовсе крестьянка, заметно было сразу. Не удивительно, что нормального образования она не получила. Погружённая в мрачные мысли, Магда тогда забыла про свой вопрос, и я осталась наедине с ещё одной догадкой.

Вот откуда я знаю здешний язык.

Как я выяснила позднее, Лидия сначала не знала ни устную, ни письменную речь этого мира, ей всё пришлось учить с нуля. Не удивительно, что принц мне не поверил.

После купания я предстала перед мастерами ордена. Всего их было пять, двоих из них я уже знала: языкастого недоросля Криса Леонталя и седовласого мужчину Рейдала Сарамора. Глядя на последнего, я не могла не заметить, что по типуажу он очень похож на Генерис, разве что, цвет кожи отличается. Рейдала наше внешнее сходство, казалось, ни капли не смутило, он лишь ободряюще улыбнулся мне, стоящей перед руководителями ордена.

Пророк Ордена пятерых пристально разглядывал меня с момента появления в большой просторной зале. Арштер Телль был уже очень стар, но пронзительные карие глаза явно принадлежали проницательному человеку с острым умом. Предчувствие шепнуло, что лгать ему опасно.

Единственная женщина из пятерых — Анора Скардис — больше всего напоминала мрачную рыжеволосую валькирию. Внешне ей было едва ли больше сорока, шею и грудь исполосовали страшные шрамы — сразу видно, что воительница побывала во многих передрягах. Она, как и Арштер, молча изучала меня.

Зато пятый мастер, подобно Крису, даже не пытался выглядеть хотя бы безразличным. Тощий и бледный Корис Вард смотрел на меня с неприязнью.

— Я объясню, почему ты здесь, — заговорил он. — У мастера-пророка было видение,

что твоё появление в ордене станет для нас самым значимым событием за последнее время.

Издёвка в голосе Кориса не давала усомниться в его отношении ко всему происходящему.

— И я скажу, как это будет. Не иначе позор, что такой бездарок, как ты, навлечёт на нашу голову, придётся смывать столетиями.

Голос его звенел в тишине, затем он обернулся к остальным и уже спокойнее продолжил:

— Я прошу ещё раз подумать о целесообразности происходящего здесь. При всём моём уважении, мастер Аршгер, сомнительно, что она может на что-нибудь сгодиться.

Прорицатель спокойно посмотрел сначала на Кориса, затем на меня:

— К сожалению, мне известно только то, что я уже вам озвучил. Но одно знаю точно — зла или недобрых помыслов в ней нет. Нам стоит поверить в провидение и посмотреть, что будет дальше. Расскажи, девочка, как тебя зовут и откуда ты?

Заготовку легенды я состряпала ещё на пути в обитель ордена, поэтому не слишком долго медлила перед ответом. Старалась говорить обтекаемо, чтобы не солгать, но и не раскрывать всей правды.

— Меня зовут Ольга, — я замаялась, не сумев придумать, как адаптировать свою фамилию под реалии этого мира. — Приехала издалека. Вы слышали о Мытищах?

Я вопросительно посмотрела на них, будто правда надеялась, что кто-нибудь из сидящих здесь знаком с этим названием. Хотелось верить им в том, что это настолько захолустное место, что даже на картах его не найти.

— В городе я совсем недавно. И..., - я запнулась, не зная, как объяснить, чем я занималась всё это время. — Сейчас я ищу работу и крышу над головой.

По их лицам я видела, что оратором мне не быть. Так школьная учительница смотрит на двоечника, из которого приходится каждое слово вырывать клещами. И никто ни на миг не поверил, что человек с чистой совестью будет настолько играть словами.

— Ты преступница? Воровка? — наконец, прервала мой монолог Анора. Её кошачьи глаза сузились, угроза, исходящая от неё, была вовсе не призрачной.

— Нет, — мрачно ответила я. — Никаких преступлений я не совершала.

— Всё, что она говорит верно. — подтвердил Аршгер и снова обратился ко мне. — Но я чувствую, что ты боишься. Чего?

— Несправедливости, — без замедления ответила я. — И того, что не смогу пригодиться ордену.

И это тоже было правдой. Несправедливости я хлебнула уже достаточно, а орден — мой шанс, упускать который очень не хотелось, несмотря на все плохие предчувствия вместе взятые.

Они переглянулись, женщина велела мне покинуть зал и дожидаться решения совета.

За окном к тому времени давно уже стемнело, на стенах зажглись странные огни. При ближайшем рассмотрении я заметила кристаллы, помещённые в небольшие ниши в каменных стенах. Ждать пришлось не так уж много, через минут десять объявили, что оставляют меня с испытательным сроком на год.

Если за год я покажу себя надёжным союзником, то смогу остаться. В качестве кого — видно будет позднее. Как мне объяснили, не все становятся непосредственно рыцарями. Те, кто не показал нужных качеств, отправляются работать на орденские фермы обеспечивать воинов продовольствием.

Год — это очень много. Я надеялась, что этого времени хватит, чтобы решить, что делать в этом новом мире.

В Стейнхорме у Ордена пятерых довольно много обитателей. Главная расположена в столице государства, в Дэсе, где со мной и произошли все злоключения. В большом здании недалеко от торговой площади находится большой архив ордена, заседает совет мастеров и решаются самые важные вопросы. Такой новичок-оборванец, как я, просто не мог остаться там.

Крис, скрепя душой, вызвался отвезти меня до пригорода, в котором, насколько я поняла, находится что-то вроде школы для неофитов ордена. Пока мы ехали, парень не переставал ворчать и отпускать в мой адрес едкие замечания.

— Ты ещё и на лошади ездить не умеешь! Не думал, что бездарность распространяется не только на магические навыки!

Я едва держалась в седле, поэтому не отвечала на его не особенно остроумные подколки. Будь я жительницей этого мира, наверное, постоянные напоминания о неполноценности ранили бы. Но мне, во-первых, было всё равно, я не понимала до конца, чего же лишена Генерис. А, во-вторых, я не в силах воспринимать Криса всерьёз. Странно, когда командиром становится парень младше твоего родного брата.

Мысль о семье заставила меня склонить голову ниже, к луке седла, чтобы перевести дыхание и удержать слёзы. Я глубоко вздохнула и часто-часто заморгала, прогоняя непрошенные мысли. Если я буду думать о маме, папе и брате, то определённо разревусь, а это сейчас ни к чему.

Спутник продолжал комментировать каждое моё движение, сетуя на то, что «лучше бы нам однорукий новобранец попался». Я не знала, сколько нам ещё ехать, но слушать как об меня вытирают ноги всю дорогу не собиралась.

— Если ты и дальше будешь поминать отсутствие у меня дара на каждом шагу, едва ли мы сумеем сохранить это в тайне, — мой голос был полон раздражения. Мальчишку явно заносило.

Совет единогласно решил, что заявлять во всеулышание о том, они приняли бездарка, не стоит. Хотя Орден пятерых и даёт приличное образование, большинство его членов выходцы из низов и ждать от них прогрессивных взглядов людей без дара глупо. Будут относиться с предубеждением, а то и вовсе побегут, не желая жить со мной под одной крышей.

Поэтому Крис должен был не только проводить меня, но и переговорить с некоторыми учителями, способными понять мой секрет, чтобы те держали язык за зубами.

— Теперь, когда ты стала ученицей, то должна называть меня мастером, — холодно отозвался он, как мне кажется, не столько задетый отсутствием должного обращения, сколько удручённый моей правотой.

Наверное, стоило молчать, но теперь, когда не нужно больше притворяться Генерис, я позволила себе немного расслабиться.

— Мне нужно уважать тебя, потому что ты мастер? Или ты стал мастером, потому что тебя уважали?

Он обернулся и бросил на меня убийственный взгляд, но замолчал и с тех пор придирками почти не изводил.

Пригородная обитель больше всего напоминает маленький городок. В центре —

большое трёхэтажное каменное здание с комнатами новобранцев и наставников, учебными классами, библиотекой и бытовыми помещениями. Сразу за домом расположена большая тренировочная площадка.

Это всё, что отличает обитель от обычной деревни. Остальную площадь занимают амбары, конюшни, загоны для скота и птицы, теплицы и небольшие домики, в которых живут члены ордена, не сумевшие стать рыцарями, но пожелавшие трудиться на его благо.

За два месяца здесь мне удалось узнать довольно много и каким-то чудом не раскрыть себя. В первое время я регулярно попадала в глупые ситуации, и, думаю, что часть моих новых товарищей решила, что я недалёкая дуручка, не знающая очевидных вещей. Но мне было всё равно. Всерьёз о карьере истребителя нечисти я не думала.

Однообразные дни моего ученичества были расписаны по минутам.

Подъём около пяти утра, затем утренние процедуры и завтрак. Ученики, дежурящие на кухне, приносят в большую залу чёрные от копоти котлы и распределяют пищу между остальными. После завтрака ответственные за мытьё посуды уходят на дежурство, остальные идут на утренние лекции или тренировки. Перед обедом обычно выпадает час свободного времени, который я провожу в библиотеке. Затем снова приём пищи, после него — либо очередные тренировки, либо дежурство в прачечной, конюшне или ещё где. Работы в ордене всегда предостаточно. До ужина время пролетает быстро, а затем, если после посещения купальни, ещё остались силы, можно дойти до библиотеки и почитать при тусклом свете кристалла.

Совсем зелёные новички ордена получают больше теории, чем практики. Сначала я обрадовалась этому, но быстро заскучала. На первых лекциях рассказывали об уставе, правилах ордена, его истории — в общем, ничего особенно полезного лично для меня. Позднее, когда мы дошли до тёмных магов и нечисти, обитающей в этом мире, стало по-настоящему страшно и совсем нескучно.

Самыми безопасными местами в Стейнхорме были города. Одно-двух заваливающих магов достаточно, чтобы поддерживать защиту, отпугивающую большинство тварей. А вот деревенским как повезёт. Хорошо, если среди них найдутся люди, обладающие подходящим для защиты земляков даром. Если нет, то только отправлять гонца за помощью — в обитель ордена или к магу в город.

Серьёзные происшествия после победы над тёмными магами случались не так часто, но, если всё же происходили, то винить стоило именно последователей Умбры. В своих лабораториях им удалось вывести таких тварей, что традиционная для Стейнхорма нечисть казалась по сравнению с ними едва ли не безобидными овечками.

Больше всего меня впечатлил рассказ про монстра, прозванного пауком. Он откладывает в человека яйцо размером с маленькое семечко. Жертва зачастую даже не догадывается, что стала живым инкубатором. Вызревшая личинка начинает изменять своего носителя изнутри, пока её плоть и плоть носителя не сольются воедино. У зрелой особи остаётся голова, торс и руки человека, с той лишь разницей, что с них будто бы сняли кожу — все мышцы, связки и сухожилия как на ладони. А вот ноги жертвы усыхают и превращаются в рудиментарные отростки, их заменяют многочисленные тонкие лапки, похожие на паучьи. Самое жуткое, что где-то там, в груди искорёженной плоти, возможно, ещё сохраняется сознание. Во всяком случае иногда из горла паука вырываются стоны и вполне человеческие мольбы о помощи.

Наставник, знакомящий нас с разновидностями монстров, был настроен скептически. Он

считал, что ничего человеческого в пауке уже не остаётся, и речь — это лишь хитрая уловка, чтобы заманить к себе новую жертву.

А питания монстру нужно много, чтобы отложить яйца с материнскими особями. Они, в отличие от паразита, развивавшегося внутри человека, больше похожи на насекомых. Их почти невозможно отследить с помощью магии, поэтому стоит упустить время вылупления и переловить «пауков» будет уже невозможно. А потом зазевавшегося путника вдруг кто-нибудь укусит в шею или ногу. Он не успеет заметить тварь, лишь досадливо потрёт небольшое покраснение на коже... И всё начнётся по-новому.

И такой мерзости в этом мире предостаточно. Чуть утешает, что почти всех самых опасных тварей ордены и маги уже истребили, но оставаться в одиночку против каверз этого мира я была не готова.

В книгах, если девушка попадает в иной мир, у неё быстро находится защитник. Или она сама становится настолько сильной, что опасности уже не страшны. У Лидии было и то, и другое, мне не досталось ничего, только слабое тело преступницы.

Именно поэтому я набралась смелости и попросилась в особую учебную группу, которая тренировалась под руководством Криса.

Леонталь не был одним из наставников для новобранцев, он обучал лишь отобранных им самим людей. Моя соседка по комнате, кстати, одна из его учениц. Вообще Крис не брал к себе кого попало, но он, похоже, настолько удивился моей просьбе, что отказывать не стал. А, может быть, просто хотел проучить на законных основаниях. Все понимали, что в группе я на птичьих правах и до настоящих тренировок мне далеко. И я дойду до них, только если выдержу подготовку, в чём сомневались все, включая меня.

— Быстрее, Ольга! Ты ползёшь как полудохлая черепаха, — похоже, сегодня у Леонताля было на редкость хорошее настроение, потому что языкастая язва пока ограничивалась облегчёнными версиями своих подначек.

Пока я наматывала круги вокруг тренировочной площадки, остальная группа отрабатывала приёмы в парах, а Крис восседал на перекладине забора, наблюдая за своими подопечными.

На первый взгляд, Леонталь похож на обычного мальчишку-подростка. Неудивительно, что я далеко не сразу восприняла его всерьёз. Золотистые кудри, насмешливые серо-зелёные глаза, кожа, к которой липнет загар даже от первого самого слабого весеннего солнца. Он невысокого роста и кажется щуплым, но как-то раз мне довелось увидеть юношу в безрукавке и бриджах до колена. Так вот, тело у мальчишки — поджарое и тренированное, сплошь в шрамах.

Такие, как он, обычно становятся душой компании, несмотря на несносный характер. Крис не был исключением. Все ученики его обожают и мечтают попасть к нему под крыло. Если бы среди новобранцев были только юнцы, в этом, может, и не было бы ничего необычного, но Крис был кумиром и у людей, годившемся ему в отцы. Даже наставники, что пришли в орден гораздо раньше его, относились к парню с уважением, лишь изредка позволяя себе добродушные шутки или замечания на счёт его методов работы.

Всю общеизвестную подноготную Леонताля я выучила назубок в первые же дни своего пребывания в ордене. Собратья-новобранцы пересказывали мне её раз сто с восторженным блеском в глазах. Заодно я узнала, как между собой связаны Лидия и Крис.

Моя соотечественница лет пять назад ни много, ни мало спасла Крису жизнь и взяла его под свою опеку. Подробности их знакомства не известны простому люду, но сам Леонталь как-то обмолвился, что иномирянка не дала ему окончательно оступиться и пойти по пути служения богу Арду.

Традиции этого мира делали Крису идеальным тёмным. Его дар — сокрытие в тени. Леонталь может раствориться в любой тени, в том числе своей собственной, и появиться из другой, которая находится неподалёку. А так как тень — часть первосути Арда, можно сказать, что Крис родился с благословением этого бога. Лидия же убедила его, что он не обречён быть жестоким мучителем и может служить свету, если захочет. А всего через год тёмный дар Криса помог моей землячке одолеть великого мага Умбру.

— Григ! Что ты порхаешь вокруг Меллы как мотылёк?! И перед нечистью будешь расшаркиваться, если убивать тебя будет баба-упырица? — кажется, недолгий запас терпения Криса подходил к концу. Но в этом случае я прекрасно понимала чувства нашего наставника.

Я как раз бежала седьмой круг вокруг площадки, и товарищи находились у меня как на ладони. Григ стоял напротив Меллы, сжимая тренировочный меч, но взгляд его, отчаянно-влюблённый, сейчас был направлен мимо противницы. Прямо на меня. Заметив, что я стала свидетельницей выговора, парень отчаянно покраснел и попытался сосредоточиться на поединке, но выходило у него из рук вон плохо. Вообще он обращался с мечом лучше многих, как-никак сын мелкопоместного дворянина, но не тогда, когда тело Генерис появлялось на горизонте...

Я говорю «тело», потому что ни за что не поверю, что моих нынешних поклонников интересует тонкая душевная организация Ольги Смоленской. Раньше что-то такого ажиотажа не наблюдалось.

Крис раздражённо обернулся на меня и покачал головой. Он прекрасно видел, в чём проблема парня, но, к моему удивлению, не спешил свесить всех собак на меня. Когда я спросила его, почему он не разделит мои тренировки с тренировками остальных, чтобы никого не смущать, мастер едко заметил:

— Делать мне больше нечего, чем торчать на поле в два раза больше времени! Знаешь ли, великая госпожа Ольга, у смиренного меня есть ещё некоторое количество работы.

Он помолчал, а затем добавил:

— Григ хорош, гораздо способнее большинства здешних парней и девушек. Но, если смазливая женская мордашка способна отвлекать его от дела, лучше ему уйти сразу, чем умереть потом. Надеюсь, он это поймёт.

Сам Крис к женским мордашкам относился на удивление равнодушно для парня в разгар полового созревания. Зато девушки охотно кокетничали с ним, несмотря на то, что предмет их интереса был сильно моложе их самих.

Самое странное, Магда была одной из его поклонниц. Было смешно смотреть на мою ровесницу, влюблённую в мальчишку, вроде Криса, пусть он хоть трижды самый искусный убийца ордена. Её откровенного обожания он не мог не заметить, не дурак. Но к чести Леонталя не избегал её, но и не давал надежды. Не думаю, что девушка всерьёз рассчитывала, что однажды Крис обратит на неё внимание. Скорее, она добровольно взяла на себя роль его молчаливого стража, блюстителя чести и репутации. И возня со мной, как считала Магда, не идёт на пользу мастеру.

Все два месяца, что я здесь нахожусь, мои тренировки с Крисом сводятся к кроссу и упражнениям. Сначала я делаю «дорожки» на разные группы мышц, затем бегу вокруг площадки. Бегу, пока не упаду без сил и не смогу больше подняться. И это не фигуральное выражение. К концу тренировки я едва могу дышать и волочить ноги. А ведь это ещё не всё, и впереди дежурства!

Если бы Леонталь не оставлял мне, как абсолютно неподготовленному физически человеку, дни на восстановление, я бы уже сломалась.

— Двенадцать с половиной кругов! — торжественно провозгласил Крис в конце тренировки, стоя надо мной. — Отвратительно, но для тебя неплохо.

Это почти похоже на похвалу, но отреагировать я была не в силах. Просто пригубила воды из протянутой фляжки. По ощущениям рухнула на землю от усталости я ещё с полчаса назад, но сесть смогла только сейчас. О том, чтобы говорить, и речи быть не могло.

— Джет просил передать, что книгу, которой ты интересовалась, вернули в библиотеку, — продолжил, тем временем, Крис. Я понимала, что он к чему-то ведёт. Не свойственно ему было разводить со мной беседы. — Говорит, что ты любишь читать фолианты и свитки про магию и дары.

Взгляд, брошенный на меня, уж больно походил на сочувственный.

— Что бы ты ни искала, я могу тебе сказать одно — дар восстановить нельзя. История не знает ни единого подобного случая.

Я упрямо сжала губы, меня вовсе не интересовало восстановление дара, просто я хотела знать больше. Юноша, неправильно истолковав выражение моего лица, покачал головой и продолжил.

— Ты же понимаешь, что, если и есть какие-нибудь полезные исследования на эту тему, у нас в обители их не найти. Дары разных людей слишком индивидуальны и повторяются редко. Их сложно классифицировать или исследовать, так как информации о них крайне мало. Редко встречаются люди, подобные мне.

Он криво усмехнулся. Крис — это один из редких случаев, когда природа таланта известна едва ли не каждому в стране. Обычно достоянием общественности становятся дары публичных людей, которым бывает трудно их скрыть. Например, Лидия обладает неприятной способностью нейтрализовать магию прикосновением. Так они и победили Умбру — девушка свела на нет его магию, а остальные, Крис и ещё несколько друзей иномирянки, убили тёмного. Свидетелей было много, поэтому информация о их способностях распространилась в народе.

Мне не понятно только одно, если магический дар получают уроженцы этого мира, почему он есть у Лидии?

К сожалению, за всё время жизни в обители я не смогла толком разобраться в природе магии этого мира. Как и сказал Крис, в орденской библиотеке очень мало литературы на этот счёт. И ладно бы речь шла только о литературе про врождённые таланты, тайну которых тщательно охраняют, и практическое применение магии, которое может быть опасным. Теоретические, основополагающие аспекты в книгах тоже затрагивались крайне редко. Это значит, либо информация эта элементарна и в разжёвывании не нуждается, либо чересчур специфична и преподают её только магам. Задавать вопросы я боялась, чтобы не навлечь на себя ещё больше подозрений. Мысли о том, чтобы рассказать нынешним товарищам о том, кто я такая, и не допускала.

Не знаю, чего боялась больше — того, что мне не поверят, или, что поверят. Могучей магии света, как у Лидии, у меня нет. Пожелай кто-нибудь сделать меня экспериментальным образцом, я мало что смогу противопоставить.

Когда мне удалось приковылять с площадки и переодеться, времени на библиотеку уже не осталось. Пропускать приёмы пищи в обители — себе дороже, перекусывать здесь особо нечем, а с учётом тяжёлых тренировок есть хотелось постоянно.

В обеденной зале царило обычное оживление, у рыцарей принято, чтобы ученики и учителя обедали вместе, поэтому то тут, то там среди серых форм новобранцев мелькали чёрные облачения наставников. Изредка серо-чёрную массу разбавляли люди в обычной одежде — члены ордена из других обителей, остановившиеся здесь мимоходом, или гости.

Я взяла свою порцию рагу и начала осматривать столы, выискивая место для обеда. Выбрать правильную компанию — целое искусство. У меня нет друзей в ордене — одни меня с трудом терпят, другие из кожи вон лезут, чтобы привлечь внимание, третьи — не замечают вовсе. Обычно я предпочитала компанию последних, но сегодня мне категорически не везло.

— Ольга, сюда! — из-за одного из столов Григ помахал мне рукой. И хотя, судя по всему, он придержал место специально для меня, сесть с ним рядом — плохая идея.

Не могу объяснить почему, но Григ раздражает. Я всегда так реагирую на влюблённых в меня парней, которым не могу ответить взаимностью. Наверное, дело в том, что я ощущаю себя последней сволочью. Ведь вижу же — хороший парень, а сердце не ёкает. И отшить сразу тоже не выходит, воспитание и жалость мешают. Раньше в такие ситуации попадала

всего дважды, — далеко мне до красавицы Генерис, — а теперь приходится сторониться трети мужчин-новобранцев.

Но выбора у меня не осталось — краем глаза я заметила, как в мою сторону направляется здоровяк Хорс с самодовольной улыбкой на лице. Выбор между этими двумя очевиден.

— Спасибо, — негромко поблагодарила я Грига, опускаясь на лавку возле него. Он, отчаянно краснея, завёл какую-то болтовню о тренировках и скором полевом выезде. Все новички этого года страстно ждали первого столкновения с нечистью. Я их энтузиазма не разделяла, потому что отставала от других на два месяца обучения, но поблажек мне никто делать не собирался.

Тут я заметила, что стук ложек стих, и почти все сидящие обернулись в сторону входа. Подняла голову и застыла. С губ невольно сорвалось:

— Эльф?

Сказала и сразу же спохватилась. Никаких эльфов в Орме не было, но вошедший в залу выглядел именно как представитель этого волшебного народа. Правильные черты лица, бледная сияющая кожа и шелковистые чёрные волосы по пояс. Ушные раковины гораздо длиннее, чем у людей, заострённые.

В тишине он явственно услышал мой возглас, потому что обернулся и посмотрел. Льдисто-серые глаза, в которых словно истаяли все краски, обдали холодом. В затылке зазвенело от плохого предчувствия, но даже если бы интуиция молчала, я и сама догадалась бы, что ждать от остроухого ничего хорошего не следует.

— Эльф? — тихо шепнул мне на ухо Григ. Кажется, парень решил воспользоваться моим замешательством, чтобы подобраться поближе. — Нет, его зовут Айолин. Он гомункул.

— Гомункул? — механически переспросила я.

— Ты никогда не слышала про них? — поразился Григ.

Я промолчала. Про гомункулов я знала, но лишь из истории своего мира. Помню, как смеялась над средневековыми алхимиками, когда узнала, что они пытались создать человека из смеси навоза и мужского семени. Озвучивать эту информацию я благоразумно не стала. Если судить по эльфоподобному Айолину, здешние искусственно созданные существа едва ли вышли из навоза. Наконец, я прервала своё затянувшееся молчание:

— Их создают алхимики?

— Не совсем, — покачал головой мой собеседник. — Алхимик делает жизнеспособную заготовку, а маг придаёт ей нужные свойства. Пол, внешность, способности. Гомункула может вырастить только искусный алхимик с подходящим магическим талантом. А вдохнуть искру жизни способны лишь немногие волшебники. Поэтому гомункулов немного — обычно их создают для себя или в редких случаях покупают у тех, кто способен их создать.

— И зачем они нужны? — не совсем поняла я.

Григ замялся и покраснел, будто маков цвет.

— Помощники, слуги, стражи. Маги часто чураются общества других людей и даже себе подобных. А гомункул может ассистировать в экспериментах и при этом хранить все тайны своего хозяина. Бывают и другие дела...

Почему-то я не сомневалась, что под «другими делами» Григ имел в виду согревание постелей, но воспитание помешало ему обсуждать чужую интимную жизнь с девушкой. Дальнейшее пояснение лишь сильнее укрепило мои подозрения.

— Ничего сложного, правда, они делать не способны. Всё-таки не люди, лишь безвольные оболочки. Зато чётко выполняют приказы, гораздо выносливее и сильнее обычных людей, хорошо обучаемы.

Я вновь взглянула на эльфоподобного мужчину. Он замер посреди зала и о чём-то негромко разговаривал с Крисом. Айолин стоял ко мне спиной, но я отчётливо видела улыбающееся лицо моего наставника. Если судить по лицам остальных орденцев, наш мастер-убийца единственный, кто по-настоящему обрадовался приходу гомункула.

— Он не похож на безвольную оболочку, — наконец, резюмировала я.

— Души в обычном понимании у него нет, — равнодушно ответил Григ, потерявший интерес к теме нашего разговора. — Видимость жизни в гомункуле зависит от искусности мага. Чем сильнее творец, тем убедительнее его создание будет имитировать поведение нормального человека. Но Айолин, и правда, очень силён. Гораздо сильнее, чем все остальные гомункулы. Нам повезло, что его отдали ордену.

— Кто отдал? — спросила я, хотя внезапно осознала, что знаю ответ на вопрос и без Грига.

— Принцесса Лидия. После того, как стала королевским магом. Не знаю, имён остальных, но один из них, похожий на змею, работает в библиотеке академии.

Я пыталась Грига ещё минут пять. Раз уж показала свою неосведомлённость, осторожничать поздно. Тем более в кои-то веки мне повезло — оказалось, что брат молодого мужчины алхимик, и он учился в академии одновременно с Лидией.

Создание заготовок для гомункулов и их оживление — часть обучения алхимиков и

магов. Обычно, правда, больше теоретическое, потому что редким алхимикам-студентам удаётся создать жизнеспособные образцы. И ещё реже среди обучающихся находятся маги, которые могут сделать что-то путнее из заготовок.

Один из самых сложных экзаменов у студентов совместный. Алхимик создаёт заготовку, а маг, работающий с ним в паре, пытается её оживить. Иногда удаётся-таки сделать гомункулов. Так было с Лидией, которая сумела создать Айолина.

— Но ты сказал, что у неё было ещё два гомункула?

— Двух других она сотворила позднее, вместе с тем же алхимиком, с которым сдавала экзамен, Мириусом.

Я вспомнила, где слышала это имя. Мириус был среди тех, кто помогал девушке одолеть Умбру.

Как оказалось, два других гомункула ещё более примечательны внешне, чем искусственный эльф Айолин. Крис не знал, как их зовут, но в подробностях описал внешность. Оба нечеловечески прекрасны, вот только у одного из них есть длинный мощный змеиный хвост. А у другого — два белоснежных крыла.

Опознав по описанию очередных выдуманных существ из моего мира, я не смогла сдержать саркастичной улыбки. Похоже, Лидия воплотила в гомункулах свои экзотичные фантазии о мужчинах. Удивительно, что сумела остановиться и не заселила Орм ещё и демонами, оборотнями, драконами и другими волшебными расами, придуманными на Земле.

Озвучивать свои догадки о том, что создавала гомункулов девушка вовсе не из научного, а из более приземлённого интереса, я не стала. Не уверена, что на её месте смогла бы удержаться. Соблазнительно почувствовать себя всемогущей и получить идеального мужчину, который будет полностью тебе предан. Последнее именно так — искусственное существо связано с хозяином магическими узами, оно боготворит своего создателя и готово выполнить абсолютно любой приказ.

И я догадываюсь, почему в конце концов гомункулы отправились в свободное плавание. Едва ли принц Джарел готов был терпеть подле себя гарем Лидии.

— И все маги создают таких красивых гомункулов? — я не смогла сдержать едких ноток, задавая этот вопрос.

Григ снова смутился.

— Да, обычно они приятны внешне, но в пределах разумного. На Айолина, честно говоря, почти больно смотреть. Думаю, это светлый дар помог Лидии создать таких красивых и необычных существ. Они удивительно продуманы, как внешне, так и с точки зрения их способностей. Нужно обладать настоящим талантом творца, чтобы совершить подобное.

Да, а ещё быть знакомым с массовой культурой Земли.

Остаток трапезы прошёл в молчании. Я переваривала услышанное, а Григ притих, опасаясь, что я вновь начну обсуждать с ним красоту других мужчин, пусть и бездушных гомункулов. После обеда я попрощалась с парнем, ставшим для меня источником ценной информации, и побежала на кухню. Сегодня была моя очередь мыть котлы и посуду.

Время до ужина пролетело быстро, но к моему огорчению ни Айолин, ни Крис не появились в обеденной зале. Впервые за время моего пребывания в этом мире судорожное

желание выжить сменилось простым интересом, природа которого была мне вполне понятна.

Гомункул представлялся непостижимым инопланетным существом, куда уж там эльфам, драконам и оборотням. Что заставляет его тело двигаться? Действительно ли у него нет души? Из чего сделано его тело?

Собственный интерес вызывал у меня чувство удрученности. Подозреваю, именно такие жадные до неизведанного люди и ставили опыты на иномирных.

После ужина уже привычно пошла в библиотеку. Джет, наш бессменный смотритель книг, приветственно кивнул мне, но с разговорами приставать не стал.

Я нашла том, посвящённый истории нынешней королевской династии, и с удовольствием отметила, что моя закладка осталась на месте. Вообще, насколько я заметила, орденцы не слишком жалуют чтение. Как и говорила мне когда-то Магда, многие из них научились разбирать письмо с горем пополам и до сих пор не считали это занятие удовольствием.

Искала в книге я ответ на давно мучавший меня вопрос. Во время последнего моего дня в тюрьме принц сказал одну интересную фразу.

— Если бы меня было можно обмануть, я решил бы, что ты легла под какого-нибудь конюха.

Очевидно она относилась к дару Джарела, но спрашивать у кого-либо, какой способностью владеет наследник престола, я побоялась. Во-первых, сдаётся мне, это знают все, раз уж мужчина без утайки говорил со мной о своём таланте. А, во-вторых, спрашивать про то, в чём заключается дар, было верхом неприличия. Эта часть жизни людей считалась такой же интимной, как и секс. Именно поэтому никто до сих пор не спросил, в чём же заключается мой талант.

Глаза слипались от усталости, и даже Джет уже давно покинул библиотеку, когда мои старания были вознаграждены.

«Король Дангарриан Седьмой, как и большинство, представителей династии Триционов, чувствовал зов крови, поэтому сразу опознал в Тересе свою внучку».

— Всё, дело закрыто, Ватсон, — я устало захлопнула книгу. Наверное, стоило дочитать её до конца, но информация не относилась к знаниям первостепенной важности. И без подробностей жизни королей мой список литературы для изучения был огромным. Я бы вовсе не стала тратить на это время, но зудящее чувство не давало мне жить. Что если принц умеет чувствовать ложь? Если так, почему он мне не поверил? Не захотел?

Мои подозрения были вполне обоснованными, умение ощущать правду было довольно распространённым в этом мире, но, как оказалось, Джарел лишь понял, что ещё нерождённый ребёнок — именно его.

Мысль об умершем малыше Генерис окончательно испортила настроение. Я собиралась уходить, когда услышала голос Криса, доносившийся из-за стеллажей:

— Подожди, я проверю, есть ли нужные книги, чтобы завтра озадачить своих оболтусов.

— Они у тебя даже читать умеют? Действительно выбрал лучших из лучших, — в негромком голосе его собеседника звучала явная ирония.

Я почему-то сразу опознала в говорящем гомункула, хотя до этого ни разу не слышала его голос.

Наверное, подслушивать не стоило, но вопреки здравому смыслу я замерла на месте и затаилась. За стеллажами они не смогли бы разглядеть меня, сидящую в самом дальнем углу

библиотеки.

Крис зашелестел страницами каталога, но разговора не прервал. Вот только интонации его голоса изменились, эта часть беседы явно не предназначалась для посторонних ушей:

— Говорил тебе, что поиски бесполезны. Я перерыл всю столицу ещё до твоего возвращения. Все концы в воду. Возможно, принц объявил о том, что помиловал Генерис, чтобы успокоить Лидию, а сам убил предательницу. Я бы так и поступил.

— Я не успокоюсь, пока не увижу мёртвое тело этой твари, — голос гомункула источал холод, пробиравший до костей.

Внезапно я отчётливо осознала, что Айолин, будто неумолимая адская гончая, будет преследовать Генерис до скончания её дней. Я сжалась на своём стуле, словно надеясь раствориться в пыльном воздухе ночной библиотеки.

— Сомневаюсь, что он убил её, если она, и правда, стала пустышкой. Очень это уж похоже на него — растянуть удовольствие от чужих страданий. Уверен, что он знает, где её искать, но притворяется дураком.

— Не слишком-то умно называть наследника престола и мужа Лидии дураком даже в шутку, — неодобрительно заметил Крис. — Ладно я, но другие могут использовать это против тебя.

— Ты знаешь моё мнение о нём, — резко ответил Айолин и в нетерпении заходил по комнате. Половицы гневно скрипели под его ногами. — Он держит меня и остальных на расстоянии от дворца, не даёт с ней увидеться.

В голосе его прорезалось отчаяние, нарастающее с каждой брошенной фразой. Почему-то я отчётливо увидела прекрасное лицо гомункула, на котором под влиянием чувств поселилась тоска по любимой женщине и ненависть к отнявшему её мужчине. Что бы ни говорил Григ, я не сомневалась, что у Айолина есть душа. И эта душа любит Лидию.

— Я не видел её полтора года. После того, как он убедил Лидию отпустить нас «ради нашего же блага», — боль в голосе сменилась ядом. Благом расставание со своей хозяйкой гомункул явно не считал.

Крис долго молчал, но, наконец, осторожно заметил:

— Ты, Трэс и Киа всегда слишком идеализировали Лидию. Я люблю её как сестру, которой меня никогда не было, но всё-таки ясно вижу и её недостатки. Называй это, как хочешь, но не верю, что пожелай она увидеться с вами, Джарел смог бы её остановить.

Я приятно удивилась. Не думала, что Крис из тех немногих, кто смотрит на Лидию трезво. Сама я была полностью согласна с его доводами. Похоже, что принцессе было удобно нынешнее положение вещей, поэтому исправлять его она не собиралась.

Но Айолин не захотел замечать не то, что недосказанное, но даже сказанное напрямую и продолжил:

— Будь я рядом, эта дрянь не сумела бы к ней подобраться. Он не сумел защитить её, хотя обязан был это сделать. Как он вообще может спать спокойно, зная, что женщина, попытавшаяся убить его возлюбленную и ребёнка, ходит по земле и дышит одним с ними воздухом?

Услышав это, я похолодела, и ясно поняла то, что Айолин, ослеплённый чувствами, не осознал.

Нет, разумеется, Джарел не позволит мне спокойно жить дальше. Раньше или позже за мной придут. Когда ему надоест растягивать предвкушение моей казни. Или, когда посчитает, что я недостаточно сильно страдаю.

Человек, в глаза которому я смотрела в темнице, не оставит несостоявшуюся убийцу своих близких в живых.

Когда в книге героиня попадает в иной мир, она либо быстро вливается в новую действительность, либо страшно долго отказывается верить в происходящее. Со мной вышло иначе. Я сразу осознала, что уже не на Земле, но чувствовала себя больше наблюдателем, чем участником событий.

Вопреки здравому смыслу мне до сих пор трудно принять, что тело Генерис теперь моё. Оно, словно одолженная одежда, которую при желании можно снять и вернуть прежней хозяйке.

Пока я думала так, мне было легче переносить всеобщую ненависть, презрение, осуждение, направленные на неудачливую убийцу Лидии. Нельзя сказать, что Генерис упоминали в разговорах так уж часто, но к ней сводились многие беседы о королевской семье.

Я радовалась, что могу отстранённо воспринимать откровенную людскую неприязнь. Жизнь Генерис и жизнь Ольги в моём понимании никак не соприкасалась. И багаж грехов первой я не воспринимала своим.

Но сегодня душевная броня дала трещину. Я осознала, что всё-таки пустила здесь корни и привязалась к тем людям, к которым не должна была.

Наверное, нет ничего странного, что я прикипела душой к мальчишке, хотя он и был откровенно против моего присутствия в ордене.

Ей-богу, будто чувствовал, в чём подвох!

Крис напоминал мне младшего брата, но, как я давно успела убедиться, был разительно более зрелым внутри. Всё-таки в Орме с его отчасти средневековым укладом общества взрослеть приходилось быстрее, а Леонतालю ещё и жизнь изрядно потрепала. Поэтому Крис у меня вызывал невольное уважение. К тому же ему было наплевать на лицо Генерис, поэтому можно было не беспокоиться о внезапно вспыхнувшей юношеской влюблённости с его стороны.

Почему-то я отчётливо видела, как через некоторое время мы с ним смогли бы стать хорошими друзьями, несмотря на разницу в возрасте. Могу с лёгкостью представить наши разговоры с взаимными подковырками и потоками брани. В таком «предвидении» нет ничего волшебного. Так иногда бывает, когда встречаешь человека, с которым находишься на одной волне.

Так могло бы быть и с Крисом.

Но никогда не будет.

И от этого мне было почему-то очень больно. Будто я уже потеряла дорого друга.

Из библиотеки я уходила подавленная далеко за полночь. Леонताल и гомункул погасили за собой светильники, а я ещё долго сидела в темноте, предаваясь жалости к себе.

Если Крис и Айолин разоблочат меня, станут ли вникать, действительно ли я иномирянка, или решат, подобно принцу, что это ещё одна интрига Генерис?

Интуиция подсказывала, что быть откровенной не стоит. При одной только мысли о том, чтобы поделиться с кем-нибудь моей историей, звон в затылке нарастал столь сильно, что я не сомневалась — правда приведёт к смерти.

Тем более, находясь в ордене, я узнала одну малоприятную деталь.

В истории Орма не зафиксировано ни одного перемещения именно души иномирянина.

Всегда жители других миров попадали сюда во плоти.

Вообще ордены знают об иномирных довольно много. Долгое время пришельцы извне считались ещё одним видом нечисти и новобранцев готовили к возможной встрече с ними. С приходом Лидии, правда, неофитам эту тему преподносят уже осторожнее, а не под грифом: «Обезвредить и убить». Но для меня утешительного мало. В глазах здешних рыцарей я буду либо неизведанной тварью, захватившей тело жительницы Орма. Либо вовсе мошенницей Генерис, ведь подтвердить правдивость моих слов может лишь Лидия, а рассчитывать на встречу с ней не приходится. Раз уж даже гомункул не может увидеть свою хозяйку.

Когда я добралась до женского крыла, половина коридорных светильников уже погасла. Ночью энергию в ордене сэкономили, поэтому силуэты обрисовывались едва-едва.

О позднем возвращении я не беспокоилась. Хотя в ордене и существовали определённые правила, комендантского часа, как такового, не было. Можно хоть всю ночь не спать, пока ты не мешаешь другим и способен наутро тренироваться и выполнять свои обязанности.

Поэтому я совсем не удивилась, заметив, что не одна в полумраке коридора. В дальнем его конце на скамье, стоящей у единственного окна, кто-то сидел. Задерживаться и разглядывать неизвестного я не стала. Медленно подошла к нашей с Магдой комнате и уже хотела было взяться за ручку, когда услышала знакомый голос:

— Удивительно, что ты уже настолько освоилась здесь, Ольга.

Сердце пропустило удар, и понеслось вскачь. Этот холодный голос я слышала всего один раз в жизни, но запомнила и узнала бы из тысячи. Ещё бы. Ведь его обладатель сетовал на то, что убить меня не удалось.

Всеми фибрами души я чувствовала, что полночный визит гомункула ничем хорошим не светит, поэтому постаралась взять себя в руки и осторожно произнесла:

— Мы знакомы?

Мужчина неторопливо поднялся со своего места. Лунный свет обрисовал тёмный силуэт на фоне звёздного неба за стеклом. Я предпочла, чтобы там, возле окна, он и остался, но Айолин медленно подошёл ко мне и замер на расстоянии вытянутой руки.

Не сделать хотя бы шаг назад стоило большого труда. Спина горела напряжением, будто в неё ввинтили железную арматуру, но всё-таки я вскинула голову и в который раз порадовалась высокому росту Генерис. С моим прежним телосложением я ощутила бы себя крошечным насекомым подле Айолина, а так удалось сохранить подобие достоинства.

— Нет, — ответил гомункул. Теперь, когда он стоял близко, его лицо было хорошо различимо в тусклом свете кристаллов. Высокие скулы, чуть раскосые глаза и очень бледные губы. Но не всё это заставило меня потрясённо застыть и даже на время забыть о настороженности.

По серой радужке глаз мужчины проходили всполохи мягкого света, хорошо заметные в полумраке коридора. Больше всего они напоминали блики солнца в толще льдисто-серой воды. В сочетании с тёмным ободком по краю радужки и чёрными длинными ресницами смотрелось это волшебным.

«Лидия, ты рехнулась», — удручённо подумала я. Было ли это честно, создавать Айолина с такой любовью и вниманием к деталям, придавать особый смысл каждой частице его существования, а затем просто выкинуть из жизни?

Он скупно улыбнулся мне, очевидно, привычный к подобной реакции, а я с трудом вернулась мыслями к сложившейся ситуации и заметила:

— Тогда почему бы вам не представиться, раз вы всё равно уже знаете моё имя.

— Мне казалось, ваш товарищ по трапезе довольно подробно ответил на все вопросы. Особенно добавить мне нечего.

Быть пойманной на сплетнях было откровенно стыдно. Кто же знал, что не только внешность гомункула подобна эльфийской, но и слух? Я понадеялась, что в полумраке коридора румянец на моих щеках не слишком заметен, оправдываться не стала:

— Мне было любопытно, никогда не встречала раньше гомункулов.

Он должен был обидеться. Мой интерес был подобен тому, с которым балаганная публика взирает на цирковых диковинок. Но Айолин не подал виду, что внимание было ему неприятно.

— Действительно, откуда им взяться в другом мире, — лишь негромко заметил он.

Я замерла, надеясь, что мне удалось справиться с паникой, поднявшейся в груди, раньше, чем она успела отразиться на лице. Жаркая волна окатила позвоночник, ладони разом вспотели и дышать стало почти невозможно, но голос Генерис, прорезавший тишину, отчего-то был удивительно спокоен:

— Не пойму, о чём это вы. Мытищи, конечно, жуткое захолустье, но целым другим миром их назвать сложно.

Я настолько привыкла лавировать между ложью и правдой, чтобы случайно не попасться на вранье, что нужная фраза вырвалась сама.

Гомункул воспринял мои слова совершенно спокойно, и следующая фраза подсказала почему:

— Охотно верю. Но также я уверен и в том, что эльфы в нашем мире не водятся, зато водятся в фантазиях людей, населяющих Землю.

Сияющие глаза мужчины были полны иронии. Похоже, он слишком много знал о моём мире, поэтому видел уваливания насквозь и медленно, но верно припирали к стенке. А я этого жутко не любила.

Но, увы, никакого правдоподобного объяснения мне в голову не приходило. Я уж было решила начать плести какую-нибудь чушь, вроде: «Эльф — это такое ругательство в моей деревне», но даже произносить такую ахиною было как-то стыдно. Гомункул, меж тем, продолжал заколачивать гвозди в крышку моего гроба:

— Госпожа рассказала мне, что наделила меня обликом эльфа — выдуманного создания.

Одна мысль о Лидии заставила лицо мужчины преобразиться до странности. Отстранённость и самообладание на миг покинули Айолина, и в глазах его мелькнула почти животная тоска.

Почему-то от этих подсмотренных чувств мне стало не по себе.

— Не понимаю, что вы имеете в виду. Я от плоти и крови — дитя этого мира. Просто приняла вас за другого, — с каждой новой фразой голос мой становился всё суше и враждебнее. Хотелось поскорее окончить неприятный разговор и оказаться в комнате.

Деревянная деверь, будто в ответ на моё желание, запахнулась и на пороге показалась разъярённая Магда:

— Ты! Нашла место для свидания с дружкой! Катитесь в одну из свободных комнат и не мешайте мне спать. В отличие от некоторых, у меня завтра тяжёлая тренировка.

Ни разу ещё я не была настолько рада видеть её грубое и недружелюбное лицо. Облегчённо вздохнув, я проскользнула в комнату, оставив «дружка» в одиночестве.

Вопреки моим опасениям, гомункул не продолжил допрос ни на следующий день, ни через неделю, ни через месяц. Время от времени я ловила на себе его взгляды, но к активным действиям Айолин не переходил.

Иллюзий на его счёт я не строила. Он не поверил мне ни на йоту. Я читала это в его странных глазах. Но, к счастью, в них не было враждебности или параноидальной подозрительности. Казалось, он всё для себя решил на мой счёт, но предпочёл на время отступить и ждать. То ли малейшей оплошности, то ли пока я сама решусь поговорить с ним.

Я отвечала Айолину тем же. Должно быть, воспоминание о его глазах, мерцающих в темноте, сыграло со мной злую шутку. Я то и дело ловила себя на том, что смотрю на его бледное лицо, и это категорически не нравилось мне по многим причинам.

Недосказанность, повисшую между нами в воздухе, не заметил никто, кроме Криса.

— Что произошло между тобой и Айолином? — спросил он однажды после тренировки, когда я лежала без чувств после выматывающего кросса. — Если бы я знал его чуть меньше, решил бы что он, как и все эти простофили, положил на тебя глаз. Но это невозможно.

Я порадовалась, что можно было не отвечать сразу. Как всегда после тренировок, дыхание восстанавливалось с трудом. И хотя сейчас, после трёх месяцев муштры под командованием Криса, я уже не находилась в предобморочном состоянии от нескольких кругов вокруг площадки, всё-таки время прийти в себя требовалось.

«Значит, он не рассказал никому о своих наблюдениях», — отстранённо подумала я. Если о подозрениях Айолина не знает Крис, значит, не знает никто в ордене.

До сих пор мне было не совсем понятно отношение орденцев к гомункулу. Большая часть наставников предпочитала не замечать мужчину, в глазах новобранцев я видела либо нездоровый интерес, либо пренебрежение.

Айолина, казалось, всё это не беспокоило вовсе. Его колючие светлые глаза обдавали холодом любого, кто появлялся в поле зрения, за исключением, разве что, Криса. Рядом с гениальным убийцей «эльф» будто оттаивал и становился больше похож на обычного человека.

Гомункул рассказал бы именно Крису о своих догадках, как другу и мастеру ордена, если бы вовсе собирался ими делиться.

— Возможно, он догадывается, кто я, — нехотя отозвалась я, поднимаясь с земли.

Нечестно было так поступать. В конце концов, это ничем не лучше вранья — сознательно вводить в заблуждение небезразличных тебе людей. Но разве был у меня выбор? Честные долго не живут. Если, конечно, у них нет под рукой магии света, способной выжечь до костей противников.

Мне очень хотелось разделить с кем-нибудь бремя тайны, довериться Крису или даже Айолину, хотя симпатия к последнему и казалась мне необоснованной. Но я боялась. Того, что придётся спешно убегать отсюда, сжигая за собой все мосты. Того, что сбежать не удастся, и сжигать будут уже меня. И, что в сотню раз страшнее, мне не хотелось прочесть однажды презрение на их лицах. Понять, что видят они не меня, а Генерис.

— Я не говорил ему, — Крис помрачнел, истолковав мой ответ так, как мне того и хотелось. — Об этом знают ещё лишь двое среди здешних наставников. Но никто из них не передал бы эту информацию Айолину.

Я пожалала плечами, словно бы говоря, что тоже не знаю, в чём дело, но от Леонтакя так просто не отвязаться.

— Он тебе понравился?

— С чего ты взял? — на моих губах невольно появилась улыбка. Ситуация, в которой я обсуждаю с шестнадцатилетним Крисом свои «сердечные» привязанности, казалась странной.

— Надеюсь, что мне показалось, — серо-зелёные глаза мальчишки были непривычно серьёзны, без намёка на насмешку. — Возможно, меня ввело в заблуждение то, как ты смотришь на него...

Он на мгновение замолчал, подбирая слова.

— Как?

— Без предубеждения. Обычно мужчины-гомункулы интересуют девушек лишь в одном смысле. И смотрят они на них соответствующе...

— Будто хотят затащить на ближайший сеновал? — не удержалась я от иронии.

— Будто не видят личность, с которой стоит считаться. Только тело, подходящее для удовлетворения похоти, — ничуть не поддержал мой шутливый тон Крис.

— Зачем обсуждать всё это со мной? — мастер не был похож на сплетника, готового трепать имя друга за его спиной. Значит, он вбил себе в голову, что я безумно влюблена в Айолина, и хочет предупредить, что вздыхать по нему не стоит.

— Затем, чтобы твой интерес не перерос в нечто больше. Ответить тебе взаимностью Айолин никогда не сможет, — Леонтакя не выглядел довольным, говоря это. Похоже, неспособность друга любить кого-либо, кроме Лидии, внушала убийце опасение.

Мне хотелось спросить Криса о многом. Раз Лидия отпустила гомункулов, разорвала ли она магическую связь? В глазах других её созданий читается такая же животная тоска? Но на эти вопросы я не имела права.

— Не стоит беспокоиться, — сухо ответила я на предупреждение наставника. — В этом смысле меня не интересует ни Айолин, ни кто-либо ещё.

И это правда. Иногда, когда одиночество заполняет меня до дна, я думаю, что, возможно, стоит ответить на завуалированные намёки кого-нибудь из мужчин и согреться, если не душой, то хотя бы телом. Представить, что сильные руки, обнимающие меня, способны защитить от подавляющего холода и страха. Я не юная мечтательница, мне было бы достаточно и только плотской связи. Но даже в отношениях ради секса должна быть искренность, которой я дать не смогу. Трудно забыть, что большинство из тех, кто сейчас увивается вокруг, никогда и не посмотрели бы в мою сторону, знай они, что я бездарок.

— Это хорошо, — Крис ненадолго замолчал. — Я ещё не объявил остальным, но на время полевого выезда все новобранцы будут разбиты на группы по четыре человека, к каждой из которых будет прикреплен наставник. Наша группа слишком большая, я не смогу взять всех, поэтому ты, Григ, Мелла и ещё один новобранец из другой группы поедите с Айолином.

Должно быть, прекрасное лицо Генерис всё-таки перекошило от открывшейся перспективы, поэтому что убийца насмешливо уставился на меня.

Дело было не только в Айолине. Но и в Григе, влюблённом в меня. И в Мелле, неровно дышащей к Григу. Не знаю, кто будет у нас четвёртым, но и этого достаточно, чтобы желать провалиться сквозь землю.

Группы под руководством наставников выезжают в отдалённые уголки Стейнхорма, в

которых накопились проблемы. Полевые выезды должны занять месяц-полтора. Я не представляла, как проведу это время в такой компании.

— Почему именно так?! — я невольно вскинулась, хотя всегда старалась контролировать эмоции, чтобы не наговорить лишнего. — Чёрт, с ним, с Айолином, но почему я должна быть в одной команде с этими двумя? Ладно бы ещё один Григ...

Я заметила выражение лица наставника и замолчала.

Всё ясно. Кое-кто решил избавиться от всех проблем разом.

Неприятно сознавать, но единственный разлад в группе Криса связан со мной. Той, кого он не желал видеть в ордене изначально. Сейчас ситуация изменилась — мастер не ожидал, что я продержусь так долго. Удивлялся моему упорству и отсутствию жеманного кокетства, которое, по мнению подростка, просто обязано идти в комплекте с внешними данными. Мы пообтёрлись и научились уважать друг друга. Не знаю, были ли у него ещё сомнения на мой счёт, но больше он их не показывал, и относился ко мне ничуть не хуже, а в чём-то даже лучше других его подопечных.

Но проблему это не решало. Григу сложно сосредоточиться на деле, когда я неподалёку. А Меллу ситуация раздражала столь сильно, что она начинала творить глупости.

— Ты хоть и нагнала в физической подготовке остальных, но всё ещё одна из самых слабых новобранцев, — кажется, он заметил, как мои губы изогнулись в недовольной гримасе, поэтому поспешил добавить. — Голова у тебя варит, что надо, и не скажешь, что ты необразованная, но с техникой боя пока беда. Григ и Мелла при всех их недостатках одни из лучших моих учеников. Не знаю пока, кто у вас будет четвёртым, но очевидно кто-то из среднячков. Получится крепкая и сбалансированная команда, если вы сумеете справиться со своими проблемами.

«У меня одна проблема — я застряла в чужом мире. И тимбилдингом где-нибудь на болотах это не исправить», — хотелось мне сказать ему, но я, конечно, промолчала, махнула рукой и собралась уже было уходить, когда услышала голос Криса, в котором сквозило неприкрытое любопытство:

— Кстати, а что такое чёрт?

Нет, только не снова!

Дни тянулись один за другим, весна перевалила за середину, и мне стало совсем не до гомункула и его подозрений. Тренировки ужесточились для всех новобранцев, но для меня особенно.

Крис переступил через своё нежелание возиться с неперспективной ученицей. Никаких дней отдыха теперь не было и в помине, да и щадить меня больше не было надобности. За четыре месяца в стенах обители я значительно окрепла: тощее тело Генерис стало более выносливым, гибким, а кое-где даже появился не слишком заметный, но всё-таки мышечный рельеф. Убедившись, что я соответствую только ему известным стандартам, Леонталь начал давать мне боевую подготовку.

Методы Криса не имели ничего общего с обычной отработкой ударов. Если говорить грубо, убийца отрицал само понятие какого-либо стиля в фехтовании. Его манера ведения боя была непредсказуема и напоминала сумбурную мешанину из приёмов. Но так казалось лишь на первый взгляд, каждое движение юноши было выверенным и отточенным — никаких тебе сомнений, лишних метаний и раздумий.

Крис учил сражаться также, потому что считал, что в честном поединке мне не выстоять. Хотела бы я похвастаться особыми успехами, но владение мечом давалось тяжело и не только из-за физических ограничений. Сложно представить, как я выйду с одноручным клинком наголо против какого-нибудь монстра. Или того хуже, человека. В общем, энтузиазма к овладению ратным делом было во мне немного, но я честно старалась, надеясь, что в трудную минуту тело среагирует на опасность быстрее, чем разум, скованный моральными терзаниями.

Посещение библиотеки я практически забросила. Сил на чтение не было — перегруженный за день мозг отказывался воспринимать информацию. Я знала, что останавливаться нельзя. Каждый упущенный для знакомства с этим миром час, мог стать роковым. Но приходилось утешать себя, что за месяцы в ордене успела узнать многое.

Я досконально изучила карты Стейнхорма — расположение самых крупных населённых пунктов и важных географических объектов. Могла прикинуть, сколько времени понадобится, чтобы добраться из одной точки в другую — пешком или на лошади. Пришлось больше узнать и о великих домах, чтобы понять какие территории и под чьим контролем находятся.

Изучению растений и грибов я отвела почти две недели, запоминая в первую очередь съедобные и несъедобные. Над целебными и ядовитыми, к счастью, отдельно корпеть не пришлось — будущих рыцарей обучали основам целительского искусства. Поэтому эту часть я усваивала вместе с остальными.

Здесьняя медицина меня поразила до глубины души. Из-за того, что Орм пропитан силой Создателя, все растения магические — одни в большей, другие в меньшей степени. Энергия усиливает их свойства настолько, что по своему воздействию они ничем не уступают синтетическим лекарствам, разработанным фармацевтами моего мира. А некоторые растения и вовсе волшебные по своей силе.

Эффективность растений напрямую зависит от времени их роста. Многолетние сильнее однолетних, отвары из коры и листьев кустарников и деревьев лучше, чем сделанные на любых травах. Это, кстати, объясняет странную любовь жителей Орма к деревьям — их

езде действительно много и к ним относятся бережно, особенно к редкому седалу — дереву, листья и кора которого обладают целебными свойствами.

Это, конечно, не всё, что довелось мне освоить за столь короткий срок. Удивительно, но отчего-то новая для меня информация запоминалась легко и большей частью с первого раза. Жаль только, что хорошая память не слишком помогает в освоение практики...

Отношение ко мне орденцев со временем изменилось. Большая часть мужчин, осознавших, что меня интересует лишь учёба и тренировки, а слово, если и вытянешь, то всё про лекции и боевую подготовку, отстали. Я всё ещё ловила на себе чужие взгляды, но теперь на меня смотрели больше как на приятную картинку, а не на возможный любовный интерес.

Чего нельзя было сказать о Григе или Хорсе. Мой товарищ по команде быстро осознал, что в отношениях я не заинтересована, но сдаваться не спешил и надеялся со временем добиться взаимности. Он не был навязчив, напротив, внимателен и галантен, и тем сильнее меня тяготило внимание. Тем более, что общались мы много, а впереди — злосчастный выезд.

Хорс, напротив, шёл напролом. Он искренне считал себя величайшим подарком для любой женщины. И собирался осчастливить самую достойную, на его взгляд, кандидатуру, то есть меня. Не думаю, что он был влюблён, просто счёл, что я самая породистая кобылица в окружающем его стаде. Именно так он женщин и рассматривал. Может быть, я думаю о нём слишком плохо, но он из той породы мужчин, которые вполне могут зажать приглянувшуюся им девушку где-нибудь в углу. И не важно, согласна она или нет.

По мере того, как мужской ажиотаж вокруг меня утихал, женщины начинали относиться ко мне лучше. Даже Магда успокоилась, заметив, что я стараюсь изо всех сил, чтобы не бросить тень на обожаемого ею Криса.

Почти идилия, но меня не оставляло ощущение, что это лишь затишье перед бурей.

За две недели до выезда я проснулась от внезапно усилившегося предчувствия беды. С момента моего вступления в орден оно всегда следовало за мной, будто назойливая муха, которую я почти перестала замечать. Не знаю почему, но после перемещения в Орм интуиция стала проявляться гораздо чаще, чем на Земле, а я теперь лучше толковала её проявления. Само вступление в орден должно было привести меня к неприятностям в будущем. Я не вняла этому чувству, и оно утихло, не исчезнув, впрочем, совсем. Иногда я получала другие предостережения, но всегда знала, что они относятся к чему-то менее значимому. Как в тот раз, когда я почувствовала знакомый звон в затылке перед уроком верховой езды, а позднее оказалось, что сбруя лошади износилась, и не проверь я её, могла бы покалечиться.

В то утро я точно знала — бешенный стук сердца и звон в затылке, почти сводящий с ума, не имеют ничего общего с мелкими напастями. Должно было случиться что-то такое, что приблизит меня к роковому часу, в ожидании которого я жила последние месяцы.

День шёл своим чередом, но после обеда всем новобранцам неожиданно предложили остаться в общей зале для объявления.

— Некоторые из вас отправятся на полевой выезд раньше задуманного. Мы получили срочные известия от одного из отделений, им нужна наша помощь, — старший наставник окинул взглядом толпу новобранцев. Убедившись, что мы обратились в слух, добавил. — Так

как это задание будет сложнее прочих, на выезд поедут целых три команды — под руководством Криса Леонтоля, Айолина Криольда и Тамиры Ройд.

Хотя никто не сказал «три самых сильных команды», но понимание этого повисло в воздухе. А я внезапно осознала, что среди двенадцати учеников, отправленных на неведомую миссию, стану самым слабым звеном, если, конечно, наставники не передумали меня включать в команду Айолина. Такое было возможно, так как окончательный состав ещё не утвердили.

Словно прочитав мои мысли, мужчина принялся зачитывать имена новобранцев. Под руководством Криса, как и ожидалось, были все наши — в том числе, моя соседка по комнате, к Тамире ушёл ещё один из подопечных Криса и трое самых выдающихся новичков из общего потока. А вот в команде Айолина...

Не знаю, что отразилось на моём лице, но Крис, в которого я впиалась зверским взглядом спешно отвернулся и прикусил нижнюю губу, сдерживая смех.

Этот засранец, а иных слов для него у меня не было, не только не исключил меня из команды, но и добавил туда... Хорса! Вот тебе и среднячок. Вот тебе и сбалансированная команда. Кажется, я всё-таки застонала от отчаяния в голос, потому что стоящие рядом товарищи оглянулись на меня и окинули недоумевающим взглядом.

Я знаю, чем закончится этот выезд. Мои самоубийством.

— Ольга, не будь такой угрюмой! Разве не чудо, что нам досталась такая миссия? — серые глаза Грига сияли восторгом от открывшейся перед ним перспективы.

Цель поездки нам озвучили перед самым отбытием, чтобы воодушевленные новобранцы не разболтали подробности остальным командам. И, в отличие от Грига и остальных, у меня она никакого энтузиазма не вызвала.

Не так давно орденцам удалось поймать нескольких последователей Умбры. На допросе один из них признался, что где-то в лесу на границе с соседним королевством Херизой у мёртвого ныне тёмного мага было личное убежище. Где именно, не знал никто, в том числе пленник, выдавший тайну бывшего предводителя. Поначалу рыцари из местной обители и несколько волшебников пытались разыскать убежище своими силами, но у них ничего не вышло, поэтому понадобилось подкрепление, чтобы методично прочесать каждый клочок леса. Задействовать крестьян из окружных деревень не стали, больно уж много тварей расплодилось за время войны и не все из них были ещё перебиты.

Разумеется, дело это было не из лёгких, но свободных рыцарей и магов было не так много, пришлось брать и некоторых новичков. Тем более, что Крис и Айолин отправились бы а приграничные леса в любом случае. Крис как представитель совета мастеров, искусный воин и сам тёмный по своей сути. Руководство очень рассчитывало, что юноша сумеет почувствовать сосредоточение магии Умбры. Айолин же, как я узнала совсем недавно, занимал должность длани совета, был нечеловечески силён и быстр. Любому из простых рыцарей до него далеко.

— Тебе хорошо говорить, ты лучший среди нас, — чуточку ворчливо отозвалась я, разглядывая троицу наставников, обсуждающих между собой дальнейшие планы. Крис казался непривычно серьёзным и сосредоточенным, формально он был старшим среди нас по «званию» и возглавлял выезд, но на практике лидером команд была многоопытная Тамира — сухопарая и седовласая женщина в годах. Она не была очень уж умелым воином, но все признавали её мудрость и острый ум. Тамира и Крис что-то горячо обсуждали, а

Айолин просто стоял рядом. Казалось, его вовсе не интересовал разговор.

— Держись меня, и всё будет в порядке, крошка, — пробасили у меня над ухом. Я скривилась и привычно увильнула от прикосновения огромных рук. Хорс всегда старался приобнять меня нарочито по-дружески, так, чтобы прямо предьявить ему ничего нельзя было. Но что-то я не замечала с его стороны такой тяги к другим.

Григ напрягся. Он, в отличие от многих новобранцев, Хорса не боялся, но я не могла позволить ему защищать меня, если хотела сохранить уважение окружающих, поэтому ответила сама:

— Нет, спасибо, знаешь ли, жуть как хочется перерезать глотку паре чудовищ, а они разбегутся при виде тебя.

По самодовольной ухмылке Хорса я поняла, что иначе как комплимент он мой ответ не воспринял, хотел было что-то сказать, но нас прервал появившийся Айолин:

— Хватит, — ледяной голос гомункула отбил у меня желание пререкаться, но на Хорса, как ни странно, подействовал плохо. Я давно уже заметила, что большинство мужчин-новобранцев относилось к мужчине едва ли не с пренебрежением. В лучшем случае его считали собственностью ордена. Инструментом совета мастеров. В худшем... проходились по его внешности и отпускали сальные шуточки, дескать, не просто так он на бабу похож внешне. Создали его, значит, с определённой целью. Это был явный поклёп. Гомункула при все его красоте за женщину мог бы принять разве что слепой, глухой и безмозглый. Все девушки ордена согласились бы со мной. Им, в отличие от Хорса, и ему подобных, он пришёлся очень даже по душе...

Сплетни распускали, конечно, исключительно за спиной мужчины, ни один ученик не посмел бы сказать Айолину такое в лицо. А после одного случая все и вовсе уяснили, что их мнение на счёт гомункула следует держать при себе, если не хотят нажать себе врага в лице Криса Леонталя. Тот уж точно не верил в теорию о бездушности гомункулов.

Однажды Мелла на тренировке неосторожно сказала — мол, чему существо из пробирки может нас научить. В таком бешенстве я не видела Криса ещё ни разу. Мы выслушали целую лекцию о том, что последователям Квелты стыдно быть невежественными и предвзятыми. Чтобы мы уж точно усвоили науку, мастер вlepил нам двойную нагрузку и пообещал без раздумий выкинуть из ордена тех, кто не будет относиться к своим товарищам без уважения. Об этом случае стало известно всей обители, и с тех пор даже в шутку и между собой насмешки в адрес Айолина произносить перестали.

— Наша команда поедет в деревню Эмбриш, — продолжил «эльф». — Там оставим лошадей, возьмём провизию и завтра выдвинемся в лес. Сегодня до темноты уже не успеем.

Мы попрощались с остальными — за каждым отрядом была закреплена своя местность, которую предстояло обследовать. Если одна из команд обнаружит следы убежища тёмного мага, нужно будет разбить сигнальную сферу, припасённую на этот случай. Заклинание, хранящееся в артефакте, освободится и вернётся к магу, его сотворившему. Так в ближайшей обители узнают, что поиски завершились успехом.

На деле всё было просто, но звенящая боль предчувствия, которая почти извела меня за последние дни, подсказывала — чёрта с два так будет.

В деревне нас встретили приветливо, рыцарей Ордена пятерых в народе любили, а про гомункулов знать не знали, поэтому никаких предубеждений со стороны крестьян не было. А сухонького вида староста даже смешливо заметил что-то вроде: «Дивные уши у вашего старшего. За версту видать».

Я промолчала. Интересно, что скажут деревенские, когда поймут, что у Айолина ещё и глаза в темноте светятся?

Нас накормили, напоили и разместили в небольшом домишке. Жена старосты предложила было постелить мне и Мелле отдельно, но Айолин сухо заметил, что все мы товарищи по оружию, провели в пути уже не одну ночь и привыкли спать бок о бок.

В деревне никаких волшебных светильников и в помине не было, поэтому стемнело очень быстро. Глаза слипались и настроя на разговоры не было совсем, поэтому отход ко сну мы оттягивать не стали. Я расстелила свой походный матрас, укралась одеялом и провалилась в сон без сновидений.

Только где-то на краю сознания мне чудился чей-то голос.

Так вышло, что самыми неподготовленными к передвижению по лесу оказались мы с Меллой. Григ, как и многие знатные лорды, любил охоту. Хорс родом из небольшой деревушки где-то на окраинах Стейнхорма, он с детства пропадал в лесу. Не знаю, где поднаторел Айолин, но он мог заткнуть за пояс их обоих, а вот мы...

Мелла по происхождению горожанка. Лес она не видела даже на картинках. В ордене нас, конечно, учили полезным в путешествиях вещам. Но те же силки девушка, как и я, умела ставить лишь в теории.

В своей прежней жизни я любила ночёвки на природе. Но одно дело — приехать на машине в лес, разбить палатку и сделать шашлык. Другое — идти целый день через буераки, таща на себе амуницию и пытаться отогнать от себя гнуса.

Поэтому в первый же день в лесу мы с Меллой изрядно погрустнели и кое-как дождались вечернего привала.

Как и ожидалось, за весь день мы не увидели ничего подозрительного. То есть, конечно, подозрительным было всё. Но исключительно для меня, таращащееся на странных насекомых, птиц и растения.

Я старалась держать себя в руках и не замирать над каждым диковинным жуком, но получалось не очень хорошо. В конце концов Айолин, идущий впереди, не выдержал и не без лёгкой иронии заметил:

— Ольга, я понимаю, что Мытищи настолько загадочное место, что орпусы там не водятся, но постарайся сосредоточиться.

Краска залила лицо, и я была уверена, что моё смущение заметили все спутники. Как назло, белокожая Генерис краснела столь явно, что пытаться делать морду кирпичом было бесполезно.

Поспешно отвернувшись от яркой птицы, я заставила себя сосредоточиться на тревоге, бередящей душу. Кажется, я всё лучше понимала её значение.

Вечерний привал мы устроили недалеко от лесного ручья. Айолин крепил магические охранки, которые должны были сообщить, если в округе появятся опасные непрошенные гости. Мелла занялась приготовлением ужина, парни ушли за дровами — их нужно было запастись изрядно, чтобы хватило на всю ночь. Хотя лето уже было близко, ночи всё ещё были прохладными, тем более в такую ясную погоду, какая выдалась сегодня.

Мне досталась не менее важная миссия — натаскать воды. До ручья было рукой подать, хотя он не был виден с места нашей стоянки, звуки потоков, разбивающихся о корни и камни, прекрасно доносились до нас.

Я была слишком измотана за день. Слишком привыкла к чувству тревоги.

Поэтому попалась так просто.

Хотя трудно предположить, что можно было сделать, чтобы избежать предначертанного.

Стоило шагнуть за деревья и густой кустарник, скрыться с глаз спутников, как на меня дохнуло пряным запахом глубокой летней ночи. Я, кажется, могла разобрать тающие в воздухе нотки базилика, розмарина и ночных фиалок. Знакомый и уютный аромат, вот только реальность вокруг будто застыла, истратила краски. Все звуки, кроме моего дыхания

и едва слышного скрипа котелка в руке, пропали. Даже назойливый звон исчез, потому что предупреждать уже было не о чем.

Всё случилось.

Я стояла на небольшой поляне, которой совсем недавно здесь не было. Кругом — глубокая ночь разгара лета, хотя там, в реальности, весна ещё не окончательно уступила свои права. Бледный свет звёзд и луны освещает высокую траву и каменный трон, стоящий посреди прогалины.

Почему-то я сразу узнала его, будто мы встречались раньше.

Светловолосый мужчина, восседающий на троне. Тело его заковано в тёмные доспехи. Тяжёлый венец, выкованный из острых зубьев, покоится на голове. В тенях, сгустившихся у ног, слышались то стенания, то стоны наслаждения загубленных им душ.

— Не думал, что ты настолько не любишь одиночество, Ольга.

Я молчала, не зная, как обратиться к Арду. По местным поверьям бог был персонификацией первозданной силы Тьмы. Как говорить со стихией, чтобы не разозлить её?

Страха, вопреки ожиданию, почему-то не было. Будто всё самое ужасное уже случилось, и теперь оставалось лишь расслабиться и наблюдать за происходящим.

Как и всегда в подобных ситуациях, моя голова была ясна и разум искал объяснение происходящему. Конечно же, первое предупреждение касалось алтарей. Я получила его сразу после разговора с прохожей. Найти священное место можно лишь в определённых обстоятельствах. В книге, которую я читала, так и было написано:

«Когда нужда одолевает тебя, и ты готов заплатить великую цену. Избери одиночество, чтобы никого не было подле и ничьи взгляды не касались тебя».

В Орме существовало поверье, что магии легче твориться, если никто не смотрит, но, очевидно, пока я не осталась совсем одна, алтарь Арда и впрямь не мог появиться передо мной. А в обители? Я не всегда была с кем-то...

— Я куда более тактичен, чем зануда Квелта, и не настолько агрессивен, как Бэста, чтобы врываться в сферу влияния другого бога, — в голосе Арда мне чудился вой волков, звуки безлунной ночи и чей-то шёпот. Откуда-то я знала, что нельзя слишком вслушиваться в слова божества и пытаться разглядеть его лицо, скрытое в тени венца. Если желаю сохранить разум. — Есть правила, которым нужно следовать. Даже если очень хочется об этом забыть.

— Зачем я вам? — конечно, я нуждалась в помощи, но у богов её не искала, памятуя о том, что придётся платить высокую цену. Значит Арду самому что-то понадобилось от меня. И, подозреваю, выбора особого у меня нет.

— Мне нужна услуга, которую можешь оказать только ты. Разумеется, моя милость будет с тобой. Иномирянке, вроде тебя, она придётся кстати.

Не стоило удивляться, что местное божество в курсе моего иномирского происхождения.

А может..? Не он ли приложил руку к моему перемещению сюда?

— Не я, — ответил мне бог, хотя вопрос вслух я так и не задала. — Случилось это по глупости бывшей хозяйки твоего тела.

— Как?

— Генерис обладала тёмным даром, о котором знали лишь единицы даже в её семье. Она могла менять души местами. Покушение должно было стать прикрытием для ритуала.

Генерис собиралась поменяться местами с Лидией, а затем уничтожить её уже в своём теле. Так девочка Дерринов получила бы всё, что желала — мужчину, ребёнка и корону. Но, к сожалению, Генерис не доставало сообразительности, чтобы понять — настолько сложный ритуал даже в идеальных обстоятельствах провести непросто. А магическая защита Лидии свела на нет все шансы на удачу.

Мой взгляд скользил по причудливым тёмным узорам, испещряющим броню бога. То и дело завитки и линии складывались в лица людей, искажённых страданиями или похотью. Подходящее одеяние для бога тьмы. Вот только, вопреки моим ожиданиям, Ард не тянул на киношного злодея.

— Тьма, Свет, Хаос или Порядок, владения богов-абсолютов, они не имеют ничего общего со злом и добром в понимании людей. Вы называете злом смерть от тёмной магии, но чем лучше гибель от испепеляющего света? И сколько зла в ночи страсти, соединяющей любовников? А ведь это тоже часть меня.

— Не понимаю, — признала я. В книгах, что мне довелось читать, об Арде говорили, как о тёмном боге. Тьма — это одна из первосутей, которые стоят в основе этого мира, наряду со Светом, Хаосом, Порядком, Жизнью и Смертью. Они обладают абсолютной властью над всем остальным, что попадает в сферы их влияния. Так, помимо первородной Тьмы и магии, пришедшей из неё, Арду подвластна ночь, как время суток, тени, отбрасываемые предметами, ложь, насилие и многие другие не очень приятные вещи.

— Я бы оскорбился, будь мне доступно это чувство, — теперь в голосе Арда я слышала звук ночной грозы и стук дождя по стеклу. — Мне подвластно всё, чего касается тьма. Есть вещи, которые принадлежат мне полностью. Есть те, на которые я влияю вместе с остальными богами. Ты же не считаешь, что Квелта не имеет отношения к тому, что при свете дня убивать людей ничуть не сложнее, чем при покрове ночи?

Мне нечего было сказать в ответ. По правде, я не слишком размышляла над сутью местных богов. Как-то не до того было.

— Получается, убийства при свете дня под властью Квелты? — осторожно уточнила я, сама, не понимая, зачем затеяла тут теологические изыскания. Но, похоже, боги Орма настолько отличались от принятого представления о них, что удержаться от любопытства я не могла. Пусть и ощущала, что постепенно мне становится дурно.

— А убийства, совершённые спонтанно — стезя Бэсты. Когда же убивают расчётливо и хладнокровно — это часть первосути Коринуса. Несправедливо, что злом при таком раскладе считаюсь лишь я и Бэста. Впрочем, меня это в полной мере устраивает.

«Потому что несправедливость тоже часть его сути», — закончила я про себя.

— Именно. Кажется, ты начинаешь немного понимать, как здесь всё устроено, — в нечеловеческом голосе Арда промелькнул призрачный одобрения. — Однако ты уверена, что это единственное, что интересует тебя сейчас? Здесь нет времени, мы можем разговаривать, сколько угодно, но смертному телу пребывание у алтаря даётся нелегко.

Я ощущала его правоту. Голова гудела, а к горлу подкатывала тошнота. И явно не от обилия информации.

— Почему именно я? У неё не вышло забрать душу Лидии и переместить её на своё место. Но как в этом теле оказалась я?

— Не знаю. Мне не ведомы законы вашего мира, — голос Арда снова стал безразличен. Казалось, его несколько не беспокоило, что приходится отвечать на вопросы какой-то смертной. — Возможно, именно твоё появление здесь было случайностью. А, может быть,

нет.

— Почему вы рассказываете мне всё это? — я сомневалась, что у бога настолько много свободного времени, чтобы читать мне лекции об устройстве мира.

— У меня нет свободного и несвободного времени. Я — всё, что я есть. Сумерки, что опустились на этот лес. Грок, подбирающийся сейчас к твоим спутникам и желающий напиться их крови. Метилиндосы, цветущие при свете луны. Беседа с тобой — что песчинка на берегу моря. Но она важна, ибо я хочу, чтобы ты служила мне добровольно, а не под принуждением.

— Хорошо, — решила я, наконец, прекрасно понимая, что что бы там ни было, а мне придётся согласиться на предложение Арда. Сомневаюсь, что где-то там выстроилась очередь из богов, которые пожелали бы заступиться за меня перед абсолютном Тьмы. А, значит, при желании он может сотворить со мной всё, что угодно.

В голове плясали сумбурные картины моего «служения» Арду. Я то представляла себя облачённой в чёрный балахон и приносящей в жертву невинную девицу, то видела свою обнажённую и перемазанную кровью фигуру, танцующую вокруг костра.

— У тебя богатое воображение, — сухо заметил бог.

— Что мне нужно будет сделать? — в реальность происходящего пока верилось с трудом, но раз уж мне всё равно придётся помочь Арду, лучше понимать, на что я соглашаюсь. Потому что убивать невинных или творить что-нибудь подобное, я не смогу, даже чтобы спасти себя.

Тут я впервые увидела улыбку бога. По телу прошла дрожь странного предвкушения, будто в изгибе губ Арда было тёмное обещание, предназначенное мне одной. Он тихо проговорил:

— Вернуть к жизни Умбру.

— Вы это серьёзно? — поразилась я заявлению бога. — Магических способностей у меня нет, так что на некроманта я не тяну...

— Ты и сама знаешь, что дар у тебя есть, — бархатистый голос Арда ласкал слух. Мужчина поднялся со своего трона и шагнул ко мне. Трава под его ногами не издавала и шороха, лишь мягко расступалась, пропуская вперёд. — Он слабый, не такой, как магические таланты нашего народа, но есть.

Я наблюдала за каждым шагом бога, словно замороженная. Чем ближе Ард подходил, тем отчётливее на меня накатывали самые низменные желания и мысли. Мне чудился терпкий, чуть сладковатый запах плотской любви. Кончики пальцев мелко подрагивали. Их почти сводило от боли — настолько сильно хотелось прикоснуться к тяжёлому доспеху, дотронуться до гладкого подбородка и совершенных губ. Я прикусила губу, сиюсь унять иррациональное предвкушение.

Разумом я сознавала, что мои чувства не имеют ничего общего с привычным влечением женщины к мужчине. Просто Ард и был — самым влечением. И возможно таким незаурядным образом он высказывал своё расположение. В конце концов, сгорать от желания лучше, чем верещать от страха или боли — это бог тоже мог устроить для меня.

Когда окованная металлом перчатка коснулась щеки, я уже была готова молить о близости. Дыхание тяжело вырывалось из груди, а окружающий мир поплыл от жаркого марева перед глазами.

— Твоя магия станет лишь сильнее. Она напитается энергией Орма, и скоро никто не посмеет заявить, что дара ты лишена, хотя внешне по-прежнему будет так казаться.

Интимный шёпот, звучащий почти на грани слышимости, растаял. Я вздрогнула, будто от удара, и обнаружила, что Ард исчез. Его фигура вновь восседала на троне, словно он никогда и не покидал его.

— Почему я должна верить вам? — язык едва ворочался, но потихоньку самообладание возвращалось, и меня затопил ужас от осознания могущества Арда. От того, насколько я потеряла себя от одного его присутствия рядом. — Сила предупреждала о встрече именно с вами.

— И это было верно. Тьма — одна из самых страшных бед, что может настичь в этом мире. В твоих же интересах договориться со мной по-хорошему.

Я скривилась. Хочет, значит, чтобы я служила ему добровольно, а не под принуждением.

— Что будет, если откажу? — быть может, вопрос звучал излишне вызывающе, но хотелось знать, какая именно кара нависла надо мной. Честно говоря, я не очень боюсь смерти. Если она быстрая и безболезненная.

— Мне нет смысла убивать тебя, — он улыбался, будто наслаждался каждым произнесённым словом. — Я продолжу влиять на твою жизнь также, как делал это до сих пор. Не думала же ты, что попала в орден случайно? Что тебе просто повезло.

Под ложечкой неприятно засосало. С самого начала история казалась мне странной. Слишком уж много совпадений. Пророчество мастера Аршгера пришлось очень кстати — я не знала, куда податься и что делать дальше. И тут такой шанс...

— Я послал пророку видение, которое убедило его искать тебя. Разумеется, Телль и не

предполагает, что его даром манипулировали.

— То есть всё это враньё? — меня, конечно, смущала роль «избранной». Но ещё неприятнее было сознавать себя мошенницей, которая, пусть и невольно, но обманула окружающих. Нет, конечно, у мастеров были сомнения на мой счёт, но я видела, Крис начал мне доверять и выходит зря...

— Нет. Я не мог напрямую обмануть пророка. Он видит не только образы будущего, но и ложь. Ты действительно станешь для Ордена пятерых тем новобранцем, которого они забудут ещё нескоро.

Мрачное обещание, звучавшее в голосе божества, мне совсем не понравилось.

— Я могу сделать твою жизнь легче или, напротив, настолько невыносимой, что смерть покажется наградой, — голос бога в противовес всему, что он говорил был мягким и нежным. Мне чудилось звучание колыбельной, что мать поёт своему ребёнку на ночь... Я уронила котелок и прикрыла уши руками. Голова раскалывалась всё сильнее, ещё немного и за мой рассудок ручаться будет нельзя. — К тому же совсем скоро ты больше не сможешь оставаться в ордене, не важно, согласишься ты на моё предложение или нет.

Откуда-то я знала, что эти слова абсолюта можно считать своего рода пророчеством. Они болью отзывались во мне. Не хотелось признаваться даже самой себе, но в тайне я надеялась остаться. Я не желала быть воином и сражаться с тёмными тварями, но мирные стены обители стали первым местом в этом мире, где я нашла приют и спокойствие.

— Почему мне придётся уйти? — голос мой чуть дрожал. И дело было не только в том, что голова гудела всё сильнее, а ноги слабели от силы, разлившейся у алтаря.

— Потому что ни Джарел, ни Лидия не позволят тебе жить счастливой жизнью.

Я знала, что это так, хотя меня и удивило, что предупреждение Арда касалось и святой тоже. Если память не изменяла, именно она просила принца пощадить Генерис. Так во всяком случае твердили слухи, а почитатели моей соотечественницы в очередной раз умилялись её благородству.

— Как мне воскресить Умбру? — наконец, решила я. — Сразу предупреждаю, я не готова приносить в жертву людей или...

— Поменьше драматизма, — абсолют поднял руку, прерывая поток слов. — Когда-то мы с Умброй заключили сделку. Я обещал, что помогу ему единожды избежать смерти...

Ард подарил своему последователю артефакт, сферу, состоящую из двух частей — белой и чёрной. Умбра разделил его. Чёрную половину он поместил в переплёт одной из своих книг, белую — спрятал в убежище. После смерти физической оболочки, душа Умбры разделилась на две части. Каждая из них направилась к одному из волшебных маяков, которыми и являлись половинки артефакта. Не раздели Ард душу тёмного, она ушла бы в посмертие.

Пока сфера не собрана, ни один даже самый искусный маг не сумеет заподозрить в ней артефакт, а уж тем более заметить в его половинках осколки души. Вот только, чтобы вернуть душу Умбры к былому состоянию, нужны обе полусферы. А одна из них, та что в книге, хранится в архиве Ордена пятерых...

Остальное я додумала сама. Не из вселенского милосердия, надо полагать, Ард послал то пророчество. Ему нужен был последователь среди светлых служителей Квелты. Тот, кто сможет пробраться в архив и забрать часть артефакта из фолианта Умбры.

Я.

Но почему именно я?

— Мне нужна не именно ты. Сгодился бы любой бездарок. Но подобных тебе не так много в этом мире, а те, кто есть... слишком предубеждены против меня.

Да, а ещё я была в таком отчаянии, что ухватилась за шанс попасть в орден. Стал бы вступать в него другой человек, лишённый дара, ещё вопрос. Любой гораздо лучше меня знает мир, знает, какую помощь и где может получить, а я была подобна слепому котёнку, тонущему в реке.

Неприятно сознавать, но, не вмешайся Ард в мою судьбу, я едва ли была до сих пор жива.

— Вы предлагаете мне обокрасть товарищей?

— Разве можно назвать это кражей, когда они даже не знают, чем владеют? — голос Арда на миг стал более человечным, в нём послышались оптимистичные и чуточку ехидные нотки. Точь-в-точь так разговаривает Крис...

— Вы передёргиваете правду.

— Как и ты, Ольга. Разве не так? — возразить мне было нечего.

Большинство магических ловушек этого мира реагируют на энергию Создателя, сосредоточенную во всякой живой и неживой оболочке. Этот способ обнаружения и устранения опасности самый распространённый и действенный.

Маг настраивает артефактного стража на «слежки» энергии всех доверенных лиц и окружающих предметов. Если появляется новый отпечаток, не знакомый магической защите, её носитель тут же распознаётся и получает по первое число.

Что именно — зависит от артефакта. Может просто парализовать, а может и вовсе испепелить на месте.

Энергия Создателя есть во всём, кроме некоторых бездарков. Почему у одних людей, лишённых дара, она всё-таки оседает в теле, а у других — нет, не совсем ясно. Возможно, дело в том, в каких обстоятельствах страдалец лишился магии. Но исследователи этого мира до сих пор не пришли к единому мнению.

Архив, в котором хранятся книги тёмных магов, как можно догадаться, защищён со всех сторон. И магически, и вполне себе физически — человек с улицы попасть в главную обитель просто не сможет, не то, что проникнуть в архив.

Поэтому и нужна была я.

— Допустим, мне удалось забрать сферу. Что потом?

— Просто соедини её со второй половинкой.

— Но, ведь она...

Находится в убежище.

Ард понимающе улыбнулся. Должно быть, ему нравилось видеть моё разочарование.

Кому понравится, что его жизнь последние месяцы разыгрывалась как по нотам.

— Значит убежище обнаружим именно мы?

— Да. И я бы на вашем месте не расслаблялся. Умбра — способный ребёнок, и добыть его сокровища будет непросто.

На мгновение я отчётливо ощутила ликование в голосе бога. Тёмное и безумное. Бросило в холод, спина заледенела от страха. Предупреждение о смертельной опасности настолько явственно скрутило меня, что двойко толковать его невозможно.

Добывая эту половинку артефакта, я вполне могу умереть.

Я молча стояла, шатаясь от тяжести, что давила на меня в этом странном мире у алтаря.

Не могло всё быть столь просто. В предложении Арда определённо был скрыт обман. Бог Тьмы не станет делать честных предложений, для него это противоестественно.

Уловив мои мысли, абсолют чуть улыбнулся, безмолвно подтверждая невысказанную догадку. Значит, есть скрытая ловушка, которой я пока не вижу.

— Мне нужно просто соединить половинки вместе?

— Да, таков был наш уговор.

— И артефакт не убьёт меня? Или взбесившийся колдун?

— Исключено, — Арда забавляло моё желание предусмотреть всё.

Но отчего-то я упорно чувствовала, что задаю неправильные, не те вопросы. Вот только голова гудела всё сильнее. Мысли становились вязкими и ускользали от меня. Перед глазами заплясали чёрные мошки.

— Хорошо. Я помогу Умбре, а вы поможете мне выжить и обустроиться в этом мире.

Это значит, что я буду жива, здорова, свободна, в твёрдом уме и в безопасности, — слова давались с трудом. Испарина выступила на лбу и уже, проваливаясь во мрак, я услышала сухой голос.

— Таков уговор.

— ...га! Ольга! — кто-то остервенело тряс меня за плечо и ощутимо похлопывал по щекам.

Я открыла глаза и несколько утомительно долгих секунд всматривалась в сияющие во тьме глаза, не в силах понять, где я.

В нос ударил неприятный едкий запах горелого, где-то вдалеке слышались голоса. Мысли ворочались вяло, а гомункул что-то говорил, но я с трудом могла его слышать.

— Что с тобой? — в голосе командира нашего отряда я слышала неподдельное беспокойство.

— Не знаю, — прохрипела я, ненавидя себя за то, что приходится в очередной раз врать. И сколько будет такого вранья в будущем.

— Я почувствовала себя плохо и, похоже, потеряла сознание.

Наверное, было бы романтично, подними Айолин меня на руки, чтобы донести до места стоянки. Я совсем не держалась на ногах, а гомункул, как я уже успела узнать за время путешествия, был невероятно силён. Но, похоже, ему это и в голову не пришло, так как спутник просто закинул одну мою руку себе на плечо и, по-свойски поддерживая за талию, поволок к костру...

— Ты что, смеёшься? — мужчина с подозрением покосился на меня, трясущуюся от подавляемого смеха.

Вот уж действительно. Женщина всегда остаётся женщиной.

Даже, если ей только что угрожал сам бог Тьмы.

Вскоре мне стало не до смеха.

Место нашей стоянки было разворочено и посреди бедлама лежала огромная туша неизвестного мне монстра.

Хотя...

Что-то такое Ард говорил, про то, что нас поджидает какая-то неведомая тварь, но в общем потоке информации я просто не запомнила деталей.

Чудовище отдалённо напоминало гигантское насекомое — мокрицу или сколопендру. Такое же плотное тело, покрытое сочленениями, отливающими в свете костра гляncем. Вот только лапы у твари были по-звериному мощные и в количестве всего четырёх штук.

Как выглядела голова монстра, сказать было сложно, потому что на положенном месте её не оказалось.

Её сосредоточенно переворачивал в огромном костре Григ. Лицо парня казалось почти бескровным, а, может, так оно и было, голову юноши обхватывала повязка, уже намокшая от крови.

Меллу и Хорса я поначалу не заметила, но затем из-за туши чудовища показалась темноволосая голова девушки. Завидев нас, она вздохнула с облегчением:

— Хорс жив, я сделала, что смогла.

Осторожно усадив меня возле костра, Айолин быстрым шагом направился к парню, который очевидно был без сознания.

Григ на мой приход, казалось, не обратил ни малейшего внимания.

Ещё бы. Ведь голова монстра, которую орденец сосредоточенно «обжаривал» на костре,

уже вяло, но всё ещё клацала зубами.

— Айолин сказал, если не сжечь голову до костей, грок может регенерировать, — одними губами прошептал приятель. Он не сводил взгляда с образины, шевелящейся в огне, будто она могла кинуться, стоит лишь ослабить внимание...

А, может, и могла, я осторожно отползла подальше и спросила:

— Что здесь произошло?

— Мы не успели до конца установить защиту, грок напал прежде. Хорса он свалил сразу, тот даже сообразить, что происходит не успел, — я ясно видела, что Григу не по себе от одного только воспоминания. — Он выхватил у него кусок прямо из груди. Если бы с нами не было Меллы с её талантом, он бы не выжил.

Молодой дворянин любил Хорса не больше, чем я, но сейчас в глазах моего соратника сквозила такая боль, что я лишней раз получила подтверждение тому, что Григ действительно хороший парень.

В следующий миг хмурые складки разгладились на лбу юноши, и он восторженно произнёс.

— Айолин был невероятен! Я знал, что гомункулы быстры и сильны, но, чтобы настолько? Он съел ему голову одним ударом. Одним! Ты понимаешь? Это же грок. Его панцирь прочнее иных доспехов.

На секунду я пожалела, что не застала боя. Но только на секунду. Если грок чуть не убил Хорса и ранил Грига, от меня бы он и мокрого места не оставил.

— Не так уж невероятен, раз Хорса ранили столь сильно, — сухо оборвал нас гомункул, появившийся из-за спины.

По хмурому лицу мужчины я видела, что он не доволен собой.

Отчего-то я была рада проявлению этого чувства. Значит, Лидия не единственное, что заботит воина в жизни.

Он посмотрел на меня своими невероятными глазами и с сожалением произнёс:

— Ты в ужасном состоянии. Не знаю точно, что произошло, но из тебя будто высосали все силы. И Мелла не может пока помочь, Хорсу она нужнее.

Я молча кивнула, и не собираясь требовать к себе особого отношения в нынешней ситуации.

Смущало меня только одно. Ард предупреждал, что пробраться в убежище будет очень непросто, а грока упомянул вскользь, будто он не представляет из себя ничего особенного.

Что же нас ждёт впереди?

Нам пришлось задержаться на месте на весь следующий день, но уже к вечеру стало ясно, что в ближайшее время Хорсу лучше не станет, несмотря на все старания Меллы. Всё-таки её целительский дар хоть был неплохо развит и помог сохранить жизнь парню, но сотворить чудо не мог.

Липкое тревожное чувство повисло в воздухе, но нам оставалось лишь ждать решения Айолина, пребывавшего в мрачных чувствах. Наконец, он заключил:

— Григ, вы с Меллой выйдете на рассвете и доставите Хорса в деревню. Должны успеть до сумерек. Нужно сделать полозья, чтобы удобнее было его нести...

— Не нужно, — перебил командира парень и демонстративно нагнулся к небольшому валуну, поросшему голубоватым мхом. Григ дотронулся до камня пальцами, и тот медленно-медленно начал подниматься в воздух. — Я умею изменять вес и живых, и неживых предметов.

Решив, что чересчур расхвастался, юноша покраснел, камень с глухим стуком упал в траву.

— Впечатляет, — оценил Айолин жест нашего товарища. И ответ его значил куда больше, чем казалось на первый взгляд. Большинство жителей этого мира ни за что бы не рассказали о своём даре. Обливались потом, тащили бы Хорса-великана на себе в ущерб делу, но молчали бы, как партизаны. — Вышло, как на подбор.

Гомункул добавил последнюю фразу без злого умысла, а я насторожилась.

И правда, не слишком ли нам повезло?

Люди с целительским даром встречались довольно редко. Мелла была одной из трёх среди всего потока новобранцев.

О даре подобном тому, что есть у Грига, я раньше не слышала. Если бы он был распространён, его бы широко использовали во всех сферах жизни, слишком уж удобен.

Целитель поддерживает жизнь раненого здоровяка. А Григ своей способностью сможет доставить его до места без особых усилий. Поэтому всем вместе возвращаться точно нет необходимости.

Убежище остаётся искать лишь мы с Айолином, который, по замыслу Арда, очевидно играет роль моей охраны, сам того не зная. Оставалось лишь надеяться, что абсолют не задумает избавить меня ещё и от общества гомункула... Каким-нибудь оригинальным способом. Но кто разберёт мысли бога?

На следующий день, когда мы проводили троицу и выдвинулись дальше, Айолин признал:

— Честно говоря, мне проще будет с тобой одной. Без обид, но толку от вас четверых пока никакого. А защитить всех одновременно, как уже показала практика, я не могу.

Наверное, в глазах гомункула мы больше мешали выполнению задания, чем помогали. Не знаю, насколько хорош он в бою, но сражайся он один с той тварью, вышел бы без потерь. А теперь его гложит чувство вины за то, что случилось с Хорсом.

Наверное, мне стоило быть более осторожной, но пробираясь через подлесок вслед за гомункулом, я чувствовала себя на редкость спокойно. Поэтому в голову лезли всякие

глупости, в том числе сотни вопросов, терзавших меня уже давно.

— Говори уже. А то просверлишь взглядом дырку мне на спине, — голос мужчины был спокоен, но я могла поклясться, что он улыбался.

— Откуда ты знаешь, как поступать?

Айолин остановился и недоумённо взглянул на меня.

— Ты о чём?

Я задумалась, силясь поточнее сформулировать вопрос.

— Вот, например, сегодня ты отправил остальных в деревню. Откуда ты знал, что нужно поступить именно так? Ведь всё это приходит с опытом, за долгую жизнь, а ты...

Станный взгляд, который я бросила на своего спутника, должно быть, был красноречивее любых слов. Айолин скинул заплечный мешок, скрестил руки на груди и белозубо улыбнулся, откровенно забавляясь моим ошарашенным видом.

Мне в голову пришла ошеломляющая в своей простоте мысль.

Сколько Айолину лет?!!

— О, чуть больше четырёх, — с явственным наслаждением произнёс «эльф».

Мне неистово захотелось побиться головой о ближайшую берёзу. Жаль, только, что они не росли в Орме.

— Но я понял о чём ты, — спокойно продолжил, как ни в чём не бывало гомункул. — Вот только я никогда не был ребёнком. Сразу был таким, как сейчас. Таким меня создала моя госпожа.

Айолин пытался говорить нейтрально, но его светлые глаза неувовимо потеплели, будто он вспоминал первый день их встречи. Стало неловко и почему-то самую капельку горько. Вспоминала ли Лидия его с такой теплотой?

— То есть Лидия умеет это всё? Владеет тактикой и стратегией, мастерством боя, равным твоему, умеет выживать в лесу?

— Конечно, нет, — в голосе гомункула прорезалось лёгкое раздражение. — Иначе зачем ей было бы наделять нас всем тем, что мы умеем? Мы должны были стать её щитом и поддержкой, прикрыть слабые стороны... А теперь пойдём дальше, мы потеряли уже достаточно времени.

Мужчина взвалил мешок обратно и зашагал вперёд, будто страхась новых вопросов с моей стороны. Но заткнуться и молчать я была уже не в силах.

— Но это невозможно! Невозможно научить кого-то тому, чего не умеешь сам.

Пусть это и магический мир, но законы логики должны были действовать и в нём. Это в компьютерной игре можно выбрать персонажу навыки, о которых ты и представления не имеешь. Орм хотя и полон магии, но сомнительно, что любой, даже самый гениальный волшебник может просто взять и сказать: «Трах-тибидох, ты будешь самым искусным воином на деревне». Магия может сделать тебя быстрее, сильнее, но технике боя не научит. Это понятно даже мне, иномирянке.

Айолин обернулся, и я тут же укорила себя за свой длинный язык. Похоже, он решил, что я усомнилась в великолепии его госпожи, или ему просто не понравились мои вопросы, оттого, что он и сам задавал их себе:

— Ты эксперт в магии света, Ольга? Знаешь, на что она способна? Что-то я не припомню, чтобы читал об этом в твоём досье.

Говорил он резко, почти зло. Серые глаза потемнели в буквальном смысле, всполохи раскрасили радужку свинцовыми разводами. Но я чувствовала, что прямой опасности нет, и

едва ли гомункул причинит мне вред.

— Нет. Но у меня есть другая невероятно крутая способность. Мозги. И я знаю, что никто не может научить другого тому, чего сам не знает.

Айолин вздохнул настолько тяжело, что я остро ощутила себя ребёнком, пристающим к матери с каким-нибудь неудобным вопросом. Например, откуда берутся дети.

— Давай договоримся, Ольга? Ты не задаёшь вопросов про Лидию и того, что касается неё, а я не спрашиваю откуда тебе известно ещё одно иномирянское слово.

— Какое?

— Крутая.

Мы прочёсывали лес уже третий день, но никаких видимых следов убежища не было.

Осложняло дело то, что теперь, когда нас осталось лишь двое, работа значительно замедлилась. Айолин не отпускал меня далеко, опасаясь, что какая-нибудь тварь убьёт незадачливого новобранца раньше, чем он успеет прийти на помощь.

Не безосновательно, надо сказать. На нас напали уже четырежды, и ни разу, к своему стыду, я ничем не смогла помочь гомункулу. Всё происходило столь быстро, что я и опомниться не успевала, как мужчина с видом заправского мясника уже разделявал какое-нибудь чудовище. Первый раз при взгляде на это зрелище мне стало сильно не по себе, но человек может привыкнуть ко всему.

Двигался гомункул с нечеловеческой скоростью и ловкостью. В фантазиях Лидии не было место эльфам-качкам, поэтому Айолин внешне выглядел, как типичный представитель своей расы в глазах моих земляков. Высокий, стройный и худощавый с умеренно развитой мускулатурой. Тем не менее я видела, как он совершенно спокойно поднял здоровенный валун, чтобы разmozжить голову ещё одному гроку, напавшему на нас.

Когда псевдо-эльф отвернулся, я тихонечко попыталась сдвинуть камень, но он не поддался ни на миллиметр.

После не самого приятного разговора, к моему удивлению, мужчина оттаял довольно быстро, поэтому неловкости между нами не осталось. Но я старательно избегала скользких тем. И вовсе не потому, что не желала рассказывать гомункулу про своё происхождение.

На самом деле, сейчас всё складывалось как нельзя лучше, чтобы раскрыть Айолину правду. Лишних ушей нет. Если бы я попросила, он не стал бы рассказывать никому.

Но было одно существенное но.

Разговор непременно зашёл бы об обстоятельствах моего перемещения сюда. И тогда пришлось бы либо признаться, что вот уже кучу времени он путешествует с Генерис под боком, либо придумывать какую-нибудь правдоподобную ложь.

Правда могла обернуться для меня, чем угодно. Если бы Айолин поверил, что я просто заняла тело девушки, он не убил бы меня. Наверное... Но очевидно пришёл бы в ярость от того, что я столько времени сознательно ему лгала.

Но что, если нет? Он на полном серьёзе собирался перерезать глотку Генерис за то, что она пыталась сделать.

Я плохо понимала те сгустки чувств, что роились под маской спокойного, чуть ироничного Айолина. Он казался безопасным, надёжным, идеальным. Таким может быть только выдуманный мужчина. Но я чувствовала, что это лишь обаятельный фасад. Не ложь, нет, Айолин не был лицемером. Просто то, что я видела — лишь самая макушка айсберга, а внизу, под водой, метры льда, которые вполне могут меня потопить.

Лгать мне не хотелось. И не только потому, что боялась быть пойманной на нестыковке каких-то фактов. Просто не хотелось.

Я проснулась, будто от толчка. Открыла глаза, и на секунду мне пригрезился дом. Разумеется, не комната в хрущёвке, а сосновый лес, куда мы выезжали с друзьями. После

походного ужина и пары кружек вина со специями, мы разговаривали прежде чем отправиться ко сну. Я никогда не была душой компании, но мне нравилось слушать ребят и смотреть на силуэты лохматых сосен на фоне летнего звёздного неба.

Ночное небо в Орме было совсем другим, отливающим оранжевым. Звезды разбросаны столь неправдоподобно часто, что, кажется, там, на небе, вовсе не космическое пространство, а многомиллионный город, наполненный холодным светом многочисленных огней.

Очень красиво и очень одиноко.

Я повернула голову к не потухшему ещё костру и различила на той стороне спокойное мужское лицо. Айолин смотрел в небо и тоже думал о чём-то.

— Неужели тебе совсем не нужно отдыхать? — за всё время путешествия я ни разу не видела гомункула спящим. Сначала мне казалось, что он просто ложился позднее всех и вставал раньше, но скоро я осознала, что это далеко не так. За те три дня, что мы путешествовали вдвоём, он ни разу не позволил мне нести ночную вахту.

Было немного обидно чувствовать себя обузой, но я молчала, сознавая правоту своего спутника. Моя гордость не поможет нашему делу. И моему делу тоже.

— Мне нужно гораздо меньше сна, чем людям, — после долгого молчания его голос был чуть хриплым, но усталости я в нём не слышала. — Могу не спать вовсе довольно долго, достаточно лечь и дать отдохнуть телу.

— А как же разум? — не поверила я. По мне, беспмятство, которое дарил сон, одна из лучших вещей в жизни.

Айолин неопределённо повёл плечом, но, осознав, что я не отстану, нехотя заметил:

— Честно говоря, сон мне не слишком нравится.

— Сон? — не поверила я своим ушам и повернулась на лежаке. — Да это одна из лучших вещей в жизни!

— Да ну? — он перекатился на бок и повторил мою позу. Теперь мы сверлили друг друга недоверчивыми взглядами сквозь пламя костра. — И что же ты испытываешь, когда спишь?

Замолчала, не зная, как объяснить это чувство.

— Это приятно. Особенно, когда начинаешь медленно засыпать в кровати, завернувшись в одеяло.

Он многозначительно посмотрел на прослойку из веток кустарника под моим спальным мешком. О каком уж тут удобстве речь.

— Иногда, конечно, и мне снятся кошмары. Очень реалистичные.

— Расскажи, — в его глазах, сияющих светом здешних звёзд, проскользнуло непонятное напряжение, будто мой ответ был отчего-то ему важен.

Я закуталась в плотное походное одеяло и негромко я заговорила:

— Знаешь, бывают у меня, конечно, и всякие по-дурацки неприятные сны. Например, что опаздываю... куда-то.

Слово «поезд» я вовремя проглотила.

— Или, будто ссорюсь с родными. Но иногда... кошмары бывают очень простыми, но реалистичными. Будто я сплю в своей комнате, чуть приоткрываю глаза и вижу чей-то тёмный силуэт. Кто-то стоит рядом и смотрит на меня. Охватывает такой ужас, что хочется кричать, но я не могу ни пошевелиться, ни издать даже звука.

Звучало не слишком впечатляюще. Более того я сознавала, что никакой мистики тут нет.

Сонный паралич, которому учёные давно нашли объяснение. Но со мной он приключался пугающе часто. В такие мгновения я ощущала себя беззащитным ребёнком, для которого нет ничего страшнее ночной темноты.

Айолин некоторое время молчал, а затем совершенно бестактно заметил:

— И всё-таки плакать тебя заставляют не кошмары.

Я упала на спину и впилась взглядом в ночное небо. Мне не хотелось смотреть гомункулу в глаза.

Днём меня занимали дела, но перед сном неизменно накатывала тоска по дому. От понимания, что я никогда не увижу родных. Я представляла свою поседевшую раньше времени мать, плачущую над гробом с моим телом. Молчаливого отца, который при ней не проронил бы и слезинки, но сам бы переживал горе едва ли не больше. Непутёвого брата, которого я обязана была защищать. Я никогда не смогу сказать им, что не умерла по-настоящему, и глубины их горя не изменить.

Меня утешал только призрак слабой надежды. Что, если Генерис тоже заняла моё тело? Даже если она ведёт себя отвратительно, это лучше, чем позволить родным похоронить их дочь и сестру. Пусть они лучше разочаруются.

— Я просто скучаю по дому, — негромко отозвалась я.

— Я тоже, — ответил Айолин. И я знала, подобно мне, мужчина скучает вовсе не по месту. По человеку.

За время путешествия я осознала, что у Криса и Айолина много общего. Иногда я улавливала в их манере поведения похожие жесты, интонации и другие общие мелочи, какие иногда связывают людей, знакомых давно. Невольно пришла в голову мысль, а не гомункул ли стал примером для подражания Леонталя? Как никак, Крису было всего двенадцать, когда Лидия привела к себе домой результат своего эксперимента.

Эльфоподобный мужчина не очень любил разговаривать о прошлом. Вернее, он спокойно рассказывал лишь о том, что не касалось Лидии и кого-либо из его друзей, но таких тем было не очень много. Об остальном же приходилось догадываться по скудным фразам, сопоставляя их с известными уже фактами.

Лидия обнаружила Криса в притоне тёмных магов вскоре после появления в Орме. Ему тогда было около десяти лет. Мальчика взял под опеку дом Телль, глава которого удочерил мою соотечественницу. Что интересно, отчего-то лорд Телль не пожелал усыновлять ещё и Леонталя, хотя ребёнок обладал редким для этого мира тёмным даром. Возможно, просто побрезговал бывшим последователем Арда. И наверняка кусал потом локти, когда именно Крис стал тем, кто нанёс решающий удар Умбре и прославился на весь Стейнхорм.

Затем Лидия поступила в академию и через пару лет вдохнула жизнь в Айолина. Жить в одной с ней комнате в общежитии сотворённое существо не могло по правилам внутреннего устава. А в зверинец, где содержали подопытных «кроликов» для учеников и учителей, девушка сдавать его, разумеется, не собиралась.

Так гомункул отправился к Теллям, где познакомился с Крисом. Подозреваю, что оба чувствовали себя не очень-то комфортно среди чужих по большому счёту людей, и это их сдружило. И хотя Айолин был создан недавно, он внушил юному Ленонталю гораздо большее уважение, чем окружающие его воины дома Телль. Тем более уже тогда Айолин не сильно отличался от себя сегодняшнего. Разве что был вынужден познавать мир с нуля.

Эта мысль не давала покоя. Я росла в мире, все религии которого были едины во мнении, что душа человека — это то, что не может появиться из неоткуда. Её не может дать алхимик. И не может дать маг.

Только бог, если забыть о науке. А её в расчёт брать явно не стоило. Даже с религиозной точки зрения существование гомункулов казалось странным, а с научной — тем более не выдерживало никакой критики.

Жители Орма считали, что души в этот мир приводит абсолют, богиня Жизни Сельта. А после смерти люди попадают в обитель Гуода.

Вот только было одно «но».

Ард, перечисляя абсолютов этого мира, говорил лишь о Тьме, Свете, Хаосе и Порядке.

Будто никакой богини Жизни, а с ней и бога Смерти, отродясь не было.

Чутьё подсказывало мне, что разгадка тайны возникновения Айолина важна и для меня лично. Проще всего было предположить, что внутри гомункула каким-то образом оказалась душа из другого мира. Но я чувствовала, что это не так. Секрет был в чём-то другом, но пока разгадать его мне было не дано.

Однажды во время одного из привалов я не выдержала и задала давно мучавший меня вопрос:

— А какие они, Трэс и Киа?

Именно так звали двух других гомункулов. Ангелоподобный Трес, который пропал без вести ещё до моего появления в Орме. И человек-змея Киа, работавший сейчас хранителем библиотеки в академии магии.

— Что именно ты хочешь знать? — в прекрасных серых глазах мелькнул намёк на интерес. Мужчине было любопытно, с чего это я вдруг спросила о его друзьях. Но я знала, что нужно быть осторожнее. Если гомункул решит, что я опять пытаюсь усомниться в Лидии, поймав её на чём-то, мне и слова из него не вытянуть.

В каком-то смысле так и было... но знать Айолину об этом было не обязательно.

— Какие они по характеру? Похожи на тебя?

От моих предположений Айолин содрогнулся.

— Едва ли тебе бы было настолько приятно путешествовать в их компании, — гомункул улыбнулся. Этот невыносимый тип прекрасно сознавал, какое воздействие на женщин оказывает. Как ни странно, я не чувствовала, будто это доставляло ему особое удовольствие. Просто данность, с которой ему приходилось жить.

Иногда я ощущала, насколько осторожно он ведёт себя со мной. Похоже, Айолин опасался, что я могу заинтересоваться им как мужчиной, и ему этого не хотелось.

Это отчасти радовало, потому что гомункулу наплевать на чувства безразличных ему людей. А, значит, он дорожил нашими отношениями и хотел стать мне другом.

С другой стороны, такая предусмотрительность огорчала. Не очень приятно сознавать, что интересный мне мужчина проводит настолько непреодолимую черту между нами.

— У этих двоих тяжёлый характер, — начал тёмноволосый, но заметив моё скептическое выражение лица, погрозил мне внушительным ножом, которым в тот момент разделявал дичь. — Если это намёк на то, что мой характер не сладок, то ты просто не знакома с Трэсом. Стоит тебе поговорить с ним хотя бы пять минут, как ты поймёшь, что ангел — вовсе не он, а я.

Похоже, перепалки с неизвестным мне пернатым гомункулом составляли важную часть жизни Айолина, потому что вспоминал о приятеле он с явным удовольствием.

— Разве он не пропал?

— Сомневаюсь. В отличие от нас с Киа... он сам улетел от Лидии, — странные интонации, промелькнувшие в голосе мужчины заставили меня пристальнее взглянуть на его лицо. Неужели это была... ревность? Или просто неодобрение? — Он всегда был агрессивно настроен по отношению к ней и считал унижительным быть обязанным ей жизнью.

Станный «ангел» вышел у Лидии. Люцифер не иначе. И едва ли такой характер задумывался ею для него. Это могло значить многое, а могло и почти ничего, но я чувствовала, что нащупала нить.

— А что до его пропажи... Рано или поздно, но Трэс вернётся.

Да. Чем сильнее отрицаешь что-то, тем прочнее к этому привязан.

— А Киа? — я быстро задала новый вопрос, чувствуя, что гомункул погружается в пучину отвратительного настроения. За время, что мы провели вместе, я научилась улавливать во взгляде Айолина эту глухую тоску, смешанную с раздражением.

— Киа... — отчего-то вопреки моим ожиданиям мужчина помрачнел ещё больше. — Он несчастен, поэтому слишком опасен. Особенно для женщин.

Айолин молча посмотрел мне в глаза, будто надеясь, что я без слов додумаю остальное. Но потом всё же медленно произнёс:

— Я говорю тебе это только потому, что тебя станется искать встречи с ним. Или, не исключено, что вы можете увидаться случайно — у ордена часто бывают дела в стенах академии. Если встретишься с Киа, старайся не подходить близко. Представь, что перед тобой заключённый, истосковавшийся по женскому телу. Заключённый, который плохо контролирует себя.

— То есть он может изнасиловать меня? — не поверила я своим ушам. — Что он тогда забыл в академии, если настолько опасен?!

Мой взрыв негодования несколько не смутил собеседника.

— В этом нет его вины. Тяга к женскому телу одна из основ его сущности. Если бы ему было с кем спать, проблем бы не было, но он... наполовину змей.

Мужчина отвёл от меня взгляд, в котором я видела странную смесь отвращения, страдания и гнева.

— Острые уши и крылья — достаточно пикантная экзотика для многих женщин Стейнохорма. У меня никогда не было проблем с тем, чтобы найти любовницу на ночь. У Трэса, пожелай он этого, тоже. Но Киа — змей, редкая женщина согласится лечь с таким.

Не знаю, что больше меня удивило, что Айолин хотя бы в физическом смысле интересовался женщинами, помимо своей создательницы, или вынужденное воздержание нага, из-за которого тот мог бросаться на окружающих...

— Я, Лидия, Киа и Крис скрыли информацию о том, что он не всегда уравновешен, иначе его не признали бы личностью и гражданином Стейнохорма. Как ты, наверное, уже знаешь, обычно гомункулы считаются собственностью магов. Что-то вроде питомцев. Нам даровали право считаться "людьми" отдельным указом короля... Библиотека академии была наилучшим решением для Киа. Он работает большую часть времени в закрытой секции и почти не контактирует не только со студентами, но и с сотрудниками.

Мне хотелось заорать на мужчину от осознания ужаса ситуации. Прокричать ему в лицо: «Ты всё ещё думаешь, что твоя Лидия святая?!»

Создать экзотическую штучку, чтобы потешить своё эго — запросто. А что потом? Острые уши можно прикрыть капюшоном. Но что делать с огромными крыльями? Или со змеиным хвостом?

Этим существам из легенд не было места даже в этом волшебном мире.

Я прекрасно сознавала, что выискиваю в светлом облике Лидии недостатки и отношусь к ней слишком предвзято. Иногда я спрашивала, не будь этой истории с Айолином и другими гомункулами, воспринимала бы я её также?

И, приходится признать, что едва ли.

В глубине души во мне жила иррациональная злость. Мне не было дела до магии света, которой была наделена Лидия. Я плохо представляла, что это такое, так как магов, как ни странно, пока видела единицы. И, разумеется, никто из них не швырялся заклинаниями направо и налево. А в орденовской библиотеке, как я уже и говорила, труды о магии в высшем её понимании встречались также часто, как учебники по робототехнике в глухом российском посёлке.

Но то, что Лидии удалось сотворить три разумных существа, казалось мне чем-то сродни чуду. Волшебству, о которое она просто вытерла ноги. И этого я простить не могла.

Но насколько бы нелепой ни была моя злость, рано или поздно я столкнусь с иномирянкой. Это я знала также твёрдо, как и то, что с Айолином и другими орденцами придётся расстаться. И от этого становилось так тоскливо, что никакого энтузиазма для выполнения задания Арда у меня не было вовсе.

Дождь зарядил на пятый день нашего пути, да такой, что о продвижении дальше и речи быть не могло. Подозреваю, что Айолин мог бы искать следы тайного убежища Умбры и в такую погоду, но я особенно стойким иммунитетом не отличалась и, быстро продрогнув насквозь, начала хлюпать носом. Гомункул, как ни странно, вовсе не расстроился из-за внезапной заминки. Иногда мне казалось, что он не верил, будто мы сможем найти какие-то следы Умбры. Жаль было разочаровывать, но его ожиданиям не суждено было сбыться.

После разговора о гомункулах у меня совсем испортилось настроение. Айолин признавал, что на меня повлияла новая информация, но с расспросами не лез, что я ценила в нём превыше всего. Когда мы только познакомились, мне казалось, что гомункул выжидает время, чтобы застать меня врасплох. Нанести удар, когда я расслаблюсь.

Сейчас я понимала, что это не в его природе. Он действовал мягко и ненавязчиво, будто приручал бродячую оборванную кошку. Позволял мне привыкнуть к себе, проникнуться к нему доверием и сделать шаг навстречу. Роскошное предложение, надо признать. И весьма соблазнительное. Не даром который день я размышляю, не рассказать ли ему правду.

Подкупало и то, что я прекрасно сознавала — чтобы поймать кошку, самому надо быть отчасти котом. Таким Айолин по натуре и был. И кому попало в руки не давался. Только тем, кого выбрал сам.

И я каким-то невероятным образом оказалась в числе этих избранных.

Подходящих талантов, чтобы укрыться от дождя у нас с гомункулом не было, поэтому мы по старинке натянули навес меж четырёх деревьев.

Хотя не уверена, есть ли дар у мужчины вовсе. Но, скорее всего, должен быть, иначе Арду не пришлось бы мучиться со мной. Приказал бы какому-нибудь ушлому тёмному магу сострять гомункула и выкрасть из ордена артефакт.

Пока Айолин устанавливал магическую защиту, я торопливо переоделась в сухое. За время нашего путешествия гомункул проявлял к моему телу такой же интерес, как и к

мускулатуре Хорса. То есть никакой. Но я не привыкла обнажаться перед мужчиной, с которым спать не собиралась. Да и знаки на спине показывать лишней раз не хотелось, тем более я до сих пор не знала значения двух из них.

Пока гомункул отсутствовал я успела развести костёр и набрать воды в ключе неподалёку. Вода из-за дождя была мутной и, откровенно говоря, питьевой совсем не выглядела, но кипячение должно было помочь...

— Должно, — как оказалось, последнюю мысль я озвучила вслух, замерев над котелком с мешочком крупы. Остатки цивилизованности все последние месяцы слетали с меня как капустные листья с худого кочана. И вот, когда начало уже казаться, что от землянки Ольги Смолянской осталась лишь кочерыжка, внезапно мне не захотелось варить еду в сомнительной жиже.

— Надеешься, что крупа сама прыгнет в котёл? — послышалось над ухом.

Я вздрогнула и поёжилась от внезапно прокатившихся по спине мурашек. Обычно я видела в Айолине лишь друга, но глупо отрицать, что его близость остро отозвалась во мне.

— Дай его сюда, — мужчина забрал котелок и без зазрения совести вылил воду за пределы навеса. Затем стащил со своего заплечного мешка вторую походную посудину, которую мы обычно использовали для заваривания куршня, местного аналога чая на травах.

— Так вот зачем ты забрал полотенце!

На дне жестяного котелка в лужице дождевой воды лежали два отреза ткани. Гомункул достал тряпицы и отжал их до скрипа. Жидкости на дне котелка набралось приличное количество и не в пример чище того, что принесла я от ключа.

— Можно было бы отстоять ту воду, но ждать не хочется, — резюмировал мой спутник, насыпал в воду крупу и повесил котёл над костром.

Обернувшись, он шутливо погрозил мне пальцем.

— А тебе в следующий раз не помешало бы лучше слушать наставников.

Я вымученно улыбнулась, сознавая его правоту. Но запоминать приходилось столько, что всему в голове не удержаться.

Айолин вернулся с целой вязанкой ветвей кустарника для лежаков и запасом дров на ночь. Пока гомункул раздевался, я разложила их возле костра, чтобы древесина немного просохла.

— Расскажи мне, каким был Умбра? Ты же был там? — по примерным моим подсчётам, выходило, что Лидия создала Айолина примерно за полгода до столкновения с магом. Едва ли она оставила отсиживаться дома столь ценного союзника.

— Хотел бы я тебе расписать его подробно, но особенно рассказывать нечего, — гомункул расправил тяжёлую от влаги куртку на рогатине недалеко от костра, затем скинул сапоги и потянулся было к вороту рубашки, но отчего-то замер и бросил на меня странный взгляд.

Я недоумённо посмотрела на него. Неужели он и впрямь считал, что я настолько обомлею от вида обнажённого мужского торса, что грохнусь в обморок или кинусь на него? Не знаю, стоило ли мне оскорбиться от такого предположения, но я лишь участливо, будто говорила с умалишённым, предложила:

— Хочешь, чтобы я отвернулась?

Мне показалось, что гомункул смутился. Скорчив, насколько это было возможно, плотоядную гримасу, я обвела одобрителем взглядом сильные руки, рельеф которых ещё сильнее проступал из-под мокрой, прилипшей к телу рубашки...

Правая рука была совершенна. Светлая кожа лишь самую малость, но всё же просвечивала через полотно одежды. А вот левая рука гомункула отчего-то чернела столь явственно через намокшую ткань, что мне стало не по себе.

Быстро бросив взгляд на ладони мужчины, я обратила внимание на то, чего раньше не замечала.

Айолин никогда не снимал перчаток.

Я медленно встала, давая возможность, гомункулу избежать контакта, пожелай он этого. Но мужчина стоял, не шелохнувшись, и смотрел куда-то в мокрые сумерки леса, будто там, меж влажной травы, скрывалось что-то удивительно интересное...

Не отреагировал Айолин и на осторожное прикосновение к запястью левой руки. Мне лишь показалось, что он затаил дыхание от напряжения.

Палец за пальцем я стянула тугую перчатку и высвободила широкую мужскую ладонь. На внутренней стороне запястья темнели страшные, отёчные пятна. Казалось, мышцы, сухожилия и кожу поразил некроз. В шоке от увиденного я совсем неделикатно задрала рубашку до локтя.

От запястья и выше рука Айолина выглядела будто анатомическое пособие для студентов-медиков.

Конечность трупа не иначе.

— Что это? — грудь сдавило, я вскинула глаза на гомункула, который, наконец, посмотрел на меня. Не знаю, что он прочёл на обращённом к нему лице, но отрешённый взгляд смягчился. Мужчина осторожно высвободился из цепкого захвата и, уже не таясь, стянул рубашку, чтобы натянуть сухую.

— Нужно переодеться и подготовиться ко сну, — он мягко подтолкнул меня в сторону костра, пресекая расспросы и намекая, что пора бы посмотреть, жива ли наша еда.

Ели и стелили лежаки мы молча, но перед сном гомункул всё же заговорил.

— Алхимик, что создал моё тело, гений. Мало кто способен в его возрасте сделать жизнеспособный образец. Но всё-таки тогда он был лишь недоучкой, поэтому моя оболочка начала разрушаться.

Говорил он об этом так просто, будто о нынешней дождливой погоде. Будто ему не страшно умирать, будто всё это не имеет значения. Я отвернулась, желая скрыть навернувшиеся слёзы. С него бы сталось начать меня утешать, но, видит бог, в этом нуждалась не я.

— Ты пробовал найти способ вылечиться? — это было скорее утверждением, чем вопросом. Дураку понятно, что умирать никому не хочется.

— Да. Я разговаривал с Мириусом. Это он создал меня в паре с Лидией. Сделать новое тело не проблема, но, как перенести в него мою..., - мужчина запнулся, будто сомневаясь, что имеет право на подобное заявление. — ... мою душу, он не знает.

— А Лидия? — не поверила я.

Он лишь неопределённо повёл плечом:

— Не знаю, изменения начались не так давно, а я не видел её уже почти полтора года.

— Ты шутишь? — я поразились нелепости ситуации. — Но Крис разве не может передать ей просьбу о встрече?

И без подслушанного в библиотеке разговора мне было известно, что наставник встречается со своей подругой регулярно.

По упрямо сжатым губам я осознала, что этот невыносимый тип *ни-че-го* Крису не

сказал.

Я обхватила голову руками и закусила губу, чтобы не накричать, хотя очень хотелось. По лицу Айолина было заметно, что он и сам понимает глупость своего поведения, но внутренние баррикады, что он возвёл, загнали его в тупик.

Мой спутник просто не мог попросить Криса передать женщине, которую он любит, что-то вроде:

— Эй, я тут умираю. Может встретимся? Мне нужна твоя помощь.

Не знаю, чего тут было больше. Нежелания выглядеть слабым и жалким в глазах той, что его уже отвергла. Или страха, что помочь Лидия не сможет и будет жить дальше с осознанием этого.

Влажные дрова зашипели, стоило Айолину разворошить ими груды оранжевых углей, припорошенных седым пеплом.

Поначалу мне показалось, что этот негромкий звук и разбудил меня. В тишине ночного леса после стихшего дождя он казался оглушительным.

Но, нет. Бешенный стук сердца и необъяснимый ужас, накативший откуда ни возьмись, буквально вопили об опасности.

Я осторожно откинула одеяло и села. Встретившись с вопросительным взглядом гомункула, едва слышно проговорила:

— Мы в опасности. За нами наблюдают.

Не знаю, почему сформулировала именно так, но стоило проговорить это «за нами наблюдают», как осознала, что чувствую именно это.

Он не стал смеяться над моей иррациональной паникой, шутить про плохие сны или нести подобную чепуху, лишь прислушался к ночной тишине. Сияющие светом звёзд глаза потемнели, пошли тёмными всполохами, я затаила дыхание, чтобы не мешать и звуком, но ничего подозрительного до нас не доносилось.

Айолин однако не стал расслабляться, перекинул мне через костёр сапоги, оставленные сушиться у огня перед сном. Я судорожно натянула их на разом ослабевшие ноги и перехватила поудобнее меч, который всегда клала подле себя на ночь.

— Придётся потушить костёр, иначе мы ничего не увидим за пределами действия защиты.

Он был совершенно прав, но что-то внутри меня протестовало против этой затеи. Звон в затылке стал таким оглушающим, что игнорировать его я не смогла бы при всём желании.

— погоди, дай подготовлю сферу.

Одна из составляющих магии этого мира — кристаллы и сферы. Это накопители магической энергии в разном её виде. Кристаллы концентрируют в себе чистую силу, а сферы содержат разовые заклинания. Кристаллами, напитанными светлой энергией, ограждены от нечисти все крупные города. С помощью подобных походных камней устанавливается и защита в пути.

Сферы содержат заклинания, которые вложил туда маг. К счастью, использовать их может вообще любой, даже бездарок, подобный мне. Нужно просто разбить хрупкую оболочку накопителя.

В ордене магов мало, поэтому каждая такая сфера-заклинание на вес золота и подотчётна, но нас, отправившихся на поиски убежища, снабдили, чем могли. Сильных заклинаний, впрочем, мне, новобранцу, не доверили, но пара огненных сфер была. Не бог весть что, но в случае опасности сгодится.

Я допускала, что моё нежелание оставаться в темноте вовсе не связано с предчувствием, простой первобытный страх человека перед тьмой. Но лучше, как говорится, перебдеть, чем недобдеть...

Сфера скользнула мне в левую руку из кожаного тубуса, правой я плотнее сжала рукоять обнажённого меча и медленно кивнула Айолину.

Он подхватил котёл, выставленный нами для сбора дождевой воды за пределы навеса, и залил огонь.

Томительно долгие мгновения я ничего не могла разглядеть, но мой спутник почти сразу обернулся в сторону высоких деревьев, за которыми виднелась небольшая прогалина.

Луна, ненадолго выглянувшая из-за облаков, осветила далёкую поляну, и на её фоне силуэты деревьев стали чёткими и хорошо различимыми.

И не только силуэты деревьев.

Гротескную человекоподобную фигуру я видела буквально мгновение. Нечто стояло у дальнего дерева, склонив голову набок, и с деланным любопытством разглядывало нас... Стоило мне попытаться сфокусировать взгляд на зловещем силуэте, как неведомый наблюдатель исчез и через долю секунды возник уже у другого дерева.

Того, что было гораздо ближе к нам.

Раздался странный, едва слышный скрип, будто кто-то терзал струны расстроенного инструмента. Я поёжилась, судорожно сжала сферу в руке и покосилась на Айолина.

— Он подошёл к защите, — негромко ответил мужчина на молчаливый вопрос.

Стоило мне обернуться, как я осознала правоту гомункула.

Наблюдатель возник уже у ближайшего дерева на границе с одним из установленных кристаллов. Теперь я могла разглядеть его получше и видела короткое туловище на тонких, будто ходули, ногах, руки-плети, свисающие почти до колен, если такой анатомический нюанс был у этого существа. Вот только большего разглядеть не удалось. Тьма сгустилась, словно стремилась заполнить собой неведомое существо до краёв.

Скрип раздался вновь.

Оно склонило голову на бок, и я могла бы поклясться, улыбнулось.

Волосы на голове зашевелились, в спину будто ввинтили стальной болт, захотелось зажать рот руками, чтобы не заорать. За эти дни я повидала немало монстров, но все они казались, как это не странно, удивительно... материальными, живыми и понятными. Тот, кто сейчас забавлялся, наблюдая за нами, был чем-то, не имеющим право на существование даже в этом магическом мире.

— Что это? — мой голос был едва различимым и сиплым от страха.

— Я не знаю, — по напряжённому голосу гомункула я догадалась, что он прикидывает наши шансы на победу при столкновении с тварью. И прогноз выходит нерадостным.

— Может, попробовать снять его из лука?

Судорожный, всхлипывающий скрип прервал мой вопрос. Силуэт твари задрожал, будто она билась в припадке. И я догадалась...

— Он смеётся?

— Похоже на то, — мрачный взгляд, брошенный Айолином на существо, отчего-то добавил мне уверенности в себе. Гомункул испытывал что угодно, но не тот животный ужас, что овладел мной. Я почти видела, как воин прагматично решает, как лучше разделаться с нечистью, и мне внезапно стало стыдно за свою трусость. Настолько, что страх поблек, а способность мыслить рационально вернулась. — Лук бесполезен, он слишком быстрый.

— Быстрее тебя? — я решила, что лучше услышать все плохие новости разом.

— Пожалуй, — флегматичный ответ Айолина не добавил мне оптимизма. Но гомункула перевес сил, казалось, вовсе не беспокоил.

— Значит я могу сразу рыть себе могилу и даже не брыкаться.

— Не стоит, — Айолин обернулся ко мне. Его серебристые глаза, единственный источник света в обступившей нас тьме, лучились иронией. — Он тебя всё равно съест, зачем лишний раз напрягаться?

Тварь, будто решив, что уже достаточно поиграла с нами, припала к земле неподалёку от кристалла. Мне показалось, чтобы существо принюхивается, оценивает нашу оборону.

— Он может что-нибудь сделать?

— Кто знает, очевидно это очередное наследство Умбры. Он может быть способен на что угодно.

Да, и вполне возможно скоро маг создаст ещё больше таких милых существ. После того, как я помогу ему вернуться к жизни. Чувство вины и сомнения дезориентировали меня настолько, что я упустила момент, когда гомункул метнулся к защите, бросив мне:

— Не покидай защитный круг!

Я не смогла разглядеть, что делала тварь, но Айолин в мгновение ока покинул зону действия кристаллов.

Схватка была ужасающе тихой, не было ни звона оружия, ни криков, даже мерзкий нарастающий смех-скрип существа прекратился. Только глухие удары, шелест травы и звук ломающихся сухих веток.

Как ни странно, лучше всего было заметно чудовище. Вернее, смазанное чёрное пятно, то и дело появляющееся в поле зрения меж тёмных силуэтов деревьев, а вот Айолина я почти не видела, но утешало одно.

Раз бой продолжается, гомункул жив и способен стоять на ногах.

Пока.

Пульс бил в виски, а кончики пальцев холодели от плохого предчувствия. Оценить на чьей стороне перевес в сражении было невозможно, но мой дар безошибочно подсказывал, что дерьмовее расклад не придумаешь. Я знала, если ничего не придумаю, Айолин не выживет.

Кидать сферу не имело смысла, бой шёл уже на приличном удалении от нашего укрытия, но даже будь он рядом, попасть в нечисть я бы не смогла, а вот ослепить и дезориентировать гомункула запросто.

И тут я увидела то, отчего все связные мысли покинули меня.

Мужчина был слишком занят схваткой, поэтому не видел, как силуэты дальних деревьев неожиданно раздвоились, и пять... нет, шесть копий чудовища, что до сих пор скрывались в тени вековых стволов, синхронно склонили головы, взглянув на сражение.

Они засмеялись, довольные своей шуткой — тем, что выманили жертву за пределы круга и позволили поверить, что шанс на победу есть.

— Их много! Запали огонь! — закричала я, что было сил, надеясь, что Айолин меня расслышит. А сама рванула обратно к стоянке.

Действовала больше на инстинктах, чем в действительности просчитывая ситуацию. Схватила было лук, но соотнеся вес магической сферы и стрелы, отбросила в сторону.

Где-то позади меня Айолин активировал свой артефакт, полыхнуло марево огня. Слишком слабое, чтобы быть надёжным. Должно быть, после обильного дождя даже магическое пламя неохотно схватывало влажную древесину.

Я не обернулась, чтобы не терять и секунды, схватила одно из полотенец, сушащихся на рогатине. Обернула им сферу и завязала на манер кулька. Обхватив странную ношу, метнулась обратно к ограждению, не забыв с помощью второй сферы зажечь потушенный на стоянке костёр.

Айолин сидел вдалеке, привалившись к дереву с полыхающей кроной. Даже отсюда я видела поблескивающую в отблесках огня кровь, залившую плотную куртку из дублённой кожи.

Только в сказках прекрасные рыцари всюду разъезжают в латах. На деле полный доспех надевают крайне редко, обычно лишь перед непосредственными боевыми действиями, когда есть время на подготовку. Стандартное походное обмундирование орденцев состоит из плотных курток с металлическими пластинами, наручей и других отдельных элементов доспеха. Гораздо легче и в то же время надёжно.

И всё-таки тварь без особого труда расплосовала толстую кожу и пробила металлические пластины. Я не могла оценить в полной мере состояние своего спутника, но, если бы не языки пламени над головой, он был бы уже мёртв.

Тем не менее, острое чувство смертельно опасности чуть стихло. Возможно, критическая точка была пройдена, и теперь у нас появились неплохие шансы на выживание.

Тёмные тени кружили возле Айолина на грани светового круга. Скрипа-смеха больше не было, похоже, огненные сферы стали для тварей неприятным сюрпризом. Вот только огня от сторающего дерева не хватит, чтобы продержаться до утра. Нужно дать возможность Айолину вернуться в защитный круг.

Зачем он вообще покинул его?

Злясь на себя за бесполезность, я начала осторожно, на манер пращи, раскручивать полотенце со сферой внутри. Когда, как мне показалось, снаряд оказался в нужной точке, я выпустила ткань из рук, молясь, чтобы сфера разбилась вблизи какого-нибудь дерева и подожгла его.

Айолин понял мой замысел ещё до того, как полотенце коснулось земли. Плавно, будто и не был ранен, поднялся и почти на пределе видимости метнулся к новому участку света.

Позже я осознала, что сглупила. Айолину хватило бы огня и от его заклинания. Он мог бы использовать угли и пылающие ветви дерева, чтобы поджечь окружающие кустарники и проложить огненную тропу до защитного круга из кристаллов.

Мне оставалось лишь развести костёр на стоянке и позволить гомункулу всё сделать самому. Но я настолько устала от вечного ощущения бесполезности в этой вылазке, что схватилась за возможность помочь и в результате потратила ценные артефакты совсем не

рационально.

И всё-таки важнее, что мы проложили огненную тропу от второго подожжённого дерева. Гомункул добрался до меня уставшим, но почти невредимым.

Я говорю «почти» лишь потому, что не все раны на теле мужчины успели затянуться до нашего воссоединения, но большая часть из них уже зарубцевалась или, как минимум, перестала кровоточить. Айолин выглядел измождённым, но смертельная опасность миновала.

Твари сторожили нас вплоть до рассвета, в предрассветных сумерках они исчезли, хотя я буквально кожей ощущала нечеловеческую злобу.

Гомункул после сражения чувствовал себя неважно, но первым делом прошёл проверить место ночного боя и вернулся назад со странной белой маской в руках. Казалось, она была отлита из гипса — с узкими прорезями для глаз и улыбающейся щелью на месте рта.

— Это всё, что осталось от того, которого мне удалось убить, — Айолин постучал по поверхности пальцами. — Когда я сорвал с него маску, он будто ослеп и перестал видеть меня.

Я масок на лицах ночных созданий не заметила, но, с другой стороны, и не сталкивалась с ними лицом к лицу.

Интересно, кстати, почему?

Неужели, они приходили лишь за мужчиной? Быть может, Ард велел им не трогать меня?

Гадать было бессмысленно. Как и всерьёз рассчитывать на то, что тёмные создания не навредят мне. Всё же Тьма — есть Тьма. Не уверена, что она может пойти против своей сути.

— Кстати, — внезапно вспомнила я. — Зачем ты покинул защитный круг?

— Подойди сюда, — Айолин поманил меня рукой и подвёл к кристаллу. — Не знаю, как ему это удалось, но он повредил защиту.

Я склонилась над прозрачным с фиолетовыми вкраплениями камнем. Ночью от него исходило едва заметное свечение, но днём он казался почти обыкновенным. У основания вилась небольшая трещина, настолько незначительная, что она скорее угадывалась, чем действительно виднелась.

— Как ты её разглядел? — поразила я.

— Не глазами уж точно. Магический фон изменился.

Покосившись на измождённого после трудной ночи мужчину, сосредоточенно расследующего повреждённый кристалл, я промолчала. Интересно. Не думала, что Айолин настолько чувствителен к магической энергии. Обычно это доступно лишь магам и некоторым одарённым, вроде Криса и мастера Рейдала.

Возникал вопрос. Видел ли Айолин, что я бездарок? Неужто знал и молчал?

— Ольга, мне придётся поспать, — подняв взгляд на усталое лицо, я согласилась со спутником. Мужчина выглядел измождённым. Хотя раны затянулись совсем, я подозревала, что столь серьёзные повреждения не могли пройти для организма незамеченными. — Но сначала позавтракаем, нужно возместить потраченные силы.

Обычно мы не трогали запас сушёного мяса, обходясь пойманной дичью, но просто варёной крупы Айолину для восстановления было откровенно мало. Поэтому наскоро настругав твёрдые волокна, отправили их вариться в котелок, а сами решили, что делать дальше.

— Утешает, что чем бы ни были наши вчерашние гости, днём они не появляются. Нужно возвращаться в деревню и запросить подмогу.

Я забеспокоилась. Мы не могли вернуться, не найдя убежища. Если сюда нагрянет вся орденская рать, шанс того, что я смогу разыскать половинку сферы был ничтожен. Мне и так предстояло придумать, как убедить Айолина исследовать убежище, а не следовать инструкции — самим не соваться, дать знак остальным и ждать подкрепления.

«Не знаю, чего ты добиваешься, Ард, но твои детишки совсем делу не помогают», — мрачно подумала я.

На самом деле, больше всего мне хотелось прислушаться к доводам спутника и покинуть лес, что теперь казался зловещим и ещё менее гостеприимным, чем раньше. Даже днём, в тёмных тенях от деревьев чудились зловещие очертания ночных наблюдателей.

— Ты не боишься, что мы можем привести их за собой к поселению? — мой вопрос был лишь отчасти продиктован желанием отговорить Айолина от возвращения. По какой-то причине жители деревни не знали о существовании подобных тварей в лесу. Возможно, мы разбудили их своим присутствием. Или сработала защитная система, оставленная Умброй.

Айолину чудом удалось убить одного. Крестьяне не смогут противопоставить им ничего.

По мрачному лицу гомункула я осознала, что его беспокоят те же мысли:

— Не нравится мне всё это. Эти твари не из обычных монстров. Ими движет не просто злоба и желание набить брюхо. Они любят играть с добычей и наслаждаются её отчаянием. Подобные им не будут отсиживаться в лесу, им нужны разумные жертвы. Поэтому странно, что ни о чём подобном мы до сих пор не слышали.

— Возможно, это знак, что мы на верном пути.

— Боюсь, ты права.

Я уложила мужчину спать, пообещав разбудить, если замечу что-нибудь подозрительное. Айолин завернулся в отсыревшее походное одеяло и забылся беспробудным сном.

На фоне грубого серого полотна бледное лицо гомункула выглядело ещё более исхудавшим и усталым. Энергия для регенерации не бралась из ниоткуда. Организму, чтобы залечить раны в одном месте, требовалось взять её из другого. Мой спутник в буквальном смысле исхудал, будто много дней провёл впроголодь.

По-хорошему, пойти бы поохотиться, но я не могла оставить Айолина одного, поэтому занялась сбором снаряжения — мы должны были отправиться в путь сразу после пробуждения воина.

Пока руки механически выполняли работу, я размышляла о том, о чём думать совершенно не хотелось.

Куда идти, когда в ордене я оставаться больше не смогу.

Я знала, что Ард не солгал. Мимолётная тревога, будто первый холодный ветер в конце лета, предвещающий приход осени, засела глубоко внутри. Орм открылся мне с новой стороны. Я многое узнала об обычаях, социальном устройстве, культуре и других жизненно необходимых вещах. И от того мои шансы на выживание казались мне ещё более призрачными. Конечно, Ард обещал мне поддержку, если я выполню его задание. Но на бога надейся, а сам не плошай. Особенно, если благодетель твой — бог Тьмы.

Единственное, что я умела, из того, что могло пригодиться в этом мире — владеть мечом. Надо признать, так себе, но всё же не хуже, чем многие другие новобранцы. Вот только шансы мои заработать себе на хлеб ратным делом стремились к нулю.

Если я получу «красную карточку» в ордене, на службу ни к одному лорду меня не возьмут, даже если захотят. А могут и не захотеть, потому что только в Орден пятерых спокойно брали женщин, в остальных случаях всё сильно зависело от феодала. Конечно, искусные воительницы, вроде мастера Аноры, всегда были в почёте. Но, вот беда, я к ним не относилась.

Ещё один вариант — податься в наёмники. Но это весьма скользкая дорожка. В прославленные отряды с хорошей репутацией очередь желающих вступить. И, разумеется, туда берут лишь самых лучших. А вот в менее щепетильные наёмничьи шайки самой не хотелось. Меня может быть и возьмут, только в качестве кого? В определённых кругах сочетание «боевая подруга» — это завуалированное «шлюха походная». Берут таких девок с собой, чтобы в перерывах меж охраны обозов жить было веселее... И не всегда они даже сражаться умеют. Подумаешь, помрёт? Найдут другую, мало ли неприкаянных сирот, нуждающихся в куске хлеба.

Да и, что самое главное, не хотелось мне рубить людей да самой шею подставлять. Одно дело — нежить, другое — разбойники и другие такие же наёмники.

Как ни крути, а этот путь для меня закрыт.

Крестьянкой стать тоже не так-то просто. Когда читаешь книги, об этом не задумываешься, но нельзя просто так прийти в деревню, занять какой-нибудь пустующий домик и начать выращивать репу да картофель, которые, кстати, на Орме всё равно не растут.

Раз в несколько лет каждый феодал проводит перепись крестьян, живущих на его земле. Может быть, моё появление и не вызовет особых вопросов. В конце концов, какая разница, если староста дал дозволение поселиться, а я плачу подати.

Вот только, смогу ли я их платить? Сначала нужно взять где-то семена и зёрна, денег на покупку которых у меня нет. Умудриться не угробить все посадки в течении года и собрать урожай, чтобы весомую часть его отдать не только лорду земель, но и деревне на общие нужды.

Даже если невероятно повезёт, меня приютят и не дадут загнуться от голода, пока я осваиваю огороднические премудрости, одной огромной проблемы это не решает.

Рано или поздно мне придётся выйти замуж за какого-нибудь крестьянина. Просто потому, что крепкая семья с кучей родни — основа любого хозяйства в деревне. В одиночку поле не больно вспашешь, за скотиной не походишь и кучу других дел не переделаешь. Да и брак в моей ситуации был бы единственным надёжным способом закрепиться на земле.

Подозреваю, что для замужества мне пришлось бы ещё крепко попотеть. У крестьян женят рано, и я, какая бы красавица ни была Генерис, скорее всего, уже перестарок. К тому же пришлая. И не девица. Только мечом махать и умею. Куда ни плюнь сплошные минусы. Даже, если удастся скрыть мою бездарность.

И не верила я, что смогу полюбить крестьянина. Слишком велика разница в кругозоре и культурном уровне. Я не ханжа. Но это только в нашем мире во многих сёлах есть связь и интернет, поэтому люди остаются более или менее в одном информационном поле. А в Орме? Боюсь, с местными лишь об урожае поговорить и можно, да о том, что жену кузнецову застали на сеновале со старостой. В пору удавиться, чем выживать такой ценой.

А уж совместные ночи мне и вовсе представить трудно. Как-то так вышло, что сексуальность мужчины в моих глазах тесно связана с интеллектом, возможностью поддержать разговор на разные темы и чувством юмора. Всю жизнь терпеть возле себя мужчину, к которому не испытываю ни то что любви, но даже влечения?

В общем, перспективы открывались не радужные. Может быть, мне удастся устроиться куда-нибудь служанкой, но у знати требуются рекомендательные письма, а у птиц меньшего полёта прислуга обычно приходящая и не живёт при хозяине. Хватит ли мне копеек, чтобы снять где-нибудь комнату? Большой вопрос.

Глупо беспокоиться заранее, но, когда голова занята работой, есть ощущение, что не всё безнадежно.

Ещё до встречи с Ардом я начала готовить пути отступления. В старом амбаре в обители у меня уже был припрятан старый заплочный мешок. Потихоньку, но в нём копился нехитрый скрап — огниво, верёвка, небольшой запас крупы, записи с зарисовками карт и съедобных, несъедобных растений. Остальное ещё предстояло умыкнуть. К сожалению, легального способа раздобыть нужные вещи у меня не было. Здешние деньги я видела лишь издалека.

Мои размышления прервал едва слышный стон. Я развернулась к Айолину и всмотрелась в его спящее лицо. Меж густых бровей пролегла глубокая складка. Лицо было влажным от пота, будто воину было нестерпимо жарко, грудь тяжело вздымалась, а зубы сжаты с такой силой, что я почти ожидала услышать скрежет.

— Айолин? — нерешительно окликнула его и подошла поближе. Вспомнился наш уже давний разговор. Похоже, и гомункула мучали свои кошмары.

Я медлила, не зная стоит ли его будить. Как и всякий воин, Айолин приучен

реагировать на опасность на уровне инстинктов. Не снесёт ли он мне голову клинком, если я внезапно побеспокою его?

Оставалось надеяться, что нет. В конце концов, существуй такая опасность, он предупредил бы.

Осторожно приблизившись к лежанке, я присела рядом, коснулась плеча мужчины и с силой сжала его:

— Тише! Это просто сон! Ты в безопасности.

Глаза его, совершенно дикие ото сна, распахнулись. Мужчина взметнулся и сел так быстро, что я невольно отшатнулась и упала бы навзничь, не перехвати он моё запястье. Пальцы сжали руку до боли, но я знала, что даже в таком состоянии, на уровне подсознания Айолин сдерживается. Он мог бы сломать каждую косточку без особых усилий, но лишь впился в запястье и тяжело дышал.

— Всё хорошо, — мягко сказала я, стараясь не морщиться от боли.

Он посмотрел мне в глаза и хрипло произнёс:

— Не уверен, Ольга. Совсем не уверен.

Возможно, Айолин и рассказал бы подробнее о том, что его беспокоит, но времени на душевительные беседы не было. Нужно было оставить как можно большее расстояние между нами и нынешним местом стоянки. Мы всерьёз не рассчитывали, что твари собьются со следа, но так было спокойнее.

В этот день мы почти не обследовали территорию и на ночлег остановились загодя, чтобы заготовить дров. Это не такое уж простое дело. Прямого запрета на вырубку в Орме нет, деревья рубят для обогрева или в других жизненно необходимых ситуациях. Но всё-таки мы старались не трогать особо ценные и магически сильные породы деревьев, выбирали те, что уже иссохли или находились на грани умирания, поэтому времени на это уходило прилично.

Подойдя с топором к очередному остову когда-то крепкого ствола, я насторожилась. Почему-то вид узловатого высохшего дерева растревожил душу. По спине, несмотря на жаркий день, прошла волна холодных мурашек, а внутреннее чутьё, пока ещё сонное, вскинуло голову.

Я слышала мерный звук топора — неподалёку Айолин делал свою часть работы. Стоило мне обернуться, и я наверняка увидела бы его высокую фигуру меж деревьев, но упускать из виду мёртвый ствол почему-то не хотелось.

Оглядев дерево ещё раз, я заметила, что насторожило меня. Земля у корней была сплошь покрыта перегнившими листьями, травой и ветками. Везде, кроме одного места.

У самого основания ствола почва казалась чистой, мягкой и влажной, будто кто-то недавно копал в этом месте.

Чутьё молчало, не предвещая смертельной беды, поэтому я рискнула подойти к дереву и коснуться земли. Пальцы мгновенно провалились в рыхлый перегной, запахло плесенью и сыростью.

Ведомая странным предчувствием, я начала копать.

По мере того, как куча земли рядом с ямой росла, я чувствовала нарастающее зудящее чувство предвкушения. При этом совершенно точно знала, что находка мне не понравится.

Через некоторое время нож уткнулся во что-то твёрдое. Осторожно убрав остатки земли, я вперила взгляд в оскаленное лицо. Провалы-глазниц и узкая щель-рот. Точь-в-точь та маска, что принёс Айолин. Вот только достаточно взгляда, чтобы понять — эта вещь не просто слепок лица. Мне казалось, что чудовище взирает на меня из прорезей, хотя ничего кроме сырой земли за ней не было.

— Не трогай! — напряжённый голос раздался позади меня. Я вздрогнула от неожиданности и повернулась к Айолину. Плохо, что я настолько погрузилась в себя, что не заметила его шагов. Или он сознательно хотел застать меня врасплох?

— И не собиралась.

Мужчина сел на корточки, чтобы получше рассмотреть находку. Хмурая складка прорезала лоб, а следующую секунду тяжёлый кинжал вонзился в глазницу маски. Я ожидала, что та треснет, подобно глине или фарфору — настолько материал был внешне схож с ними, но лезвие лишь самую малость впилося в поверхность.

— Попробуем сжечь, — ничуть не огорчённый гомункул поддел находку ножом и понёс в сторону стоянки.

Убедившись, что костёр пылает достаточно ярко, мы закинули маску прямо на раскалённые угли. Я почти ощущала бессильную ярость одного из наших вчерашних гостей. Он видел, что конец его близок, но ничего поделать не мог. Несколько минут ничего не происходило, но всё же создание Тьмы не устояло, медленно, но верно белоснежная поверхность начала чернеть и обугливаться...

Закономерный итог для создания Тьмы. В огне нет для неё места.

Интересно, знай Айолин, что я заключила сделку с Ардом, отправил бы он и меня на костёр?

Тёмных магов в Орме большей частью жгли, но вовсе не из тех же соображений, что в нашем мире. Так уж вышло, что у любой силы есть слабые стороны. Слабость Тьмы — это абсолютный свет, в котором нет места теням. Огонь помогает ослабить тёмного, нейтрализовать значительную часть его возможностей. И одновременно — как удобно, не так ли — убивает. Идеальный способ, чтобы разделаться с созданием Тьмы.

Есть и более экзотичные способы казни. Так называемые, комнаты очищения, заполненные Светом в буквальном смысле и магией, производной от него.

Хотя, как показала практика, особые выдумки иногда не нужны для убийства и самого сильного мага. Достаточно таланта подобного тому, что есть у Лидии.

— Я обойду окрестности, посмотрю нет ли ещё подобных дневных убежищ наших ночных гостей, — вернул меня к реальности голос Айолина. — А ты пока установи защиту и заготовь ещё дров.

Мужчина бросил тяжёлый кожаный мешок с кристаллами на траву, а сам удалился на поиски.

До сих пор мне приходилось устанавливать защиту самостоятельно только на тренировках. Работала она довольно просто, хотя и не давала гарантии полной безопасности. Высокоразвитые тёмные твари, подобные созданиям Умбры, что атаковали нас ночью, вполне могли прорвать оборону.

Я высыпала кристаллы на траву, чтобы тщательно их осмотреть.

Всего их было девять. Хотя обычно уже трёх хватает для создания небольшого убежища, нас снабдили большим количеством, чтобы в зоне защиты уместился небольшой отряд. Несколько кристаллов Айолин отдал Григу и остальным, на тот случай, если они не успеют покинуть лес до темноты, но и с девятью под воздействие магии попадала приличная зона.

Чтобы высвободить магию, заключённую внутрь, нужно просто установить камни на определённом расстоянии друг от друга. Они резонируют и создадут своеобразную сеть, которой накроет место ночлега. Очень простая защита, которую могут использовать даже бездарки, подобные мне.

Но, увы, у неё довольно недостатков.

Все камни в одном комплекте тщательно подобраны по размеру и форме. Именно от характеристик кристалла зависит примерное количество магии, которую он способен вместить в себя и волны его излучения. Поэтому, если часть комплекта утеряна, первыми попавшимися камнями их не заменить, нужно искать схожие, что может быть нелёгким делом. К счастью, для активации защиты нет особых требований по количеству камней, главное, чтобы их хватало, чтобы покрыть определённую площадь.

Кристаллы — дорогое удовольствие. Конечно, пустые камни в комплектах и по отдельности продаются в столице Стейнхорма на каждом шагу и можно найти вполне доступные по цене. Но от незаполненных кристаллов толку ноль, нужно ещё оплатить услуги

светлого мага, чтобы он зарядил их своей силой. И затем регулярно перезаряжать.

Честное слово, будто автомобиль, жрущий бензин и деньги в огромных количествах.

И, к сожалению, я абсолютно не знала, где мне раздобыть денег на столь важные в пути кристаллы.

Когда камни были установлены, я убедилась, что от каждого из них исходит едва уловимое свечение и занялась заготовкой дров. Мы решили, что этой ночью нужно развести несколько костров по всему периметру, чтобы оградить кристаллы от посягательств монстров.

Может показаться странным, что приходится так трястись над не работающей в этом случае защитой. Но отбиваться только от атак наших вчерашних весельчаков лучше, чем от них же и ещё кучи тварей, которых в этом лесу достаточно.

К тому времени, как работа была завершена, я готова была упасть без сил. Руки болели от упражнений с топором, одежда промокла от пота, а желудок сводило голодными судорогами. Я не дала себе и пяти минут передышки, надо было успеть приготовить еду к приходу Айолина — силы этой ночью нам, ой, как понадобятся.

Соль, хотя в этом мире и была, не использовалась при приготовлении блюд, как и привычные на Земле специи. Первое время было невероятно сложно привыкнуть к непривычному вкусу. Но со временем я стала ловить себя на том, что воспоминания о земной еде и напитках теряют краски. И из-за этого ком стоял в горле и почему-то хотелось плакать.

Я скучала не по суши, пицце или коле в баночках. Но от мысли, что однажды не сумею вспомнить вкус еды в доме моих родителей, становилось тоскливо и ещё более одиноко.

Каша уже хорошенько разварилась, когда меж деревьев, наконец, показался гомункул. Я видела, что мужчина хмурился, и в словно бы в ответ на это предостережение, молчавшее до сих пор, взметнулось и забило в набат. Тревога охватила меня быстро, будто лесной пожар сухой подлесок.

— У меня есть новость, — мрачно заключил Айолин. — Не знаю, хорошая или плохая... Но, похоже, я нашёл убежище Умбры.

— Что? — от неожиданности я даже выронила длинную походную ложку, которой помешивала наш ужин в котле.

Мужчина остановился неподалёку, не доходя до стоянки. Махнул мне рукой, призывая идти за собой:

— Пойдём, надо успеть осмотреть всё до наступления темноты.

Я с сомнением оглядела лес — у нас в запасе было не более часа.

— Уверен, что успеем?

— Если перестанем болтать, да, тут недалеко. Не хотелось бы столкнуться нынешней ночью с теми тварями рядом с убежищем. — Айолин делился своими догадками, будто нехотя, мрачней с каждой произнесённой фразой. — Подозреваю, что Умбра создал их как стражей своего дома. Я не уверен, но его близость может сделать их сильнее. Тогда костры нас уже не спасут.

Делать было нечего, хотя идея мне отчего-то совсем не нравилась. Я чувствовала, что впереди ждала смертельная опасность, ничуть не меньше той, что удалось избежать вчера.

Но, возможно, иного и не дано. Первую часть пути попадалось много мелких монстров, с которыми могли бы справиться и новобранцы. Исключением стала лишь парочка гроков. Но чем дальше в лес мы продвигались, тем реже были встречи, зато опасность тварей выросла во стократ. Теперь каждый наш день может стать последним. И с постоянным ощущением приближения опасности предстоит жить ещё долго.

Я подхватила перевязь с ножнами, застегнула её на поясе и пошла за гомункулом.

— Как ты его нашёл? — тревога всё нарастала, я косилась на деревья, почти ожидая увидеть знакомые силуэты монстров в масках. Даже сильная спина гомункула, идущего впереди, вопреки обыкновению, не давала спасительной уверенности в том, что всё окончится благополучно.

Я смотрела на тёмные волосы Айолина, собранные в хвост, перевязь для оружия,

обхватывающую плечи мужчины. И почему-то эта привычная картина вызвала ощущение неправильности.

Ощущение огромной ошибки настигло меня ещё до того, как Айолин обернулся:

— Под одним из деревьев. Сначала решил, что это просто чья-то заброшенная нора или логово монстра. Но лаз короткий и ведёт в землянку с дверью.

Мой спутник говорил убедительные слова и вёл себя почти как обычно. Разве что едва уловимое лихорадочное предвкушение, мелькавшее в серых глазах, могло бы заставить меня заподозрить неладное.

Это был не Айолин.

Натянутая внутри струна оборвалась, тревога сменила тональность, будто бы волшебная интуиция обрадовалась, что я, наконец, правильно интерпретировала её послание.

Я улыбнулась, хотя больше всего мне хотелось громко рассмеяться, проклиная свою неосторожность.

— Неужели ты успел залезть внутрь? — спросила я монстра, что излишне внимательно всматривался в моё лицо. Похоже, моё поведение несколько насторожило его.

— Не стал, просто закинул внутрь подожжённую ветвь. Этого хватило, чтобы осветить яму, — он отвернулся и пошёл вперёд, стремясь увести меня подальше от безопасной стоянки.

И это было довольно странно. Чудовище давно могло наброситься на меня. Я не успела бы добежать обратно.

Быть может, опасался появления гомункула?

Мысль о том, что странный имитатор мог быть прислужником Арда, которого тот отправил, чтобы привести меня к убежищу, я отбросила.

Не стоит даже в шутку думать о теневых тварях как о возможных союзниках. Они не люди, их чудовищное восприятие мира я едва ли смогу понять.

Значит, скорее всего, нечисть ведёт меня напрямиком в своё логово.

Вот только, что это за монстр?

Он не боится дневного света.

Разумен.

Но не смог зайти в круг кристаллов.

Запоздало, но я всё-таки осознала, что «Айолин» держался поодаль и не заходил в зону защиты.

На ум приходит лишь один представитель местного бестиария.

Райхиры не были в прямом смысле детьми Тени, но более приятными от этого не становились. Они считались высшей нечестью, то есть были разумны, но, к счастью, не особенно сильны. Единственный их магический дар — искусные иллюзии, с помощью которых они могут изменять не только себя, но и отправлять фантомов-шпионов следить за потенциальными жертвами. Физически твари сильнее людей. Ненамного, но достаточно, чтобы без особого труда убить какого-нибудь крестьянина, утащить в своё логово и затем глотать кости незадачливой жертвы.

Помимо всего прочего, райхиры были падки на человеческих женщин. И нередко похищали их вовсе не из гастрономического интереса...

Нужно выбрать подходящий момент для атаки и застать монстра врасплох, иначе шанса на победу может не быть. Чем грозит проигрыш, думать не хотелось. Чудовища могут держать женщин в своих логовах годами, совокупляясь с ними в свободное от охоты

времени. Редко, но рыцарям приходилось освобождать обезумевших пленниц райхиров. Что и говорить, никто из найденных женщин так и не оправился.

А, если с едой твари не везло, ею становилась рабыня монстра. Вот такая жизнь по принципу — ноль отходов.

Если он до сих пор не вернул свой истинный облик, значит, рассчитывает соблазнить меня под личиной Айолина. Так они обычно и охотятся на женщин. Принимают вид красивого мужчины и соблазняют жертв.

Им нравится, что поначалу женщины ложатся с ними в постель добровольно. А, натешившись, монстры принимают свой истинный облик. И только, когда перед жертвами предстаёт двухметровое краснокожее чудовище с длинным вываленным языком и глазами навывкат, бедняжки осознают, кого только что держали в объятьях...

Злость помогала мне держать себя в руках. В голове созрел не самый гениальный, но всё-таки план.

Пальцы моей левой руки скользнули к вороту куртки и ослабили его. Затем я распахнула полы верхней одежды, под которой носила одну лишь рубашку из довольно плотного сукна.

Одежда бойца ордена едва ли годилась для соблазнения. Никаких тебе глубоких вырезов и шнуровки, которую можно было бы призывно расслабить. Поэтому я лишь сильнее оттянула ткань рубашки назад, заставив её более чётко обозначить округлость груди, и заткнула излишки сзади за пояс.

Для соблазнения слабо годилась не только форма, но и я сама. Никогда не умела флиртовать, раздавать многообещающие взгляды и томно улыбаться.

Оставалось надеяться, что монстр не слишком привередлив и внешности Генерис вполне хватит, чтобы заставить его потерять бдительность.

Правой рукой я огладила кинжал, висевший на бедре, и дрогнувшим голосом окликнула райхира:

— Постой, Айолин.

Тварь обернулась и вопросительно, точь-в-точь как это делал гомункул, вскинула бровь.

Я медленно подошла к чудовищу и заглянула ему в глаза.

— Ты ведь помнишь, что мы должны сделать сразу, как найдём убежище Умбры? — говорила я, понизив голос почти до интимного шёпота.

Я дышала глубоко, чуточку прерывисто. Не от страсти, разумеется, скорее, от мандража предстоящего боя. С трудом, но попыталась представить на месте монстра настоящего Айолина. С его совершенным лицом, чувственными губами и такими прекрасными глазами, что любая женщина, если только её сердце не высечено из камня, растаяла бы в его руках.

Лишь этот зыбкий образ помог мне не дрогнуть от отвращения, когда я коснулась отворота куртки райхира. Я пробежалась пальцами по такой реалистичной грубой коже одежды... И едва не вмазала чудовищу по морде в тот миг, когда длинные пальцы накрыли мою левую руку, лежащую у него на груди.

— Нужно будет сразу подать сигнал остальным, и тогда мы не сможем уже побыть наедине... — начала говорить я, чувствуя себя конченной идиоткой. Может быть, я переоцениваю человеческих мужчин, но мне кажется, что даже вечно озабоченный Хорс, не купился бы на такую откровенную попытку соблазнения. Но по разгоревшейся похоти в глазах имитатора, я быстро поняла, что особенно стараться и не требуется.

Чужая рука скользнула мне на бедро, а я быстрым и неожиданно отточенным даже для

меня самой движением вытащила нож и ударила монстра в живот.

Адреналин ударил в голову и за долю секунды в голове моей пронеслись десятки различных мыслей. От страха, что я могла ошибиться, и сейчас вонзила сталь в тело товарища, до отвращения от ощущения того, как твёрдое лезвие входило в мягкое брюхо монстра.

Райхир заревел, из его рта вырвались ругательства, иллюзия пошла рябью и рассыпалась вдребезги. К этому мгновению я уже успела отскочить достаточно далеко и вынуть меч из ножен.

Тратить время на разглядывание твари я не стала — райхир бросился на меня, разбрызгивая тяжёлые капли крови по траве.

— Сучка! Ты заплатишь сполна! — когти на массивных лапах взрыли землю. Я отскочила в сторону, проворачивая меч в воздухе, чтобы задеть врага на излёте, но он успел извернуться и, перегруппировавшись, кинулся ко мне.

Убегать от твари было опасно — не стоило подставлять спину, поэтому мне приходилось медленно пятиться, блокируя удары.

И надеяться, что я верно определила в суматохе боя направление.

Несмотря на ранение, райхир наносил удар за ударом, в его горле клокотало от злобы, но я видела, что несмотря на гнев, тварь опасается чистого лезвия старого орденового клинка. Запястье болело от напряжения, вся наука фехтования вылетела у меня из головы. Я могла думать лишь о том, чтобы не выронить меч при очередной атаке и успеть завести монстра в задуманную мной ловушку.

Однако я переоценила свою стойкость...

Краснокожий монстр изогнулся и новым сильным выпадом выбил меч из руки. Запястье взорвалось болью, но я всё же метнулась в сторону раскидистого дерева, чьи листья в солнечном свете едва ощутимо отливали синим.

Бежала, как никогда в жизни, обещая славить Крису, гонявшего меня по тренировочной площадке, до конца дней своих, если только мне удастся добраться до кроны...

Удар о землю был столь силён, что воздух разом покинул лёгкие. Монстр навалился на меня сверху, схватил за волосы и заставил запрокинуть голову назад. Я ощутила тяжёлый смрад его дыхания. Огромный скользкий язык скользнул по моей шее, а чудовище глумливо рассмеялось. Теперь его голос даже отдалённо не напоминал голос гомункула:

— Я бы сожрал тебя на месте, но такую сладенькую мне удаётся добыть впервые. Крестьянки хороши, но тебя я буду смаковать долго.

Треск разрываемой по швам кожи куртки стоял у меня в ушах. Но ощущение опасности отчего-то разом исчезло. Моя голова была запрокинута до боли, поэтому я отчётливо видела синеватую крону над нашими головами. Волшебное дерево потихоньку поглощало магическую энергию, что бурлила в райхире, но этого было недостаточно.

Краем глаза я заметила сук, лежащий неподалёку, сжала его, что есть силы, молясь о том, чтобы то была ветвь именно дерева с синеватыми листьями. И ударила, целясь в бедро монстра, которым он прижимал меня к земле.

Кровь хлынула мне на лоб. Голова твари упала на землю и уставилась на меня глазами, налитыми похотью и кровью. Я ошарашенно взглянула на дело рук... явно не моих.

— Ты воткнула в него сук аганита? — раздался над головой до боли знакомый голос гомункула. — Ловкий ход! Значит, будем считать, что бой засчитан!

Я скинула с себя тяжёлое тело дохлой твари и, чертыхаясь, поднялась.

Дерево аганит, словно губка, поглощает магию из окружающего пространства. Если по глупости разбить ночную стоянку неподалёку от него, то к утру кристаллы опустеют до дна, да и самому путешественнику не поздоровится. Для жителей этого мира неестественно полностью лишиться магической энергии. Исключение лишь бездарки.

Чтобы справиться с монстром, пришлось импровизировать. Само по себе дерево лишало бы сил райхира слишком медленно. А вот кусок древесины, вогнанный в плоть, другое дело... План, разумеется, был весьма рискованный, но и нескольких секунд мне хватило бы, чтобы немного ослабить врага.

Прохладный ветерок прошёлся по обнажённой спине — похоже, райхир успел расплосовать не только куртку, но и рубашку. Меня затрясло, но вовсе не от холода. Запоздало накрыло осознание того, чем всё могло закончиться, если бы не Айолин:

— Какого хрена он пытался поймать меня, когда я проткнула ему живот?!

Истерика выплеснулась потоком гнева, меня трясло от злости и слабости, но всё лучше, чем разрыдаться на глазах у гомункула. Странно. Я не верила, что когда-нибудь смогу стать стальной женщиной-рыцарем, вроде мастера Аноры, но и проявлять слабости не желала.

Носок сапога, что есть силы врезался в отрубленную голову с разъявленной пастью. Та отлетела к злополучному дереву с синеватой листвой и ударилась о кору с неприятным звуком. В обычной ситуации меня вывернуло бы наизнанку, но отчего-то в этот раз багровая пелена накрыла с головой, и на краснокожее тело посыпались удары тяжёлой подошвы.

Мне хотелось размозжить его тело, раздробить каждую косточку, но Айолин взял меня в захват сзади и оттащил в сторону:

— Ольга, я понимаю, что ты в шоке, и нужно выпустить пар. Но времени нет, уже смеркается, нас не должны атаковать до возвращения в защитный круг.

По инерции я попыталась вырваться из кольца чужих рук, но куда там. То была не просто хватка физически сильного мужчины. Под слоями одежды мышцы гомункула, казались, каменными и недвижимыми. С тем же успехом можно было пытаться разворотить громаду скал плечами.

Внезапно, не иначе как под влиянием адреналина, я настолько пронзительно ощутила чужую близость, что невольно вздрогнула всем телом. Обнажённая спина, тесно прижатая к груди мужчины, покрылась мурашками ничем не обоснованного предвкушения.

Даже сквозь острую вонь крови монстра я различала едва уловимый запах гомункула. Наверное, так пахли все орденцы — выделанной грубой кожей походной одежды, пылью, потом и самую чуточку травами и микстурами. Но отчего-то сейчас этот обыденный аромат да ещё прикосновение мужского подбородка к моей макушке вызывали самые что ни на есть прозрачные мысли...

Но тут я вспомнила то, что разом заставило меня застыть, будто молнией поражённой.

Знаки на спине. Он не должен их увидеть!

Спасибо монстру, оттащавшему меня за волосы. Коса растрепалась и пряди рассыпались по плечам волнами, частично прикрывая и спину. Я порадовалась, что так и не решилась кардинально обрезать прекрасные волосы Генерис, хотя они отчаянно мешались во время тренировок.

— Прости, — я мягко отстранилась, повернулась лицом к Айолину и сделала пару

шагов назад. Мужчина пытливо разглядывал моё лицо, будто был приятно удивлён, что я так быстро справилась со своим гневом. — Я понимаю, что не время для истерик.

— Это ты меня прости, — вздохнул он. — Я уже давно следовал за вами. Но это твой полевой выезд. Нужно испытать тебя, чтобы было что предъявить мастерам. Однако, подозреваю, что поторопился. Ты справилась бы и сама.

Я устало махнула рукой. Никакой обиды на спутника не было. Ни за то, что выжидал до самой критической точки, чтобы вмешаться в бой. Ни за то, что вырвал победу над монстром из рук.

— И отвечая на твой вопрос, — я недоумённо уставилась на него. Не припомню, чтобы что-то спрашивала. — Именно из-за ранения он и пытался овладеть тобой. Они соблазняют человеческих женщин не только из чистой похоти. Соитие для райхиров, как и пожирание плоти, неплохой способ получения энергии, разве что магической в этом случае.

Я закашлялась. Да уж, тут монстру ловить было нечего.

— Ты уже встречался с подобными ему?

— Нет, — Айолин подобрал мой потерянный во время схватки меч. — Райхиры довольно редки, сегодня была первая моя встреча с подобным монстром.

— Откуда тогда тебе это известно? Не припомню, чтобы такое упоминалось наставниками или в орденских книгах.

Айолин признал:

— Не знаю. Более того, я уверен, что до того, как ты пусть и фигурально поинтересовалась, почему раненный монстр думал о сексе, а не побеге или убийстве врага, я не знал ответа.

Я молчала, не желая спугнуть момент откровенности.

— Со мной часто случается подобное. Когда нужно какое-либо знание или умение, часто оказывается, что оно у меня есть.

— Скажи... а ты уверен, что твоя душа не имеет прошлой жизни?

Мне хотелось сказать иначе. Уверен ли ты, что Лидия не позаимствовала чью-то душу для того, чтобы оживить тебя? Но, как обычно, приходилось изощряться, чтобы не провоцировать конфликт.

— Иногда я и сам думаю об этом. Но сомневаюсь, — Айолин неожиданно улыбнулся. — Сама посуди, трудно поверить в существование человека, который обладал бы всеми моими навыками разом. Не хвастаюсь, но я действительно один из лучших мечников и лучников королевства. Отлично ориентируюсь в лесу, неплохо разбираюсь в целительстве, ловушках, чтении следов, магии и ещё...

Он внезапно замолчал, будто сообразил, что едва не сказал лишнего.

— В общем, не бывает таких людей. У всех есть явные и скрытые слабости. У меня их всего две. Моё умирающее тело и Лидия.

Ночью мы не сомкнули глаз. Твари осаждали нас с новой силой. И, несмотря на то, что Айолину до встречи с райхиром удалось уничтожить ещё две маски, наших противников стало лишь больше. Вокруг защитного круга сновала не только уже знакомая нечисть, но и некоторые другие монстры. К счастью, большая часть из них боялась солнечного света, огня и магии кристаллов, а тех, кто не убрался восвояси с рассветом, убил гомункул.

Голова гудела от недосыпа, в отличие от спутника, я не привыкла не спать сутками

напролёт, особенно если накануне валила деревья и дралась с монстрами. Но выбирать не приходилось,

За завтраком я латала разодранную куртку. Подобием шила делала новые отверстия, чтобы пустить кожаный шнур, который скрепит разодранные части. Если судить по плачевному виду старых латок, моё обмундирование знавало не один десяток новобранцев. Не удивительно, что райхиру удалось его изничтожить.

Спина самую малость саднила. Кое-где когти монстра задели кожу, но, к счастью, царапины были неглубокие, поэтому я с чистой совестью отказалась от помощи мужчины в их обработке.

Знаки Айолину я показывать не могла, чтобы не вызвать ненужных подозрений. На самом деле чудо, что он до сих пор не знал, что они у меня есть. Потому что первое время народ любил посудачить о том, что «Ольга из богатеньких». Не иначе надо порадоваться тому, что друзей у мужчины в ордене раз-два и обчёлся. Собственно, никого кроме Криса я вспомнить и не могла.

— Мне кажется, райхир знал, где находится убежище, — эта мысль не давала мне покоя со вчерашнего дня. Слишком уж много подробностей рассказал монстр, будто и не придумывал их вовсе.

Интуиция в ответ на моё заявление пробудилась и дала слабый сигнал — я на верном пути.

— С чего ты взяла?

Я кратко пересказала, что помнила из вчерашнего разговора. А помнила, как оказалось, почти всё, будто бы монстр вновь повторил свои слова прямо у меня в голове.

— Может быть, ты и права, но особенно я бы не рассчитывал. Райхиры мастера лжи. Он, скорее всего, следил за нами несколько дней и подслушивал разговоры. Было время, чтобы придумать убедительную историю. Но проверить всё же стоит. Вот только вызовем подмогу. В этих местах явно творится что-то неладное, слишком высока концентрация тёмных тварей. Даже если убежища здесь нет, окрестности надо зачистить.

Так мы и решили поступить.

Мы разбили сферу с сигнальным заклинанием и пошли искать логово монстра — нужно было проверить, не было ли у райхира пленниц.

Отчего-то гомункул удивительно легко обнаружил следы вчерашнего имитатора, несмотря на то, что мы успели изрядно наследить в окрестностях, а ночью вокруг стоянки и вовсе бегали целые табуны нечисти.

Айолин отмахнулся от моих расспросов, но я успела расслышать его бормотание: «Хорошо, что платок сохранил».

Логово райхира, спрятанное в небольшом овраге, под корнями дерева, оказалось на удивление чистым и просторным. Мы не обнаружили ни женщин, ни следов прошлых пиршеств монстра. Просто большая сухая яма с лежаком в углу. Потолком землянке служили корни старого дерева, вход в логово завален ветками, так что простой наблюдатель не заметит лаза.

— Ты уверен, что это здесь? — я спросила Айолина лишь проформы ради.

Сам гомункул обвёл равнодушным взглядом скромную келью монстра, на лице его не было и тени сомнения:

— Да, он обосновался здесь не так давно, поэтому следов присутствия не так много. Посмотри на стены. Райхир либо сам выкопал эту яму, либо разорил и расширил уже существующую нору.

Нора...

Прав был Ард. Чем дольше я живу в этом мире, чем чаще прислушиваюсь к голосу интуиции, тем сильнее становлюсь.

На Земле я плохо различала оттенки беспокойства, что посещало меня в особенно важные моменты.

Я не видела разницы между потенциальной опасностью для меня, сигналом о чём-то важном и предчувствием, касающимся других людей.

Теперь не всегда, но мне удаётся различить предупреждения между собой.

И вот сейчас при слове «нора» интуиция рьяно подняла голову, показывая мне связь. Хотя, честно сказать, я и без неё додумалась бы проверить эту версию.

«Под одним из деревьев. Сначала решил, что это просто чья-то заброшенная нора или логово монстра...» — вот что сказал райхир.

Всё же монстр пришёл за мной не по своей воле. Даже если райхир был убеждён, что сам решил похитить меня.

Ард собирался заманить меня сюда любым способом. Убей мы имитатора, хорошо. Орденцы обязаны проверить логово. Захвати меня райхир, тоже неплохо. Рано или поздно, находясь в этой яме, я почувствую близость убежища. Ну, а то, что меня пару-тройку раз изнасилуют, так это мелочи. В конце концов, свою часть сделки ещё не выполнила и защита от Арда мне не положена.

Я огляделась, словно ожидала, что дверь в логово колдуна выскочит из-под земли, раз уж я обо всём догадалась. Но, увы, ни прохода в убежище, ни походящего тайника для него я не заметила. На стенах из сухого спрессованного песка не было ничего, кроме отметин когтей.

— Ты чувствуешь что-нибудь... магическое? — вопрос звучал глупо донельзя.

Айолин одарил меня насмешливым взглядом, а затем неожиданно спросил:

— А ты разве нет?

Поскольку я понятия не имела, как видят мир обычные жители Орма, то уклончиво ответила:

— Здесь должна быть спрятанная дверь или что-то вроде этого.

— Ольга, ты перечитала детективов?

Я с подозрением посмотрела на собеседника. Понятия не имею, есть ли на Орме детективы. Или это ещё одна шутка, которой Лидия поделилась со своим созданием.

— Сама подумай, насколько велика вероятность того, что из одиннадцати команд его обнаружим именно мы? И что монстр, напавший на тебя, по счастливому совпадению живёт в логове колдуна?

Звучало, и правда, бредово. Вот только Айлин не знал, что в этом лесу мы всё равно, что детсадовцы на прогулке в парке. Идём туда, куда ведёт за ручку воспитатель.

— Спорим? — по лицу моему скользнула улыбка. За время, проведённое с гомункулом я настолько привыкла к нему, что моя обыкновенная настороженность, притупилась. Почти поток свежего воздуха после месяцев, во время которых я ежесекундно боялась потерять бдительность и концентрацию. Тогда, если бы не изматывающие тренировки, подозреваю, что не сумела бы спать ночью от подтачивающего чувства тревоги.

Жить в страхе перед монстрами, что могут отгрызть тебе голову, оказалось проще ожидания разоблачения.

Или же Айолину всё-таки удалось прикормить «бродячую кошку».

Тёмные брови в удивлении приподнялись:

— По твоему самодовольному виду, вижу, что ты отчего-то уверена в нашем везении. Но пусть будет так! Поспорим на два серебряных, самое оно для двух нищих.

Я скептически обвела глазами экипировку мужчины. Не чета моей, разошедшейся по швам в первом же серьёзном столкновении. И на форму рыцарей не похожа, хотя и сделана по тому же принципу — куртка их очень плотной кожи с металлическими пластинами.

Скорее всего, гомункул промышлял ещё чем-то, помимо истребления нечисти, потому что и у высших чинов Ордена пятерых денег не слишком много. Как ни странно, даже мастера Анора и Арштер не создавали впечатление обеспеченных деньгами людей. А ведь они родом из двух великих семей!

— Не похож ты на нищего! Как тебя вообще занесло в орден? Мог бы грести золото горстями, если бы пошёл в наёмники.

— Глупости, Ольга. Со мной не стали бы иметь дел. Это в ордене ко мне привыкли, да деревенские относятся неплохо, потому что ни о каких гомункулах и слыхом не слыхивали. Для них достаточно нашивки, — он постучал пальцем по изображению пяти мечей на его плече. — Почёт мне и уважение, раз уж я в их глазах рыцарь. А что «ухи дивные», это мелочи. Главное, чтобы монстра на тот свет отправил.

Айолин обвёл взглядом логово и, словно нехотя, пошёл осматривать стены. Пока он водил рукой по шершавой стене, лицо его оставалось сосредоточенным, но мне казалось, что мыслями он был где-то далеко.

Когда я уже решила тоже заняться делом, он неожиданно резюмировал:

— Вот и выходит, что орден подходит мне больше всего. Решение Лидии было мудрым.

— Это она отправила тебя туда?

— Предложила, — ненавязчиво поправил меня мужчина. — Я волен был выбирать сам,

но такой вариант ей казался самым разумным. К тому же в ордене уже был Крис, правда, тогда он ещё не был мастером.

— Как вообще вышло, что он стал им? Он, конечно, умелый боец, но этого маловато.

— Один из мастеров скончался от старости, и совет решил упрочить авторитет ордена, назначив на его место Криса. Не думаю, что изначально от него ждали многого, но Рейдал как-то говорил мне, что из нашего друга выйдет толк.

Всё понятно, значит Леонтоля взяли пиара ради. Но, если мастера рассчитывали, что он будет безропотно выполнять роль приманки для новобранцев, явно просчитались.

— И как? Ты доволен такой жизнью?

Айолин взглянул на меня, и глаза его, обычно искрящиеся жизнью, будто разом растеряли краски и омертвели.

— Обычно мне удаётся убедить в этом остальных и даже самого себя.

— Но разве тебе действительно всё равно? — осторожно спросила я. — Совсем не важно, где быть, и что делать, лишь бы быть рядом с ней?

Он бросил на меня такой пустой взгляд, что я почти пожалела о вопросе. Иногда мне казалось, что Айолин тяжело болен, и дело вовсе не в его разрушающемся теле, хотя, не скрою, чернеющая рука до сих пор стояла у меня перед глазами. Но заговаривать о маячившей впереди смерти гомункула я не решалась. Будто пока мы молчим, можно притвориться, что всё в порядке.

К тому же я не знала, имею ли право беречь ему душу, коль скоро мне предстояло исчезнуть из ордена. Если моя личность раскроется... без сомнения он вспомнит каждую минуту своей откровенности и возненавидит меня во сто крат сильнее.

И всё же от короткого «Да», вылетевшего из уст мужчины, мне стало грустно.

Жизнь никогда не будет полной, если весь её смысл в одном человеке.

Тайник обнаружил Айолин.

На самом деле удивительно, что я сама не догадалась первым делом проверить ворох веток, на которых спал монстр. Под ветками находился небольшой квадратный камень, ухидивший судя по всему глубоко в землю.

— Есть небольшой магический фон. Скорее всего, чтобы активировать его, нужно провести определённый ритуал. Едва ли мы сможем что-то сделать пока не придут маги.

— Дай мне посмотреть, — камень казался просто камнем, никакого волшебства я разумеется не чувствовала, но пальцы почти зудели от желания прикоснуться к шершавой поверхности. Я стянула перчатку с руки, отчего-то мне это показалось важным.

Странно, но наощупь камень был почти горячим, будто и не был закопан в сырую землю.

— Отойди! — Айолин схватил меня за плечо и отдернул с такой силой, что я упала бы, не придержи он вовремя. Гомункул напряжённо смотрел на четырёхугольник, но я не замечала ничего необычного, пока со стороны одной из стен не послышался звук осыпающегося песка.

На её поверхности проступил образ двери, будто бы нарисованный тонким ивовым прутиком на мокром песке. С каждой секундой он становился всё более реальным. Песчинки обернулись массивным деревом. Нарисованная ручка объёмной металлической. Дохнуло холодом, будто по ту сторону находился глубокий каменный подвал.

— Как тебе это удалось? — у меня не было ответа на этот вопрос. Раз Умбра и Ард заключили сделку, колдун должен был придумать, как открыть путь посланнику бога, пришедшему за половиной артефакта.

В шутку я предположила:

— Быть может, Умбра ждал в гости только симпатичных молодых девушек?

— Не так уж ты далека от правды, — усмехнулся мужчина. — Юные девушки-иномирнянки его интересовали куда больше положенного.

— О чём это ты?

Я сделала вид, что не поняла более чем прозрачный намёк гомункула на моё происхождение. Айолин очевидно имел в виду не только это.

— А ты не задумалась, как так вышло, что студентке академии магии пришлось сражаться с сильнейшим тёмным магом? Не сами же мы его искали в конце концов...

— О? Так он, как и все, не устоял перед обаянием Лидии и пришёл знакомиться с ней? — саркастично заметила я.

— Ещё немного и я решу, что ты завидуешь ей, — по лицу моего спутника скользнула натянутая улыбка.

— А я завидую, — ничуть не смутившись я отозвалась. — Обидно, когда кто-то получает всё то, от чего не отказался бы и ты сам.

— Да, будущий король в мужьях — это аппетитный кусочек.

— По мне статус Джарела скорее недостаток, чем преимущество, — возразила я. — Быть принцессой, а потом ещё и королевой — наверняка суший геморрой. Ненормированный рабочий день, который тебе придётся проводить, проверяя не разворовали ли ответственные лица бюджет, выделенный на содержание дворца.

Гомункул поднял руки вверх, показывая, что сдаётся, но меня уже понесло дальше:

— Ещё нужно улыбаться благородным мерзавцам просто потому, что у них достаточно власти среди дворян и их поддержка нужна мужу. А в перерывах между всем этим рожать без остановки. Сначала пару-тройку сыновей, чтобы наверняка не оставить престол без наследника, затем пачку дочерей, чтобы поудачнее выдать замуж и укрепить нужные связи. И мириться с изменами мужа, который замученный ещё более плотным графиком, предпочтёт проводить ночи со стройными молодыми красотками, а не с подурневшей и смертельно уставшей после десятых родов женой.

Айолин усмехнулся:

— Тебе кто-нибудь говорил, что в тебе нет ни капли романтики?

— Ошибаешься, — я назидательно погрозила ему пальцем. — Я самый что ни на есть настоящий романтик. Должно быть, Лидия действительно любит Джарела, раз согласна на такой расклад.

Либо просто чокнутая и амбициозная трудоголичка. Последнюю мысль я разумно озвучивать не стала.

— Что будем делать? — неожиданно спросил меня гомункул. — Не очень хочется уступать другим, раз уж мы первыми нашли убежище. Когда появятся маги, нас не пустят внутрь.

По его губам скользнула мимолётная улыбка, а взгляд обратился к массивной двери. Казалось, Айолину было, и впрямь, любопытно, какие секреты скрывал Умбра.

Вот только мне не нужно предостережение, чтобы понять — спутник проверяет меня.

Хотелось осыпать голову Арда проклятьями.

Любой заподозрит подвох, если его подопечный сначала будет азартно спорить на то, что именно вам предстоит обнаружить убежище злого колдуна. А затем, слегка прикоснувшись к камню, который ты до этого обследовал вдоль и поперёк, обнаружит тайную дверь.

Даже идиот поймёт — дело нечисто.

Не то, что проникательный гомункул.

Не то, что мастера ордена, которые непременно узнают о сегодняшних событиях из отчёта Айолина...

И, если за время, проведённое среди рыцарей, подозрения на мой счёт поутихли, они непременно вернуться вновь. Ведь мастеру Аштеру достаточно единожды поговорить со мной, чтобы понять, где я лгу, а где нет.

В такой ситуации пробраться в архив за второй половиной сферы будет невозможно. Повезёт, если меня не выкинут на улицу сразу же. Или не потащат в пыточные казематы, решив, что я приспешница Умбры.

Знай я заранее, что дверь найдётся так просто, постаралась бы обыграть её открытие по-другому. Но Ард и словом не обмолвился об этом, а сама я не спросила, сбитая с толку обилием новой информации. Хотя, честно сказать, до последнего надеялась, что алтарь появится передо мной вновь, и бог даст более точные инструкции.

Мечтать не вредно. Ард помогал по-своему, при этом непременно делая что-нибудь во вред. Я начинала понимать, насколько наивно полагать, что сумею получить от него плату без подвоха. С другой стороны, выхода у меня всё равно нет.

— Ты думаешь это хорошая идея? Наверняка камень — лишь первая линия обороны Умбры, — я старалась, чтобы мой голос звучал спокойно. — Было бы глупо умереть по неосторожности.

Гомункул обернулся и мимолётно мне улыбнулся, понимая, что я догадалась о его подозрениях. Мгновение мы смотрели друг на друга, отчасти наслаждаясь ситуацией из разряда «я знаю, что он знает, он знает, что я знаю». Ей богу, Штирлиц и Мюллер во время психологической дуэли! Затем он отвернулся и чуть изменившимся голосом продолжил:

— И всё-таки проверим... Не думал, что такая возможность появится, глупо её упускать.

Теперь сомнения появились уже у меня. Не просто так гомункул интересуется логовом Умбры. Я подошла ближе и посмотрела на совершенно непримечательную дверь.

— Ты хочешь найти что-то конкретное?

— Да. Воду из источника.

— Что это?

Он посмотрел на меня чуть лукаво и пленительно улыбнулся. С его стороны было чертовски нечестно дарить подобные улыбки — чувственные, полные невысказанного обещания, которого... нет. Впрочем, я знала, что мужчина делает это неосознанно. В минуты, когда особенно доволен собой или собеседником.

— Ольга, представить не могу, почему тебя не поймали на горячем до сих пор.

Я посмотрела чуточку раздражённо на чрезмерно довольное лицо. Гомункул азартно выискивал всё новые и новые промахи в моём поведении, но разоблачать меня будто и не пытался. Собирал их, словно коллекционер, и чах над ними в одиночку. Откуда у Айолина такая слабость к иномирянам, мне понятно, но заменителем Лидии быть не хотелось.

— Что не так? — резче, чем хотелось, уточнила я.

— Источник, который нашёл Умбра, давно уже стал легендой.

В Орме изредка случаются вещи, диковинные даже по здешним меркам. Это происходит потому, что некоторые живые и неживые объекты магия переполняет сильнее, чем другие. И в подходящих условиях накопленная энергия может позволить привычному предмету или существу стать чем-то новым.

Например, камень, который волшебник долго носил с собой, может внезапно ожить и заговорить человеческим голосом. Или дом, в стенах которого произошло жестокое убийство, начнёт вытягивать жизнь из своих жильцов.

С волшебным источником, доступ к которому получил Умбра, когда-то произошло нечто похожее. Из-за этого энергия, скрытая в нём, пробудилась и придала воде способность разрушать любые чары. Омой в нём артефакт, он потеряет силу. Окуни в него проклятого человека, злая магия исчезнет. Добрая, впрочем, тоже, потому что вода в источнике разрушает магические связи без разбора. Единственное, за что не приходится волноваться — это изначальный магический дар и талант человека.

Впервые вода из таинственного источника появилась во время войны с Умброй. Последователи Квелты долго не могли понять, как колдуну удаётся разрушить даже самые хитрые магические ловушки, пока однажды к ним в руки не попали склянки с остатками воды. Попытки пленных тёмных колдунов подтвердили догадки. Вот только никто, кроме Умбры не знал, где именно спрятан источник.

Все эти подробности знает даже простой люд. Потому что король решил сделать ставку на жадность своих подданных и объявил за достоверную информацию о местонахождении магической диковинки неслыханную награду. Десять тысяч золотых и кошель драгоценных камней. Это очень-очень много даже для дворян, не говоря уже о простолюдинах.

Конечно, всё ещё существует вероятность, что кто-нибудь захочет использовать воду в своих целях и наплюёт на королевскую награду. Но реализовать задуманное ему будет очень сложно, ведь придётся действовать одному. Каждый новый привлечённый человек увеличит риск разоблачения во стократ.

— Зачем тебе эта вода? — взгляд мой скользнул по руке, спрятанной под курткой. — Она может исцелить тебя?

Я сильно в этом сомневалась. Всё же тело гомункула разрушалось изнутри. Более того, раз Айолин был магически созданным существом, подобная водица могла и вовсе убить его... В ответ на мои мысли мужчина непонимающе посмотрел на свой рукав, будто бы не сразу понял, что я имею в виду. Затем едва заметно улыбнулся.

— Возможно. Но я имел в виду не совсем это, — рука его коснулась дверной ручки. Я почти ожидала, что его ударит защитной магией или произойдёт что-нибудь ещё, но створка

легко отворилась. В приглушённом свете едва виднелся тёмный проход, выложенный досками. — Оставим дверь открытой, чтобы свежий воздух проник внутрь.

По отстранённому лицу Айолина я поняла, что говорить о воде он больше не хочет. Но мои мысли уже устремились дальше.

Даже единственная склянка воды могла бы помочь провернуть многое. Я и сама не отказалась бы от бутылка с волшебной жидкостью. Она пригодилась бы при проникновении в архив.

Но что нужно гомункулу? Будь это не Айолин, я решила бы, что он хочет разорвать связь со своим создателем. Но, мне казалось, что мужчина жаждал принадлежать Лидии хотя бы таким способом.

Прямо-таки собачья преданность, которая никак не вязалась у меня с характером спутника. Я сознательно избегала всех острых моментов, связанных с соперницей Генерис. Мне не нравился тот Айолин, который появлялся на месте знакомого, стоило речи зайти о Лидии. Привычная рассудительность, лёгкость характера и верность одному ему ведомым принципам куда-то исчезали. Та всепоглощающая тоска, что таилась во взгляде мужчины, не могла зародиться внутри душевно здорового человека. Гомункулу была нужна помощь, вот только он об этом едва ли не догадывался.

Мы выждали с час прежде чем зайти внутрь. Айолин шёл впереди, освещая заброшенный подземный дом с помощью кристалла. Логово оказалось не особенно просторным, всего-то три комнаты — спальня, совмещённая с кабинетом, зал, в котором, видимо, находилась лаборатория и что-то, вроде кладовой.

К нашему разочарованию, ничего ценного на первый взгляд в землянке не нашлось. Я не представляла, как здесь можно было жить. Стены выложены досками, частично отсыревшими и покрытыми плесенью. Грубо сколоченная кровать застелена старым, потемневшим от времени и влаги бельём. Под потолком обнаружались отверстия вентиляционных шахт, но ничего похожего на них на поверхности мы не видели. То ли их засыпало песком, то ли колдун как-то хитро спрятал ходы.

— Возможно, магия поддерживала это место, а после смерти колдуна чары рассеялись, — предположил мужчина в ответ на мой вопрос.

— Не знаю. Умбра ведь погиб почти четыре года назад? — я попыталась прикинуть примерные сроки его сражения с Лидией. — Всё выглядит так, будто здесь никто не появлялся гораздо дольше.

— Давай внимательно всё осмотрим, — вздохнул гомункул, очевидно смилившийся с тем, что вожаком воды ему не видать. — Пойду в лабораторию, а ты проверь остальное.

Из поясной сумки я достала свой кристалл, засветившийся тут же неярким светом. Подобные входили в базовое снаряжение новобранцев. Им, конечно, далеко до фонариков, но всё лучше, чем ничего.

Поиски я начала с кладовой, она находилась ближе всего, за покосившейся дверью. В небольшой комнатке горами был сложен всякий хлам — старые ящики, разбитые колбы, керамические горшки и прочая ветошь.

Вскоре, однако, безобидные находки закончились. Среди вороха тряпок мне попала пара причудливых ножей, испещрённых странными символами. Трогать их я благоразумно не стала, хотя и не чувствовала никакой угрозы.

Куда больше ритуального оружия меня напугала простая детская одежда. Она была

свалена в углу небрежной кучей. Рубашки и штаны на детей разных возрастов. Нашлась даже пара маленьких полусапожек с оторванной подошвой. Всё это было настолько ветхим и сильно изношенным, что просто разваливалось в руках.

Ком встал в горле, от душного ужаса, охватившего меня. Я представила, как жертвы колдуна умирали здесь, под землёй, и в который раз спрашивала себя, кого я собираюсь вернуть к жизни...

Внутренний подзатыльник заставил меня вернуться к реальности. Чутьё подсказывало мне, что я что-то упускаю. Что-то, что может быть важно в будущем.

Я ещё раз внимательно оглядела свои находки. Одежда оказалась странной, сшитой из клочков разной ткани. Некоторые лоскуты были толще, и потому неплохо сохранились и до сегодняшнего дня. Иные совсем сгнили и расходились под пальцами. Создавалось ощущение, что кто-то раз за разом перешивал старую одежду, мастера из неё новую.

Умбра шил одежду для какого-то ребёнка?

В это верилось с трудом. Версия с жертвоприношениями детей казалась более правдоподобной, если вспомнить, что я слышала о колдуне. К тому же тёмный маг был на редкость скрытным типом. Сомневаюсь, что он привёл бы сюда кого-нибудь добровольно.

Не найдя разгадки увиденному, я пошла искать сферу дальше. В комнате тёмного мага, на прикроватной тумбе стояли совсем неуместные для убежища вещи — потрёпанная кукла, набитая соломой, и криво вырезанная из дерева лошадка.

Неужели у Умбры всё-таки были дети?

Краем глаза я заметила Айолина, входящего в комнату.

— Сколько ему было, когда вы его победили?

Айолин замер у меня за спиной и заглянул через плечо.

— Едва ли это вещи его детей, если ты об этом. Умбра выглядел молодо, больше двадцати пяти я бы ему не дал. И поступал тоже... довольно опрометчиво, как свойственно больше молодым и самоуверенным.

— И от кого я это слышу? — я невольно возмутилась. — От четырёхлетнего старикана?

Гомункул взял со стола ветхую куклу, в больших мужских руках она казалась крошечной.

— Но очевидно, что эта вещь была ему дорога, — что-то уловив в моём взгляде, гомункул нахмурился. — Ты жалеешь его? Не стоит. Он натворил достаточно, чтобы заслужить десяток-другой смертных казней.

Я промолчала. Никогда не была склонна идеализировать или оправдывать плохих парней. Но зло не берётся из ниоткуда и не уходит в никуда. Чтобы понять это, достаточно пролистать биографию любого преступника. Физическое, психологическое насилие или просто безразличие со стороны близких людей. Моим соотечественникам не нужна никакая тёмная магия, чтобы кануть в пучину, из которой нет возврата. Сломленные люди, отравленные ядом таких же сломленных людей, как они. Замкнутый круг, которому нет конца.

— Нашла что-нибудь интересное?

— Только пару кинжалов. Они там, в кладовой.

Гомункул что-то пробормотал себе под нос и пошёл посмотреть мою находку, а я бросилась к письменному столу, стоящему тут же в комнате. Мой спутник заглянул в ящики ещё при нашем первом беглом осмотре, но не заметил ничего для себя интересного. И всё же меня буквально подталкивало к покосившемуся столу.

Ящик открылся с трудом. Среди пыли, старых перьев, ножа для бумаги и нескольких медных монет лежала ничем непримечательная чернильница. Совсем простая, стеклянная. В ней не было ничего особенного, кроме молочно-белой полусферы, что украшала крышку пузырька.

Я прикоснулась пальцами к гладкому камню, и тот упал ко мне в ладонь практически без усилий.

Нам пришлось перенести стоянку к убежищу Умбры. Теперь, когда волшебство, скрывающее дверь, рассеялось, в него мог проникнуть любой желающий. И хотя ничего ценного мы не обнаружили, бросить его без присмотра не могли.

Половинку сферы я запрятала в заплечный мешок, надеясь, что Ард знал своё дело, и разделённый артефакт не почувствует не только Айолин, но и прибывшие маги и ордены. Побороть желание ежечасно проверять, на месте ли неприметный с виду камень, было очень сложно, но я держала себя в руках.

Когда мы закончили с переездом и начали готовиться к новой тяжёлой ночи, Айолин подозвал меня и серьёзно заметил:

— Маги придут завтра-послезавтра. Хотел, чтобы ты ничего не перепутала.

Я вопросительно вскинула бровь. А он невозмутимо скользнул пальцами по белоснежной пряди, выбившейся из моей косы. Глаза мужчины, начинающие понемногу светиться в сумерках, казались сосредоточенными. Я успела заметить сухой лист, выуженный из моих волос и зажатый теперь меж его пальцев.

— Это я нашёл и открыл дверь в убежище Умбры. Ты не видела, как я это сделал, потому что осматривала противоположную стену.

— Хочешь забрать все лавры себе? — хотя я старалась, чтобы мой голос звучал насмешливо, вышло плохо. Мой спутник лишь едва заметно улыбнулся и протянул мне хрупкий лист, распадающийся на сухое крошево от его хватки.

Скверное тёмное чувство заполнило грудь. Оно хлынуло в меня будто вода в кувшин, ещё чуть-чуть и вплеснется наружу. Мне не хотелось предавать. Пользоваться шансом, что гомункул даёт.

Неужели он совсем не допускал мысли, что я могу навредить? Что не просто так под моей рукой волшебный камень открыл путь к убежищу колдуна.

— Не слишком ли ты мне доверяешь? — наконец, выдавила я. — Я знаю, как всё это выглядит со стороны. На твоём месте я бы уже давно устроила допрос с пристрастием.

— Как хорошо, что ты не на моём месте. Всегда подозревал, что ты кровожадная, — отмахнулся гомункул, будто, не замечая вовсе моего напряжения. — А теперь заканчивай сверлить меня взглядом, нас ждёт тяжёлая ночь.

Маги прибыли ближе к вечеру. Их было трое — двое мужчин и молодая девушка.

Принадлежность к магической элите была предметом гордости и наделяла волшебником немалой властью. Поэтому большинство из них по негласному обычаю носили серо-бордовую одежду в цветах герба академии магов. Так они подчёркивали свой статус и предупреждали обычных смертных, что связываться с ними — себе дороже.

По высокомерным лицам приближающихся к нам путников, я поняла, что едва ли мне понравится общение с ними. Если, конечно, они вообще соизволят заметить нас... гомункула и какого-то там новобранца бедного ордена.

Опасения мои не оправдались.

Девушка на мгновение откровенно уставилась на Айолина. Затем, спохватившись отвела взгляд, но яркий румянец, заливший её щёки, недвусмысленно намекнул, какое впечатление

орденец произвёл на неё.

— Приветствую вас, миледи, — неожиданно учтиво обратился ко мне светловолосый маг, возглавляющий отряд. — Мы получили ваш сигнал, но нам понадобилось время, чтобы понять, куда вы сместили стоянку.

Я искоса взглянула на гомункула, стоящего в стороне с непроницаемым выражением лица. Формально командиром нашего отряда был он, но магам даже в голову не пришло, что такое в принципе возможно. А Айолин, похоже, не собирался их разубеждать...

Мне не так уж часто приходилось наблюдать, как гомункул взаимодействует с кем-нибудь вне ордена, но отчего-то я знала, что ему не слишком нравится прорываться через ворох предубеждений собеседников. А маги в каком-то смысле были его естественными врагами. Ведь именно они создавали волшебных созданий для безропотного служения.

И сейчас волшебники старались не замечать Айолина, хотя наверняка знали, кто он. Если уж обычные одарённые были в курсе состава свиты Лидии, то что говорить о магах.

Однако не важно, что гомункул был феноменом в своём роде, помог победить Умбру и получил указ о признании его полноправным гражданином государства. Никто не знал тонкостей взаимоотношений Лидии и её гомункулов, поэтому присоединение Айолина к ордену было воспринято народом по-своему. Безупречная благодетельница пожертвовала Айолина Ордену пятерых, словно поношенную одежду приюту бездомных.

Не знаю, видели ли они, что я бездарок, но в их глазах новобранец был всё же выше любого самого распрекрасного гомункула, который воспринимался не более как чужое имущество.

— Прошу прощения, мы опасались оставить логово колдуна без присмотра после того, как магическая защита пала.

Он кратко расспросил меня о том, что произошло, и я постаралась по возможности ответить честно. За исключением мест, связанных с непосредственным нахождением двери. Очевидно маги не обратили внимание на то, что в некоторых частях моего рассказа было много подробностей, а другие я отметила лишь вскользь. Слишком уж торопились сами забраться в убежище Умбры.

Я проводила взглядом троицу, что быстро скинула поклажу и направилась к оврагу осматривать нашу находку, а затем обернулась к молчаливому Айолину:

— А он довольно любезный для мага, — меня приятно удивило, что предводитель внимательно выслушал меня и поблагодарил за помощь. Может быть, я ничем не лучше здешних тёмных крестьян, раз так уж была предубеждена против магов на пустом месте.

— Иногда ты ведёшь себя так, будто прибываешь в счастливом неведении, — гомункул растянулся на своём лежаке и уставился солнце, клонившееся к закату. Я предупредила магов о нападении странной нежити, и они пообещали вовремя вернуться в круг, чтобы помочь нам с защитой стоянки.

— О чём это ты? — не до конца поняла я слишком уж туманный намёк.

Он насмешливо скользнул по мне взглядом.

— Вот об этом. Ты всегда ведёшь себя так, будто забываешь, какое впечатление производишь на мужчин.

Я почему-то окинула взглядом свои бледные ладони, огрубевшие за время тренировок и похода. Это были не те руки, что дала мне природа родного мира, но уже и не руки Генерис.

Её изящные пальцы, что никогда не знали тяжёлой работы, стали сильнее. Более ловкими и цепкими, с мозолями на подушечках и короткими некрасивыми ногтями. Пожми

я такую руку с закрытыми глазами, могла бы принять и за мужскую, если бы не небольшой размер кистей.

Подобные изменения произошли со всем телом Генерис.

Не сомневаюсь, что при жизни она умело пользовалась всеми достоинствами внешности. Легко представить, как она кружится на балу в роскошном платье из вороха юбок и кружев. Грациозно скользит по паркету, будто плывёт, и мужчины, даже знающие о её скверном характере, невольно провожают женщину взглядами.

Вот только в этом великолепном теле оказалась всего лишь я. Не любящая лишнее внимание, с кучей глубоко зарытых комплексов и с жизнью в самом заурядном теле за плечами. Я не знала, что делать с внезапно обрушившейся на меня красотой, и, честно говоря, чаще всего вовсе забывала, как выгляжу. Где-то внутри представляя себя всё той же серой мышкой из прошлого.

— Пожалуй, ты прав, — только и смогла признать я.

Этой ночью я впервые увидела боевую магию в действии. И свитки с огненными заклинаниями показались мне цветочками.

На поиски убежища Умбры отправили в основном магов света и некоторых других направленностей, полезных в подобной экспедиции. Предводитель волшебников оказался именно последователем Квелты. Он поражал монстров в масках, нападающих на нас, одного за другим. И в перерывах между геноцидом тeneвых тварей успевал читать мне лекции.

— У вас было мало шансов против них. Умбра, по-видимому, создал их именно для борьбы с рыцарями ордена и другими воинами. Они очень быстры и у них отменная физическая защита, но почти нет устойчивости к магии.

Похоже, Айолин был прав в своих предположениях на счёт колдуна и того, что он положил на меня глаз. Маг часто искал меня взглядом, рассказывал что-то и объяснял, найдя благодарные уши, которые по приятному стечению обстоятельств венчали симпатичную женскую голову...

В этот раз я была не против внимания. Волшебник мог ответить на такие вопросы, на какие не мог тот же гомункул.

Оставалось лишь надеяться, что мой интерес к магии мужчина не примет за интерес лично к нему.

Как оказалось, не я одна опасалась слишком уж сблизиться с магом. На другой день, когда мужчины-волшебники вернулись в логово, а Айолин был занят заготовкой дров неподалёку, ко мне подседа девушка и смущённо заговорила.

— Скажите... Мы всё равно застрянем здесь ещё, как минимум, на неделю...

Я недоумённо смотрела на неё, не понимая к чему волшебница пытается подвести разговор. Та же, отчаянно краснея и даже слегка заикаясь, с трудом давила из себя слова.

— Может быть, вы дадите добро гомункулу на сближение? Чтобы скрасить время?

— Да? — протянула я и прожгла взглядом мужчину, занятого сбором дров. У Айолина был какой-то уж слишком сосредоточенный на этом обыденном деле вид. К тому же даже отсюда я видела, как подрагивают уголки его губ, поэтому догадалась, что орденец прекрасно слышит наш разговор своим «эльфийским» слухом и забавляется ситуацией.

— Это он так вам сказал?

— Когда я обратилась к нему, он ответил, что может действовать лишь в рамках инструкций и за расширением... возможностей, нужно обратиться к контролирующему

лицу.

Я улыбнулась чуточку сочувственно девушке, но больно уж хотелось насолить подслушивающему гомункулу.

— К сожалению, его создатель не предусмотрел такой функции, — я говорила больше наугад. Понятия не имею, как работает механизм сотворения искусственных созданий. Но, если можно наделить гомункула определёнными свойствами, то некоторыми, скорее всего, можно сознательно и не наделять. — Он, безусловно, хорош внешне, но на реальные... дела, помогающие... скрасить время, не способен. Вот если вам понадобится тюки носить, дров наколоть или ещё что-нибудь в этом роде, обращайтесь.

Мне с трудом удалось не рассмеяться при взгляде на разочарованное лицо девушки, которая теперь не знала, куда прятать глаза.

Ещё бы. С трудом набралась смелости, чтобы хозяйка гомункула дала разрешение на ночь с ним. И всё зря. В том, что я говорю правду, она похоже не сомневалась. В конце концов, я ни разу при ней не воспользовалась «услугами» темноволосого обольстителя. Значит, он действительно бесполезен.

Разочаровавшись в достижениях современной алхимии, девушка покинула стоянку и отправилась к своим коллегам. Только после этого Айолин решил подойти ко мне.

Я ожидала, что он будет возмущён моей ребяческой выходкой, но он, как обычно, лишь чуть улыбнулся.

— Ты понимаешь, что сотворила с моей мужской гордостью?

— Неужели её так легко сломить?

— Я счёл бы, что ты меня провоцируешь, если бы хорошо не знал тебя.

Тут уже я не могла не улыбнуться:

— Ты, и правда, думаешь, что знаешь? Мы не так уж долго знакомы. А за исключением этой вылазки и вовсе почти не общались.

— Зато теперь провели вместе столько времени, сколько я проводил мало с кем, — признал мужчина, опустившись рядом со мной на ствол старого поваленного дерева.

— Мне будет этого немного не хватать, — я не смотрела на гомункула, заглядывающего мне в лицо. Взор мой был направлен вверх, в оранжевое с голубым отливом небо. Разумеется, я имела в виду не только наше возвращение, после которого каждый займётся своими привычными делами.

Времени до моего ухода оставалось мало. Совсем мало. И мне было до слёз жаль оставлять всё позади.

— Мне тоже, — негромкие слова были ответом сразу на всё.

Обратно в обитель мы вернулись лишь в середине лета.

Не знаю, нашли ли маги что-нибудь ценное в логове, но мы с Айолином, дождавшись остальных орденцев, отправились на зачистку местности.

Я не считала, скольких тварей мне пришлось убить. Быстро сбилась со счёта, и вереница клыкастых морд слилась в одну гротескную массу. Клинок стал тяжёлым, но привычным продолжением правой руки. Проведя день за расправой над мелкой нежитью, вечером со вложенным мечом в ножнах я ощущала себя почти неполноценной.

Мы мало разговаривали. Даже с Айолином, с которым привыкли переговариваться за время, проведённое вместе. Мне казалось, что этот лес настолько измотал нас, что сил бороться с ним уже не было.

Хотелось домой.

Или хотя бы в свою комнату в старой обители.

К счастью, перед нами не было задачи очистить территорию полностью. Это не было под силу, наверное, никому. Потому что монстры будут существовать до тех пор, пока есть Тьма, и всё что с ней связано.

Но рыцари и новобранцы были обязаны разделаться с самыми высокоразвитыми тварями и проредить популяцию остальных, чтобы те не добрались до населённых пунктов. И по крайней мере на некоторое время жители Стейнхорма были в безопасности.

Убедившись, что дело сделано, командиры повернули отряды к деревне, в которую должны были прийти Григ, Мелла и Хорс. Троицу, однако мы там не застали. Старейшина сообщил, что их давно сопровождал какой-то рыцарь до ближайшего города. Радовало одно, когда новобранцы уезжали, Хорс чувствовал себя значительно лучше.

Унылые постройки обители, утонувшие в летней зелени, показались перед нами лишь через несколько дней пути. Хотелось разрыдаться от усталости и желания отдохнуть не столько даже физически, сколько морально.

— Ничего, — утешил меня Крис, заметив моё состояние. — Теперь до осени и клятвы будет не так много дел. Только обычные дежурства и тренировка нашей группы.

Сил, чтобы радоваться этой новости у меня уже не было. Я бросила короткий взгляд на гомункула, о чём-то тихо переговаривающегося с наставницей Тамирой, и побрела в сторону главного здания.

Несколько дней я жила как в тумане. Почти всё свободное время спала или просто лежала на кровати и смотрела в потолок. Накопившаяся усталость выбила меня из колеи, и сил на новые библиотечные исследования не осталось.

Но, надо признать, полевой выезд помог мне узнать столько о мире, сколько не смог бы ни один самый подробный справочник. А умение выживания в дикой природе, и вовсе, неопределимо.

Улучшилась и моя боевая подготовка. Крис был доволен, да я и сама чувствовала, что выносливость возросла, появилась внутренняя собранность и уверенность. Наверное, этим отличается зелёный новобранец, не нюхавший пороха и крови, от того, кто умудрился остаться в живых после первых сражений.

А мне каким-то образом действительно невероятно везло. Если не считать стычки с

райхиром и полученных в бою с ним царапин от когтей, мне каким-то невообразимым образом удавалось увернуться даже от самых внезапных атак. Наставники только диву давались.

С Айолином я виделась лишь однажды. Он поймал меня в коридоре, заставил протянуть руку и с лёгкой улыбкой положил на ладонь пару серебряных монет. Пока я, позабыв про спор, со скрипом соображала, что это за деньги, гомункул скрылся за поворотом.

Позже от Криса я узнала, что наш общий друг уехал из обители по делам и ждать его ещё не скоро. В лучшем случае к осени.

Появилось неприятное ощущение, что, возможно, мы виделись в последний раз. Но волшебное чутьё молчало.

Появление денег и полусфера, спрятанная в кожаном мешочке на груди, напомнили мне о том, что пора бы наведаться в город. Запастись кое-какими мелочами в дорогу и заглянуть в главную обитель, чтобы понять свои перспективы...

Дождавшись первого более или менее свободного дня, я отправилась в столицу. Пешком идти до города было далеко, но я надеялась встретить по пути торговый обоз или просто путника с телегой, спешащего в Дэс по своим делам.

Так и вышло. Подвезти оставшиеся до города километры меня согласились охотно. Хоть какой-то прок от нашивки с пятью мечами на форме новобранца. Пусть в кармане гуляет ветер, но простой народ рыцарей любит. Конечно, до тех пор, пока они исправно несут свою службу.

Сам Дэс в этот раз встретил меня значительно приветливее. От снежной слякоти и холода, врезавшегося мне в память, не осталось и следа. И в окружающей реальности мне виделся теперь не несправедливый враждебный мир, а просто... мир. Не лишённый своего смысла и очарования.

Дэс почти сплошь застроен невысокими, самое большое, двухэтажными домами из рыжего кирпича. Исключение, разве что, верхний район города, академия да королевский замок.

Простой же народ предпочитает селиться ближе к земле, в уютных жилищах под тёмно-зелёными или синими крышами. При этом архитектура в столице какая-то на редкость непрактичная с точки зрения экономии пространства.

Местные любят цилиндрические и округлые формы, поэтому многие дома отдалённо напоминают то ли приземистые башни под крышами-конусами, то ли пузатые кубышки. Некоторые домики кажутся очень маленькими, но я уже знаю, что даже у самого скромного на вид здания есть более просторный подземный этаж.

Почти вокруг каждого дома есть небольшая зелёная зона. У кого-то просто грубо сколоченные деревянные кадки с цветами, у кого-то целые сады.

Обитель Ордена пятерых находилась во внешнем кольце города, которое считалось жилым. В нём стояли дома людей с достатком ниже среднего, а некоторые места района и вовсе навевали мысли о трущобах. Горожане побогаче, мастеровые и купцы селились ближе к центру, там же находились их лавочки и главная площадь. Аристократия обосновалась в верхнем городе, там же находилась академия, замок и некоторые другие важные объекты.

Сначала я решила наведаться в торговый район и посмотреть на цены. Подозреваю, покупать пожитки в столице — не самая лучшая идея, но выбора у меня всё равно нет.

Прежде всего, я надеялась купить в городе кинжал, который пригодился бы в пути. Украсть в ордене оружие я не смогла бы при всём желании. Одно дело умыкнуть немного

еды и старое одеяло — едва ли, даже если пропачка обнаружится, ордены сообщат обо мне страже. А вот, если я заберу с собой оружие, это уже серьёзное преступление. Мне не хотелось, чтобы обо мне думали слишком уж плохо.

С другой стороны, смешно трястись по этому поводу, если учесть, кого я собираюсь вернуть к жизни...

Внезапно рядом со мной остановился экипаж, запряжённый лошадьми. Окно кареты беззвучно отворилось, и в полумраке я разглядела надменный профиль неизвестного мне мужчины. Он окинул меня взглядом, на долю секунды задержав внимание на знаках отличия ордена.

Светлые брови чуть приподнялись в удивлении, но в следующий миг он уже поднял свои холодные голубые глаза на меня.

— Всегда подозревал, что ты не блещешь умом, но теперь уверился, что это действительно так. На твоём месте я бы убрался из Дэса подобру-поздорову и не показывался здесь до конца своих жалких дней.

Я почти восхитилась умением незнакомца держать презрительную мину. Аристократ, что б его райхир разодрал.

Карета новая, дерево отпарировано до блеска, колёса едут без скрипа. Лошади, словно размноженные под копирку — абсолютно одинаковые внешне гнедые. Вышколенный возница молчит, смотрит вперёд и на заминку, кажется, вообще не обращает внимания.

Как вести себя с неизвестным я размышляла не более пары секунд, но так ничего и не придумав, возразила:

— А на твоём месте я бы не останавливалась ради разговоров с заурядной мной и катила бы дальше на все четыре стороны. У меня мало времени, в отличие от всяких сиятельных задниц.

Нарваться на трёпку я не слишком боялась. На счастье, Стейнхорм всё-таки лишь отдалённо напоминает архаическое общество Земли. Наша история знавала времена, когда простолюдина за преступление против аристократа или даже за простое оскорбление, могли убить без суда и следствия. Здесь это было дикостью — и аристократы, и маги, и крестьяне, и горожане, и даже бездарки формально перед законом равны. Поэтому ничего этот тип на виду у прохожих не сделает, если не захочет оказаться в застенках.

Я едва сдержала смех, заметив смятение на бледном лице, но мужчина почти сразу взял себя в руки. К его чести он не стал впускаться со мной в откровенную перебранку, лишь, растягивая слова произнёс:

— Столь мало времени, что ты так и не пришла на могилу своего любимого отца?

Лорд наслаждался каждым произнесённым словом. Ему хотелось ударить меня побольнее. Вот только, к стыду своему, я до сих пор не нашла времени узнать больше о семье Генерис и том, что произошло с Дерринами за время её заключения. Поэтому я абсолютно ничего не знала о своём почившем «отце». Даже его имени. И убедительную скорбь при всём желании изобразить не смогла бы.

— Мне жаль, что ты столько месяцев караулил у могилы зря. Может быть, загляну на следующей неделе. Не забудь заварить чай, — как можно любезнее произнесла я и пошла дальше по улице.

К сожалению, кучер тронул лошадей, чтобы карета держалась со мной вровень.

— Несколько месяцев и тебя, словно подменили. Помогло голодание? Знай я такой простой способ, всё не зашло бы так далеко.

Оставалось надеяться, что мужчина в карете не заметил, как напряглись мои плечи. Мне не хотелось притворяться Генерис, но в подобных ситуациях деваться было некуда. Не могла же я каждому встречному знакомому девушки доказывать, что иномирянка. Не известно, что хуже — если обсмеют или поверят.

Я не оборачивалась. Пусть разговаривает с моей спиной дальше, если хочет.

— Стоило попросить Джарела, чтобы в темнице тебя кормили похуже. Глядишь, не пришлось бы отрекаться.

В голосе аристократа, о личности которого я начала уже догадываться, сквозило притворное сожаление.

Как его там звали? Кажется, Кайл, но вот фамилии не помню... Вопреки моему убеждению перед глазами отчётливо появился пергамент, который принц сунул мне под нос в камере.

Кайл Брандфорд. Новый глава дома Дерринов.

— Слушай, — не выдержала я. — У тебя что, совсем нет друзей? Или настолько не уверен в себе, что только разговор с бездарком может поднять самооценку?

Не верила я, что этот Кайл, кем бы он ни был, хочет просто поболтать с родственницей, которую вышвырнул на улицу. А значит надо отделаться от него поскорее.

— Тогда давай сэкономим всем нам время, — с наслаждением произнесла я. — Я — простолюдинка и бездарок. Ты — великий и великолепный.

Ободряюще улыбнувшись недоумённо смотрящему на меня мужчине, я добавила.

— Надеюсь, это тебе поможет. Настроение улучшится и всякое такое.

Я подпустила в голос столько заискивания и елея, что даже у самого отъявленного зазнайки свело бы скулы от моей паршивой актёрской игры. Кайла передёрнуло, он захлопнул карету и, наконец, оставил меня одну.

Только после этого я позволила себе немного расслабиться.

Наверное, я допустила преступную оплошность, до сих пор не узнав о жизни Генерис побольше. В своё оправдание скажу, что решила исправить это ещё до встречи с Кайлом Брандфордом. Там, в лесу, когда Ард сообщил мне, что именно хозяйка моего нынешнего тела заварила всю кашу, и что принц с Лидией так просто её не оставят.

До этого мне казалось, что прошлая её жизнь не стоит во главе приоритетов. И без того ситуация складывалась скверная, куда ни глянь. Мне бы хватило одного только перемещения в иной мир, чтобы извиваться ужом на сковороде. Бог с ней, с адаптацией к новым реалиям, тем, что я потеряла всё, что мне дорого и знакомо... Одинокой девушке без средств к существованию и покровителей легко впутаться в неприятности, а тут ещё и неоднозначное отношение к иномирянам. Подозреваю, что многие точат зуб на Лидию и захотели бы воспользоваться мной, чтобы лучше понять, какие слабости есть у жены принца.

Второе — это служение Арду. У бога Тьмы выходило всё складно. Мол, всего-то нужно украсть часть артефакта, о котором в ордене даже не подозревают. Даже если проникновение в архив обнаружится, никто не поймёт, что было украдено что-то ценное.

Но это ерунда. Наверняка, талмуд Умбры борцы с нечестью изучили вдоль и поперёк, и исчезновение камня с обложки непременно заметят. И у них появятся вопросы... Стать врагом одной из самых уважаемых организаций в Стейнхорме — это очень-очень скверно. Впрочем, до этого надо ещё дожить. Собранная душа Умбры вполне могла уничтожить меня — некоторые призрачные сущности были на это способны.

Ну, и третье. Неизвестное мне наследие Генерис. Понятия не имею, сколько врагов она себе нажила, и кто ещё мог узнать меня на улицах Дэса, а то и других городов. Хорошо бы немного разобраться в том, что я упустила, чтобы понимать, к чему готовиться.

Но одно ясно точно.

Мне нужно убраться из Стейнхорма в какое-нибудь соседнее государство. Здесь шансы выжить невелики.

Поэтому мои планы на ближайшее время предельно просты — подготовиться к дороге, постараться убраться из города раньше, чем Джарел или Лидия что-нибудь предпримут. И выполнить задание Арда. От него я не смогу скрыться нигде в мире.

Иллюзии о том, что я смогу купить в городе кинжал, разбились вдребезги.

Все они стоили столько, что мне не хватило бы и на рукоять, и даже простые кухонные ножи обошлись бы мне в приличную сумму.

— Что? Дорого? — беззлобно рассмеялся помощник кузнеца, продающий нехитрые изделия из металла. — Попробуй подойти к старьёвщику, он обычно стоит у западного входа на площадь. Конечно, товары у него полнейший хлам, но вдруг повезёт.

Я вскинула голову в указанном направлении и улыбнулась, ощущая пульсацию волшебного чутья.

В отличие от большинства торговцев на площади, у старьёвщика не было своего прилавка. Рядом с ним стояла небольшая тележка на подпорках, сверху до низу заваленная всяким хламом.

Посуда, столовые приборы, подсвечники и ещё куча вещей, названия которым я и не

знала. С интересом оглядев кучу хлама, в котором, однако не нашлось ничего стоящего, я спросила:

— Уважаемый, это всё?

Сухонький дед погрозил мне пальцем:

— Чуйка есть, да? Только сейчас провернул выгодную сделку, но ещё не оценивал товар...

С этими словами старик согнулся в три погибели, открыл какой-то ящик и достал большой холщовый мешок. С трудом найдя на тележке пустое пространство, старьёвщик вывалил содержимое.

Первым моё внимание привлёк серебристый футляр, напоминающий портсигар. Симпатичная безделушка. Таковую у старика купят с удовольствием, но мне она без надобности.

Затем взгляд скользнул к затейливому браслету, за который тоже можно было выручить неплохие деньги.

Третьим предметом оказалась колода карт местной игры со странным названием «Растерзай», её правила я так до сих пор и не освоила.

Четвёртым и пятым предметом оказались ремень и старая рубаха. Вот, в общем-то, и всё.

Я не могла скрыть разочарования.

Ощувив толчок в спину от предчувствия, я ожидала найти у старьёвщика кинжал или хотя бы нож по сходной цене. Но тут...

Портсигар, браслет, колода, ремень и рубаха. Ничего из этого мне не было нужно.

Но дар не мог лгать. Ещё ни разу он не давал осечку, поэтому я, притворившись, что внимательно осматриваю каждую вещицу, прислушивалась к своим ощущениям, силясь понять на какую вещь мне стремилось указать чутьё.

К моему разочарованию я ощутила знакомый, едва уловимый звон, когда у меня в руках оказалась колода. Если магия таким образом предлагала мне заработать денег в азартных играх, то её предложение чуть запоздало.

Мне приходило уже это в голову. Вот только я не спешила мухлевать с помощью магического чутья. Во-первых, до недавнего времени у меня не было денег, чтобы сделать ставку. Во-вторых, мне казалось, что чутьём я владею пока недостаточно хорошо, а права на проигрыш у меня не было. В-третьих, это было попусту опасно. Азартные игры — излюбленный способ наживы для воротил преступного мира. Выигрывать у них за раз много денег — себе дороже, а медяки — замучаюсь играть, чтобы насобирать существенную сумму. К тому же рано или поздно я всё равно вызову подозрение...

Совсем откидывать эту возможность я не стала, но для начала нужно было купить основное на те два серебряных, что у меня были.

Уходила с площади я уже в приподнятом настроении.

Во внутреннем кармане куртки лежала старая колода. Я взяла её, хотя так и не разобралась, что чутьё хотело от меня, и почему она была важна. К счастью, старьёвщик многое за неё не просил — всего один медяк, да и то выглядел при этом так, будто его мучала совесть за такое надувательство.

Понять его было можно — карты старые, засаленные, обтрёпанные и с почти

истёршимися изображениями. Стиль рисунков на этой колоде был мне не знаком, но надписи всё те же самые, что и у других карт «Растерзай», которые мне доводилось видеть.

На привычные игральные карты из нашего мира моя покупка походила мало. Каждая карта в колоде уникальна и изображает какого-нибудь монстра, предмет или существо. Некоторые изображения — иллюстрации легенд и народных выдумок, некоторые запечатлели настоящую нечисть. Например, на одной из карт я заметила грока, монстра, что так потрепал Хорса во время нашего похода.

Чтобы сыграть с кем-нибудь в «Растерзай», нужно чтобы у каждого игрока была своя колода. А вот правила мне не очень известны, надо будет попросить Криса или Грига научить играть.

Помимо этой странной находки, я обзавелась неплохим охотничьим ножом, за который выложила целый серебряный и тёплым плащом.

На одежду я потратила все оставшиеся деньги. И то пришлось торговаться как проклятой, чтобы торговка-скряга продала чуть дешевле путь и достаточно тёплый для летних ночей, но всё-таки изрядно поношенный плащ.

Меня не покидало подозрение, что одежда была перешита из каких-то других вещей, во всяком случае капюшон плаща был зелёным, сам он коричневым и только нижний край полотнища из совсем непрактично оранжевой ткани. Легко представить, как эта цветная полоса в первые же часы пути превратится в грязное нечто.

Но, что важнее, одежда была тёплой и позволит хотя бы в первое время не замёрзнуть ночью в лесу.

Я свернула приметный плащ и сложила в заплечный мешок. Денег на то, чтобы попытаться удачу в азартных играх уже не осталось.

— Ну, что пойдёте отдавать долг? — неожиданно, сама не зная почему, я обратила внимание на двух мужчин стоящих неподалёку.

Один из торговцев разговаривал с высоким волшебником, одетым в тёмно-серый камзол с бордовой вышивкой по вороту. Маг в ответ на вопрос собеседника скривился.

— Не припомню, чтобы я вдруг что-то стал должен короне! Я сам поступил в академию, работал, чтобы оплатить комнату и еду. Сам оплачивал своё обучение у целителя Верриля, покупал все расходные материалы и ингредиенты... И вот теперь, оказалось, что я должен отдать какой-то долг государству! И сколько?! Два года работать в городской лечебнице за спасибо!

Сердце застучало быстро-быстро, голова загудела от настолько плохого предчувствия, что даже предупреждение о встрече с Ардом померкло перед ним. Впервые мне стало физически плохо, перед глазами потемнело, и я осела бы на мостовую, если кто-то не кинулся ко мне.

— С вами всё в порядке? — с трудом я сфокусировала взгляд на карих глазах целителя-мага, чей разговор с торговцем подслушала. Его спутник был тут же, подал мне фляжку с водой, из которой я с трудом сделала глоток воды.

— Да, всё в порядке, — наконец, смогла я выдавить, хотя сердце всё ещё мчалось вскачь.

Должно произойти что-то плохое.

Настолько плохое, что моя смерть от рук Арда — ничего не значащее событие. И это что-то связано с магами и долгом перед короной.

Маг и торговец не оставили меня до тех пор, пока я окончательно не пришла в себя. Я не стала упускать случая и расспросила целителя подробнее о долге перед короной.

Его ответ показался мне очень странным.

— Да что тут рассказывать? Пару недель назад приняли новый закон о том, что все целители обязаны два года отработать в новой городской лечебнице, которую начали строить всего-то пару месяцев назад. Мол, лечить в ней людей будут бесплатно во имя Квелты. Любой даже самый сырый и убогий сможет получить магическую помощь, не потратив на это ни гроша! И слово такое странное придумали для всего этого... волонтерство!

Я чуть не рассмеялась, несмотря на головную боль. Понятно, откуда ноги растут.

— И все целители обязаны почти бесплатно проработать этими самыми волтёрами два года! Два! Конечно, снадобьями и прочим нас обеспечат. Но на что всё это время мне кормить семью? Того жалованья, что пока обещают, едва хватит на то, чтобы сводить концы с концами.

— Неужели, прямо-таки все целители обязаны этим заниматься? — я живо представила, как по деревням собирают целителей и знахарей и везут в столицу на обозах.

— То-то и оно, что собрать захотели только самых лучших и образованных. Тех, кто либо закончил академию, либо обучался у мастеров целительства — другие официально практиковать не имеют права. А эти...

Мужчина досадливо мотнул головой в сторону ухмыляющегося торговца.

— ... только и рады кровину выпить. Обрадовались, значит, что теперь денег платить не придётся. Пора бы послужить народу, маги проклятые!

Последнюю фразу целитель произнёс, откровенно кривляясь, видимо, передразнивая какого-то знакомого.

Вся ситуация была несколько дикой, особенно, если учесть, что по большому счёту колдунами на Орме были все. Но, наверное, более способные и могущественные собратья всегда будут вызывать зависть и недовольство.

Вскоре я рассталась с этими двумя, а сама крепко призадумалась.

Выходила какая-то ерунда.

Это на первый взгляд, казалось, что корона с подачи Лидии задумала благое дело.

Стейнхорм казался мне достаточно передовым государством, но социальная помощь в нём была не развита от слова совсем.

Существовали приюты для детей и рабочие дома, которые существуют за счёт пожертвований королевы. И, пожалуй, всё. В остальном — если хочешь учиться, лечиться, нужно платить. Иногда немного, иногда много, в зависимости от уровня получаемой услуги.

К бесплатным больницам не был готов ни народ, ни экономика Стейнхорма.

Королевская казна получает с земель благородных домов сущие крохи. Так устроено местное общество. Монархия далеко не абсолютная, с дворянскими семьями приходится считаться. У каждого дома есть своё войско, ресурсы, стратегически важные объекты. Большая часть податей, собранных с земель феодалов, остаётся в них же. В казну отправляется лишь малая часть.

Кажется, что король в этой ситуации в дураках, но это не так. Он не выделяет средств на

содержание территорий, принадлежащих лордам, не решает местных проблем и при этом в праве требовать, чтобы лорды поддерживали надлежащее состояние дорог и других стратегически важных объектов. Кроме этого, по первой просьбе вассалы обязаны предоставить войска, провизию и другие ресурсы королю. А судебная система даёт мощные рычаги давления на неугодных в случае чего.

У короны есть свои довольно обширные земли, прилегающие к столице. Вот с них-то, а ещё с торговых пошлин, деньги идут в казну. Помимо этого, короне принадлежат стратегически важные рудники, в которых добывают драгоценные металлы, камни и магические кристаллы, и единственный в стране заёмный дом — негосударственные ростовщики нелегалы.

Содержание больницы ляжет на государственный бюджет, а ведь в Стейнхорме не заложены деньги на эти расходы в налогах... К тому же, сомнительно, что лорды отпустят целителей со своих территорий так просто. Скорее всего, они поставят или уже поставили некие условия королю.

Даже, если забыть об этом, нововведение грозит социальным кризисом. Очевидно, что целители отправятся на службу не все сразу — так больница просуществует лишь пару лет. Скорее всего, будут рассылаться повестки — этакая армия на минималках.

Но уже в первое время работы лечебница лишит доходов не только тех магов, которые придут работать в ней, но и их вольных собратьев. Потому что люди не станут платить за то, что смогут получить бесплатно к тому же по высшему разряду. Исключением станут, скорее всего, лишь дворяне, которым не к лицу лечиться вместе с бродягами.

Получается, что те, кто не работает на корону, быстро обнищают, если только не сменят деятельность...

Как ни посмотри, а выходит ерунда.

Я вспомнила лицо принца Джарела. Нет, он не был дураком. И едва ли его отец тоже им был.

Значит, этот закон прикрывает что-то ещё. Вот только что?

В тот день я в главную обитель так и не отправилась, удручённая ворохом загадок, на которые не было ответов.

Как назло, на пути домой мне никто не встретился и пришлось идти своим ходом.

Но то ли местные боги сжалились надо мной, то ли провидение решило дать мне утешительный приз за страдания, но на тренировочном поле я заметила Айолина.

Гомункул стоял, прислонившись к ограждению, и задумчиво оглядывал закатное небо.

— Что ты здесь делаешь? Думала, тебя ещё не скоро ждать.

Он мимолётно улыбнулся.

— Пришлось заглянуть ради одного дела. И знаешь же ты, когда появляться! Смотри!

Мягко обхватив меня за плечи, он развернул меня в сторону дальних гор. Там на фоне оранжево-синих облаков виднелся крылатый силуэт.

Слишком большой, чтобы принадлежать птице.

Наверное, гомункулы всё-таки моя слабость, иначе трудно объяснить восторг предвкушения, что охватил меня.

Айолин рассмеялся.

— Я был уверен, что тебя не особенно трогает мужская красота. Кто бы мог подумать, что один только намёк на силуэт Трэса сведёт тебя с ума!

— Ну, знаешь... — смутилась я, но взяла себя в руки. К счастью до прилёта ангелоподобного существа было ещё долго, поэтому я могла остыть.

— Впрочем, ты не одинока, не видел никого, кто остался бы равнодушен к нему, — мне показалось, что в голосе Айолина, что стоял в стороне от меня послышались странные нотки.

— Ты говоришь так, будто у тебя есть недостаток женского внимания!

— Ты права, его нет. Но у Трэса было то, за что я отдал бы не только руку, но жизнь.

Я внимательно посмотрела на прекрасный профиль темноволосого гомункула. Он вглядывался в горизонт слишком уж напряжённо.

Неужели... Трэсу досталось внимание Лидии?

Гомункул закружил над тренировочной площадкой, когда мне уже почти надоело ждать. Я вскинула голову, чтобы посмотреть на него, и на несколько секунд все мысли вылетели у меня из головы.

Почему-то Трэс мне рисовался каноничным ангелом — со строгим лицом, золотыми волосами и белоснежными крыльями. Этакая суровая красота с полотен старых художников.

То создание, что мягко опустилось на тренировочную площадку и улыбнулось мне странной улыбкой имело мало общего с этим возвышенным образом.

Ну, разве что белые крылья.

Смуглая кожа казалась золотой в закатном свете, словно залитая тягучим мёдом. Она была столь же идеально гладкой, как и у Айолина. Настолько безупречной, какой не бывает у обычных людей. «Ангел» был примерно одного роста со своим собратом, но мощнее по телосложению и более всего напоминал античную скульптуру.

Белоснежные волосы мужчины, коротко острижены, так что передние пряди едва касаются скул. На фоне загорелой кожи светло-зелёные, словно виноградины, глаза кажутся почти прозрачными.

Я заметила две небольших родинки на лице. Одна чуть ниже левого глаза, другая на гладком подбородке у уголка губ.

Да, Трэс был ангелом.

Вот только не из христианской рати, а с языческого Олимпа. Этакий крылатый Эрос, насылающий людям жаркие сны и желания.

Айолин по сравнению с ним казался почти монахом.

Трэс улыбнулся, будто наслаждаясь моим замешательством:

— Ну, надо же.

Голос крылатого оказался под стать золотистой коже — медовым и тягучим. Вот только отчего-то в нём явственно звучали саркастичные нотки. Беловолосый не успел ничего добавить, как Айолин представил нас друг другу.

— Это Ольга, новобранец прошлого года. Ольга, это Трэс Криольд — мой собрат.

«Ангел» по-птичьи склонил голову на бок и посмотрел сначала на меня, затем на Айолина, будто уловил какую-то одному ему известную связь. Его губ коснулась странная улыбка.

— Ольга, значит? Будем знакомы.

— Поговорим о деле позднее, — Айолин поманил второго гомункула к главному зданию, я решила не отставать, до темноты осталось совсем немного времени.

— Ты слышал про новый закон? — мимоходом спросил остроухий своего собрата.

— Про тот, что обязывает целителей торчать в вонючем городе? — в голосе пернатого сквозил едкий сарказм. — Меня это не касается. Я не оканчивал академию и тем более не учился у какого-нибудь длиннородого дурно пахнущего старика.

— Ты, видимо, как всегда, читал через слово. Есть пункт и про одарённых граждан, чей целительский дар будет признан особо ценным...

— Если они думают, что это заставит меня торчать в четырёх стенах, то предлагаю им...

Дальше ангелоподобный разразился столь отборной руганью, поминающей сексуальные пристрастия короля, королевы и принца, что я невольно покраснела. Брань никак не сочеталась со сладострастным обликом небесного божества, спустившегося на грешную землю. Но кто сказал, что гомункул обязан отвечать чьим-то ожиданиям?

Словно почувствовав взгляд, Трэс обернулся, насмешливо улыбнулся и неожиданно сделал шаг ко мне. Смуглая горячая рука крепко обхватила мои пальцы и чуть сжала, будто её обладатель желал меня приободрить. Почти уткнувшись носом мне в ухо, мужчина шепнул:

— Тебе, должно быть, неудобно рядом с этим типом?

— Эй, когда мы в последний раз расставались с тобой, ты не был бабником! — Айолин деланно возмутился, видя столь откровенный подкат ко мне со стороны «ангела».

— Тут другой случай, друг мой. Но, если Ольга, вдруг, надумает... я всегда к её услугам! Редко встретишь женщину, чья красота может сравниться со мной. Очень редко.

Это звучало, как слащавый комплемент, но мне показалось, что мысли Трэса были устремлены к прошлому. Взгляд зелёных глаз был затуманен, а рука, держащая мою ладонь, вдруг окаменела.

Я представила, как мы с Трэсом, надумай уединиться в стенах обители, пытаемся уместить его крылья на тесной казённой койке и рассмеялась.

— Спасибо, откажусь.

— Неужели тебе не нужно утешение? — он наклонился ко мне, и голос его понизился до интимного шёпота. — Или выплеснуть гнев и усталость?

По тону крылатого я поняла, что его предложение было лишь наполовину шуткой.

Пожелай я, мы могли бы провести вместе ночь, и наверняка это было совершенно потрясающе, но...

В моём заплечном мешке лежали вещи для побега, которые нужно успеть припрятать. А ещё поискать в библиотеке информацию о Дерринах. Успеть на вечернее дежурство и хорошенько выспаться перед завтрашней тренировкой.

К тому же совсем не уверена, что хочу вносить случайные связи в свой послужной список.

— Не нужно, — спокойно ответила я. — Взрослым девочкам положено решать свои проблемы самостоятельно.

— Вот как, — гомункул не огорчился отказу, скорее, мои слова по какой-то причине пришлись ему по душе. — Если передумаешь, я буду здесь ещё пару дней.

— А теперь, когда тебя окончательно отшили, пойдём займёмся делом, — напомнил уже теряющий терпение Айолин. — Увидимся, Ольга!

Уже уходя, я услышала, как Трэс что-то пробормотал себе под нос. Что именно, я разобрать не смогла, но почему-то у меня появилось стойкое чувство, что весь разговор с пернатым от начала и до конца был не тем, чем казался.

После дежурства, Айолин нашёл меня на кухне и извинился:

— Ума не приложу, что на него нашло. Обычно Трэс терпеть не может внимание со стороны женщин и сам никаких авансов не раздаёт. А, уж, чтобы он с кем-нибудь флиртовал! Не припомню такого?

— По-твоему, это был флирт? — лениво уточнила я, ставя на место начищенный котёл. — Если так, даже Хорс предлагал мне уединиться на сеновале изящнее... Но не думаю, что Трэс, и правда, заинтересовался мной.

Я замолчала, но затем, кое-что вспомнив, продолжила.

— Гораздо больше мне интересно, зачем ты так нагло соврал?

— Я?! — мужчина насмешливо приподнял брови, не понимая, в чём я его обвиняю.

— Ты говорил, что у него скверный характер, но ничего подобного я не увидела.

— Обычно с малознакомыми людьми он ведёт себя ужасно и не чурается обложить их трёхэтажным матом... Если они только не пришлись ему по душе. Что бывает очень-очень редко.

— Вот как? Кто-то должен оплатить ему уроки этикета.

Айолин рассмеялся и неожиданно щёлкнул меня по носу.

— Я скучал по тебе.

— Мы не виделись всего несколько дней, — возразила я, не желая признавать, что мне его тоже не хватало.

Он улыбнулся. В серых глазах загорались звёзды, пока ещё сияющие едва-едва, но я знала, что скоро всполохи света заполнят всю радужку.

Теперь мне казалось диким, что когда-то я могла счесть взгляд Айолина ледяным.

Зачем-то я обхватила ладонь гомункула руками и замерла, не зная, что сказать. Смятение закружило меня в хороводе. И хотя я понимала, что мужчина, стоящий рядом со мной, не имеет в виду ничего особенного, отчего-то ком застрял в горле.

— Ольга, я хочу, чтобы между нами не было недопонимания, — я подняла на него глаза и заметила откровенную муку на его лице.

Он будто сомневался, стоит ли говорить задуманное. Его рука выскользнула из моей, он отошёл чуть в сторону и отвёл взгляд.

— У меня мало друзей. Они для меня на вес золота. Я высоко ценю, что ты стала одним из них. И я хочу, чтобы всё именно так и осталось.

— Ничего себе, — поразила я этой внезапной речью, остудившей моё размякшее было сердце. Хотелось сказать какую-нибудь грубость. Но я понимала, что злюсь не на Айолина, а, скорее, на себя — за то, что поддалась моменту. И показала... что? Что-то, что мужчина уловил даже раньше меня.

К счастью, на что я никогда не жаловалась, так это на самообладание. Когда я вновь заговорила, голос мой был ровным.

— В таком случае я тебя успокою. На большее я не претендую.

Мы замолчали, не зная, куда деваться от возникшей неловкости, но внезапно я припомнила кое-что:

— А где сейчас Трэс?

— Если это ты из-за того, что я сейчас сказал...

— Брось! У меня к нему дело.

— Его поселили в комнату возле кладовой в правом крыле.

— Тогда я, пожалуй, пойду.

Уже на пороге гомункул окликнул меня.

— Постой, а что за дело-то?

Я усмехнулась.

— Собираюсь побыть тебе наилучшим другом.

Удивление в сияющих глазах было мне наградой.

— О, ты всё-таки передумала? — светловолосый гомункул окинул меня насмешливым взглядом. Я не осталась в долгу и изобразила вселенское разочарование на лице.

— Было дело, но ты так неуклюже переминаешься с ноги на ногу, что весь мой пыл пропал...

Может, в воздухе Трэс и был воплощением грациозности, но в пределах тесной комнатухи явно чувствовал себя не очень уютно. Он вскидывал белоснежные крылья для балансировки и задевал ими то стены, то тумбы, то изголовье кровати.

Подавить любопытство было трудно. Трэс казался ещё менее реальным, чем мой эльфоподобный друг. Крылья мужчины были большими, но их явно недостаточно, чтобы поднять в воздух кого-то столь мощного телосложения. Это значит, либо скелет гомункула лёгкий и хрупкий как у птиц, либо летает он всё же за счёт волшебства, а крылья Лидия дала ему лишь красоты ради.

Мне хотелось задать кучу вопросов, но «ангел» был явно куда менее терпелив, чем его друг, поэтому испытывать судьбу я не стала, важнее было узнать другое.

— Я пришла поговорить.

— Тогда ты обратилась не по адресу. Я не — Айолин, — отозвался Трэс, плюхнувшись на кровать. — Это он у нас мастер светской болтовни.

Гомункул принялся стаскивать с себя сапоги, но, несмотря на небрежные слова, выпроваживать меня не спешил. Мне казалось, что Трэс чего-то ждёт от меня, но чего, я понять не могла.

— Об Айолине речь и пойдёт. Ты знаешь, что с ним происходит?

Он взглянул на меня, и неожиданно я почувствовала приступ паники. В светло-зелёных глазах не было ничего угрожающего, но моё чутьё резануло меня, будто кинжалом. Простой вопрос превратил Трэса в неприятеля, желающего расправиться со мной.

— О чём это ты? — его глаза сузились, и от игривого образа не осталось и следа. Он взвешивал каждое моё слово и будто бы решал, стоит ли позволять мне жить.

Впервые я отчётливо осознала, что передо мной не человек. Существо, лишённое привычной морали, которому ничего не стоит убить меня. Гомункул оказался рядом настолько быстро, что я и глазом моргнуть не успела. Дыхание перехватило, но я всё же успела предугадать его движение и вцепилась, что есть сил, в его запястье — он уже занёс руку, чтобы схватить меня за подбородок. Или шею. Тут уж как посмотреть.

— Я о том, что у него под рубашкой, — напряжённо выдавила я. Мои пальцы дрожали от усилия, с которым я сжимала чужую руку. — И не понимаю, с чего это ты вдруг взбеленился?

— Под рубашкой? — столь же внезапно, как вспылел, Трэс развеселился и шагнул в сторону. — Не думал, что вы зашли так далеко! Хотя о чём это я? Айолину спать, что с кем-то, что в одиночестве — всё одно. Могли и поразвлечься, чего уж там... С него не убудет.

Меня почему-то задели столь пренебрежительные слова, хотя, казалось бы, какое дело до того, что думает крылатый о наших отношениях с Айолином?

— Не важно, где ты, а у мужиков вечно лишь одно на уме, — досадливо бросила я. — Он переодевался при мне во время нашего путешествия. Не заметить было сложно.

Сильные перепады настроения я замечала и у своего остроухого приятеля, но Трэс,

похоже, переплюнул его по всем пунктам. Веселье сменилось спокойствием и даже задумчивостью так быстро, что я едва уловила переход гомункула из одного состояния в другое.

— Не думал, что он настолько тебе доверяет, что не стал скрывать правду... И всё же ответу на твой вопрос. Да, я знаю, что с ним происходит. Он пришёл ко мне и Киа почти сразу, после того, как появились первые признаки энтропии.

Крылатый тяжело опустился на старую кровать, скрипнувшую под его весом. Чувственные губы исказила горькая гримаса, взгляд блуждал по комнате. Казалось, Трэс избегал моего взгляда, не хотел, чтобы я видела, насколько ему больно.

— Он боялся, что это происходит и с нами, но... мы с Киа в порядке. Отвратительно в порядке. Будем жить, возможно, даже дольше Лидии, если не случится ничего непредвиденного.

Я видела чувство вины, лежащее на крылатом. Не знаю, как он чувствовал себя, когда ему пришлось обсуждать это с Айолином.

— Ты сказал — энтропия?

— А ты не знаешь, что это? У магов это понятие широко известно. Это, когда в магической структуре начинается разлад из-за закравшейся внутренней ошибки или внешнего воздействия. Как думаешь, из чего состоят наши тела?

Конечно, я думала об этом много раз, но напрямую спрашивать Айолина не стала.

— Из ложной плоти или её ещё называют алхимической плотью. Честно говоря, с вашими телами она имеет мало общего в изначальном... виде. Скорее напоминает кусок тугой глины, которому маг уже может придать подобие человека, если захочет. Из неё, кстати, не только гомункулов делают, но и, например, конечности для инвалидов, у которых водятся деньги.

Я вся обратилась в слух, запоздало сообразив, что раз Трэс целитель, то должен неплохо разбираться в магии. Сомневаюсь, что большая часть моих соратников вовсе слышала о таких тонкостях алхимии.

— Так вот, чтобы создать ложную плоть, нужны охренительно дорогие ингредиенты. Чем лучше качество сырья, тем больше возможностей для мага появляется при работе с алхимической плотью. Сама подумай, откуда в академии взяться наилучшим ингредиентам для практики студентов-недоучек? И всё-таки этому засранцу, Мириусу, удалось преобразовать их в довольно качественную плоть. К сожалению, ему не хватило мозгов, чтобы понять, что с таким сырьём не стоит замахиваться на сложную заготовку. Создай они Айолину тело попроще, с меньшими возможностями и силой, всё прошло бы гладко. Но у Мириуса и Лидии были слишком уж грандиозные планы.

Тут Трэс зло усмехнулся. Похоже, ему нравилось вспоминать об оплошности своей создательницы, пусть это и обернулось катастрофой для его друга.

— И, как ты могла заметить, им удалось пустить пыль в глаза преподавателям. Подозреваю, похотливые стариканы и старухи просто обомлели, увидев нашего общего знакомого. Такого распрекрасного, что умереть — не встать. Но серьёзного изъяна они не заметили. Или им было просто срать! Важно ли, что какой-то там гомункул сдохнет всего через несколько лет? Главное, что экзамен пара оболтусов сдала успешно.

Голос Трэса сочился ядом, а я молчала, подавленная происходящем и в то же время закипающая от гнева.

— Значит, традиционным способом Айолина не вылечить?

Впервые за долгое время светловолосый мужчина взглянул мне в глаза, и я увидела в них неприкрытую боль человека, знающего, что скоро потеряет кого-то очень важного.

— Он мой брат. Я сделал бы для него всё, что угодно. Но тут мой дар и дар любого целителя бессилён. Нужно новое тело и, что самое сложное, перенести в него то, что составляет суть Айолина. Об этом надо разговаривать с Лидией.

Трэс говорил что-то ещё. Очевидно эта тайна тяжёлым грузом лежала на его сердце. Но я почти не слушала, а думала об одном.

Генерис из дома Дерринов была волшебницей с уникальным тёмным даром. Она могла менять свою душу и душу другого живого существа местами. Так она пыталась провернуть обмен телами и с Лидией. Если она была способна извлекать собственный дух и направлять, куда надо, быть может, смогла бы сделать это и с чужой душой...

Жаль только, что природной магии Генерис во мне не осталось ни капли.

— Слушай, я поражён!

Крис откинул в сторону заготовку кинжала, с которой напал на меня в течение последних двадцати минут с упорством маньяка.

Тренировочное оружие мало чем отличалось от настоящего — у него была такая же гарда, рукоять, обтянутая кожей, только вместо заострённого клинка — просто полоса изогнутого металла. Удары от него были более болезненными, чем от деревянного клинка, в чём я давно убедилась на собственном опыте.

Впрочем, я и после тренировок с деревом ходила вся раскрашенная синяками. Хоть в чём-то мы с Генерис оказались похожи — любой мало-мальски ощутимый удар тут же оборачивается кровоподтёком и сходит чуть ли не месяц.

Я прижала ко всё ещё кровоточащему носу платок. Наш бой с Крисом никому не показался бы красивым и элегантным. Мастер не чурался грязных приёмчиков и требовал того же от меня. И, если уж я открывалась во время боя, то получала по полной. Джентльменство по отношению к сёстрам по оружию в ордене не в почёте.

Надеюсь, нос не сломан. Не хотелось бы быть похожей на Сильвестра Сталлоне.

— О чём это ты?

— Мне кажется, ты стала лучше чувствовать противника. Ты неплохо предугадывала мои атаки, а ведь это не каждому даже опытному воину дано.

Хоть слова Криса и казались хвастовством, но были на деле простой констатацией факта. Попробуй сразись с противником, который может исчезнуть у тебя на глазах и появиться из любой тени вокруг. Уверена, эта способность Леонтоля порядком нервировала его врагов.

— Не похоже, что это у меня особенно получалось, — говорила я немного в нос, из-за того, что тот почти не дышал.

Крис рассмеялся и плюхнулся рядом со мной.

— Эх, ты! Несколько раз ты будто инстинктивно знала, откуда я ударю и сводила возможность атаки на нет. Конечно, я на ходу менял стратегию и всё же атаковал, но сам факт меня радует.

Инстинктивно, значит. Впервые я задумалась о том, могу ли применять своё чутьё в бою. В теории это, конечно, возможно, но на практике движения во время сражения слишком быстры и суматошны. Сумею ли я за долю секунды уловить предупреждение, понять, что оно значит и среагировать? Возможно, но явно не сейчас, когда моя техника боя не доведена до автоматизма.

Может, я и использовала свою способность против Криса, но делала это неосознанно.

Не знаю, чем были заняты гомункулы, но оставшееся время я их почти не видела. Лишь однажды я столкнулась с крылатым в... женской раздевалке.

Ситуация вышла уж больно странной, и от того мне показалось, что Трэс специально подгадывал время, чтобы застать меня после купания одну и без одежды. Сделать это было не так уж и трудно — я подолгу сижу в библиотеке вечерами, а потому отправляюсь мыться позднее всех.

Как и во время нашего первого разговора, мне чудилось, что при всей двусмысленности ситуации, мотивы Трэса были далеки от приземлённого плотского интереса. Крылатый чего-то ждал от меня. Вот только чего?

Но начну с начала. Вечером накануне отъезда Айолина и Трэса, я не изменила свой привычке и пошла мыться позднее всех.

Я успела вытереться, натянула на себя подобие местного нижнего белья — бриджи до колена, короткий лиф на шнуровке спереди и принялась за просушивание волос, когда сзади раздалось:

— И как тебе живётся с этой хренью?

Я обернулась, в дверном проёме стоял крылатый гомункул и даже не пытался сделать вид, будто ему неловко.

— Что ты здесь делаешь? Это, между прочим, женская раздевалка.

Я никогда не чувствовала себя особенно раскрепощённой, но появление мужчины меня почему-то не слишком смутило.

Скорее всего, дело в нижнем белье. Любая приличная жительница Стейнхорма, как минимум — прикрыла бы «наготу», как максимум — завизжала или двинула нахалу по морде. Но я упорно не могла воспринимать что-то вроде летней спортивной формы как исподнее. По меркам нашего мира я была одета весьма целомудренно.

— Я перепутал, — Трэс даже не старался врать поубедительнее. Его взгляд скользнул к моей спине. Туда, где... черт бы их побрал! Знаки!

Я села на скамью, накинув на спину полотенце, которым только что вытирала волосы, но не похоже, что крылатого этот манёвр сбил с толку.

— Неужели, Ольга, ты преступница? — в зелёных глазах застыла насмешка. — Или любимая дочка богатенького папочки?

Под ложкой неприятно засосало.

Не могут эти больно уж точные предположения быть просто совпадением... Неужели Трэс что-то знает?

Я лихорадочно вспоминала каждую минуту нашей первой и второй встречи. То, как гомункул вёл себя, как говорил. С грешным херувимчиком определённо было что-то не так, но едва ли беловолосый мужчина знал что-то наверняка. Иначе прибил бы на месте.

— О чём это ты? — я постаралась выглядеть спокойной, хотя внутри, видит бог, такой совсем не была.

— О третьем знаке на твоём спине. Это же руна вирта? Я не мог ошибиться, так что можешь даже не врать.

— Вирта? — в ответ на моё недоумение на лице Трэса промелькнула растерянность. Но тут же пропала.

— Да, вирта. Руна, помогающая отслеживать местоположение предмета или существа, заклеянного ей.

— Что ты сказал? — в горле пересохло и на моём лице, должно быть, отразилось такое потрясение, что даже «ангел» забеспокоился.

— Ты не знала?

— Нет. А остальные знаки?

Я понимала, что выдаю себя с головой, но, если Трэс прав, знаки, про которые я чаще всего и не вспоминала, могли нести в себе слишком серьёзную опасность. Если верить Магде, первый символ давал мне понимание местного языка, а второй?

— Повернись.

Трэс опустился на скамью возле меня, а я послушно развернулась к нему спиной.

Тёплый палец дотронулся до ткани лифа и чуть оттянул её, чтобы знаки стали лучше видны. Прикосновение могло бы быть удивительно интимным, если бы меня так не трясло от страха и беспомощности.

Не сомневаюсь, что руну нанесли Генерис в заключении. А я, дура, решила, что принц собирается следить за судьбой бывшей любовницы с помощью более консервативных методов.

— Это теру — руна знания. Я не могу тебе расшифровать тонкости её действия. Я знаю руническое письмо, но это не моя специализация.

Палец двинулся по моей коже дальше. Казалось, гомункул всюду наслаждался ситуацией, а мне вот было не до заигрываний.

— А вторая? — напряжённо уточнила я.

— Каэ — память. Обычно её наносят, чтобы знания легче усваивались. Теру и каэ часто ставят в паре богатеньким деткам, когда они ещё пешком под стол ходят. Правда, мне кажется, что твоя руна выглядит немного странно...

Я выдохнула с облегчением. То-то мне казалось, что память моя после попадания в Орм значительно улучшилась. Эта руна пришлась, как нельзя, кстати.

— Спасибо, — бросила я и, резко поднявшись, принялась натягивать на себя одежду.

— Как вышло, что ты не знаешь, что за символы у тебя на спине? — Трэс смотрел на меня с неприкрытым любопытством. Я решила, что он заслужил ответ, хотя бы отчасти правдивый.

— Знаки появились без моего участия, — в голосе моём сквозила откровенная горечь. Мне нужна была помощь мага, чтобы снять третью метку. Иначе сбегать из обители не имеет смысла, Джарел меня из-под земли достанет.

Мужчина склонил голову на бок, мягкие волны белоснежных волос упали на высокие скулы — сейчас вид у Трэса был безмятежный и невинный.

— Тебе нужна помощь?

Да, чёрт возьми, мне была нужна помощь. Но вслух я сказала совсем другое.

— Ты ведь не сможешь снять знак? — мой вопрос был скорее утверждением. Раз начертательная магия — не специализация Трэса, едва ли он особенно в ней силен.

— Нет, — подтвердил мои догадки гомункул. — Это редкий талант. Именно поэтому оплатить работу такого мага могут лишь самые богатые из дворян и королевская семья.

В ответе крылатого был намёк на то, что он прекрасно понимает, что в моей истории всё не так просто, но я притворилась, будто ничего особенного не происходит.

— Понятно. — немного помолчав, я мучительно добавила. — Если тебе не сложно, сохрани наш разговор в тайне.

По крайней мере до тех пор, пока я не смоюсь отсюда.

— Если ты не несёшь угрозы Айолину и Крису, — в тягучем голосе ангела я слышала прямое предупреждение. — Мне нет дела до твоих тайн. На местных стариканов в ржавых доспехах мне плевать.

Я улыбнулась. Тоже мне ангелок.

В библиотеке ордена оказалось ожидаемо мало информации о Дерринах, как и о прочих великих дворянских семьях. Они упоминались лишь в паре исторических трактатов — больше книг на эту тему просто не было.

Чтобы убивать монстров, не обязательно хорошо знать историю.

Впрочем, даже те крупницы информации, что удалось найти в библиотеке, были бесполезны. Что толку, что пра-пра-пра-пра Генерис был полководцем в битве при Дэсе и героически погиб, защищая короля? Пожалуй, эта информация на пару веков устарела...

Разговоры с орденцами были гораздо продуктивнее.

То, что я узнала в лучшем случае было полуправдой, состоящей из сплетен и домыслов, но и так картина выходила безрадостной.

Если верить молве, Генерис убила всех своих братьев и сестёр, чтобы остаться единственной наследницей. Так это было или нет, не узнать, но история, и правда, выходила скверная.

У лорда Гердерда было четверо детей. Трое от первого брака — сын и две дочери, и дочь Генерис от второго. Старший сын долгое время жил вдали от отца, а вот дочери умерли одна за другой как раз в то время, когда Генерис достаточно выросла, чтобы что-нибудь предпринять. Не знаю, на чём именно строилась уверенность народа, но официально никто прошлую хозяйку моего тела не подозревал. Считалось, что одна из девушек умерла от болезни, а вторая через примерно год упала с лестницы.

Старший брат Генерис трагически погиб через несколько лет — в ту пору девушке уже исполнилось семнадцать. В очередной его визит домой в одном из строений случился пожар. Молодой мужчина бросился кого-то спасать, но сам сторел заживо.

Наверное, это могло быть простым совпадением. Но я, в отличие от простых жителей Дэса, знала одну скрытую подробность — дар Генерис был тёмным. Такие всю жизнь ходят за ручку с Ардом, даже если при этом от него отворачиваются, как это делает Крис. А, значит, она могла быть по-настоящему недоброй, если поддавалась страстям.

От одного воспоминания о боге Тьмы мне всегда становилось не по себе. Наш разговор с ним казался теперь почти сном, но я отчётливо помнила, что чувствовала во время той встречи. Странную смесь страха, похоти, боли и гнева. Во мне бурлило столько чувств, что я едва осталась жива и трезва рассудком. Если хотя бы часть этого воздействует на людей с тёмным даром на протяжении жизни, я им не завидую.

Роман Генерис с принцем выглядел ещё страннее. Принц Джарел был признанным холостяком и в тридцать два года всё ещё не женился, перебиваясь случайными интрижками. Нельзя сказать, что он был бабником. Напротив, был целиком и полностью погружён в дела и до женщин ему особого дела не было. Сплетничали, правда, что он бывал в том самом Цветочном доме, куда отправлял меня, но веры этому мало.

В общем, принц лет девять посылал батюшку-короля с его планами на брачные союзы куда подальше и стабильно отказывался от рук не только принцесс, но и землячек из благородных семей. При чём Джарел не хотел ввязываться не только в силки брака, но даже в сколько-нибудь постоянные отношения и бастардов на стороне не заводил.

И вот у принца неожиданно появляется официальная фаворитка Генерис Деррин.

Само это событие стало чем-то из ряда вон, но ещё больше вопросов вызывал выбор

девушки.

Происхождение Генерис слишком высокое, чтобы отдать её невинность без заключения брачного союза. Дом Дерринов — одна из давних союзных сил короля. Он не стал бы им приказывать пожертвовать наследницей.

Не знаю, как продавили кандидатуру Генерис, но мне кажется, что всё было примерно так.

Гердерд и король заключили соглашение. И в тайне надеялись, что великовозрастный принц, прельстившись красотой Генерис и привыкнув к постоянной постельной грелке, если не восплачет желанием жениться, так хотя бы заделает ребёнка по неосторожности.

Дочурка Гердерда, видимо, тоже была на план согласна. Вот только Джарел не восплачет и был в постели крайне осторожен. Это уже я с его слов знаю. Он сделал всё, чтобы совместного ребёнка у них не получилось. Правда, леди дома Дерринов всё равно его обыграла.

О том, что Генерис была беременна, простой народ и не знал. По их версии Джарел просто бросил бывшую пассию, повстречав Лидию. Та решила отомстить, а лорд Гердерд, озлобленный отставкой дочери, которая не получила желаемой короны и даже матерью ребёнка Джарела не стала, организовал покушение на принца. И был закономерно казнён на центральной площади.

Выглядело всё слишком складно, и поэтому вызывало подозрения.

Когда Джарел заинтересовался Лидией, которая, на минутку, была удочерена великим домом Телль, король, скорее всего, и думать забыл про Дерринов. Зачем напрягаться, когда сыночек сам пускает слюни на иномирянку? Телли до поступления Лидии на королевскую службу держались нейтралитета. И королю хотелось заполучить их в союзники.

Почему же он не боялся гнева старого союзника?

Не знаю, было ли действительно со стороны Гердерда покушение на принца. Возможно, недовольного отца просто убрали за компанию с дочерью.

Такие мысли не могут не появиться, если учесть, что сейчас место главы дома Дерринов занимает какой-то там дальний кузен Генерис — Кайл Брандфорд. Который, о, какое совпадение, давний друг принца Джарела.

Вот так король сохранил старого союзника, приобрёл нового, женил сыночка и успел помянуть с внуком. Сказочке конец, все жили долго и счастливо.

Сомневаюсь, конечно, что старый засранец изначально планировал что-то подобное. Скорее всего, просто обернул новую ситуацию в свою пользу.

Вот только меня всё больше удивляет, что Генерис оставили в живых.

Почему?

Теперь мне уже не казалось, что Джарел просто хочет понаблюдать за страданиями ненавистной злодейки. Куда безопаснее было просто убить меня.

Но он поступил иначе. Отпустил, а затем принародно объявил, что преступницу Генерис помиловали величайшим прощением принцессы Лидии. Простой люд утёр слезу умиления из-за доброты своей любимицы и намотал на ус, что недруг бродит среди них.

Видимо, королевской семье отчего-то очень хотелось, чтобы я умерла как-нибудь без их участия.

К счастью, не полагается малевать портреты помилованных преступников и расклеивать их по столбам, чтобы каждая собака знала, с кем имеет дело.

Это как-то не вписывается в образ милосердных и благородных.

Поэтому обычные люди смутно представляли, как я выгляжу. В отличие от Лидии, принц никогда не брал с собой на официальные мероприятия Генерис.

Вот только я всё равно на коротком поводке у Джарела. Ещё бы знать, что он замысливает?

Покои Джарела за последние несколько лет изменились до неузнаваемости.

Впрочем, теперь это уже были не его покои, а их — Джарела, Лидии и ребёнка.

Его супруга и слышать не хотела ничего о том, чтобы жить в разных комнатах, как предписано дворцовым этикетом. И, если поначалу подобное нововведение ему скорее понравилось, чем нет, то с появлением ребёнка мужчина пожалел, что уступил Лидии в этом вопросе.

Потому что их сына, Александра, теперь, разумеется, тоже нельзя было выселить в отдельную комнату на попечение няnek. А бессонные ночи с ребёнком оказались для Джарела испытанием посерьёзнее, чем дефицит в королевском бюджете в прошлом году...

Но сейчас, когда пара сидела в гостиной, принц мог не думать о семейных неурядицах. Он смотрел, как Лидия прижимает к себе темноволосого малыша и слегка покачивается из стороны в сторону, чтобы убаюкать ребёнка. По лицу принца сложно было догадаться, насколько таяло его огрубевшее сердце от этой картины.

Он всё ещё любил Лидию, хотя первое очарование иномирянской экзотикой давно прошло, и Джарел осознал, что её непохожесть на женщин этого мира — скорее минус, чем плюс.

И их сын. Сын, рождения которого он так не хотел, хотя и тщательно скрывал это от Лидии. В тайне от неё он наложил на себя тёмные чары, чтобы семя его стало пустым, но, должно быть, светлая сила девушки постепенно развеяла их, раз зачатие всё же произошло... Ард бы побрал этих женщин, как они это делают?!

На краткий миг в голове его мелькнул образ беловолосой девушки. Странно, что он вспоминал её всегда во цвете красы, а не ту грязную замарашку, что видел в последний раз в камере.

— Значит, Генерис всё-таки жива? — словно прочитав мысли принца, задала Лидия неожиданный вопрос.

Джарел подавил волну раздражения от того, что спокойного семейного вечера ему не видать.

— Ты же сама просила меня об этом, — он постарался сдержать едкую улыбку, заметив тень разочарования на лице супруги. Лидия порой переигрывала, и сама этого не понимала. Впрочем, принцу было удобно, что в ту пору его возлюбленная высказала именно такую просьбу — сохранить Генерис жизнь.

Он понимал — она считала, будто Джарел даст обещание лишь на словах, а сам убьёт бывшую фаворитку. Это было вполне в духе принца.

Вот только придушить Генерис он не мог при любом раскладе.

Женщина довольно быстро справилась с собой:

— Я рада. Значит, у неё есть шанс осознать свои ошибки.

— Да, похоже ты права. Она трудится на благо общества.

— О чём это ты?

— Генерис вступила в Орден пятерых. Крис и Айолин ведь не знакомы с ней? Забавно, что теперь они работают бок о бок...

Лицо женщины, сидящей напротив переменилось, а Джарел поднёс ко рту чашку чая, чтобы скрыть ухмылку.

Я понемногу собирала информацию об окрестных странах, раздумывая над тем, куда бежать после того, как история с Умброй закончится.

Стейнхорм занимал значительную часть западного побережья континента. К северу от него находилось королевство Ихтран, справа — земли горцев, к югу — королевство Валена. На противоположной стороне континента были расположены земли вольных городов, носившие название Рейндевен.

Единственной страной, в которой была государственность в более или менее привычном нам понимании, оказался Стейнхорм. Ихтран, хотя и считался королевством, был таковым с натяжкой. У каждого северного лорда был свой надел земли, где он был царь, бог, судья и мог устанавливать свои законы, которые, впрочем, не должны были противоречить общим государственным — их принимал совет лордов.

Никакой наследственной преемственности у ихтов, в отличие от жителей Стейнхорма, крепко держащихся за родословную, не было. Превыше крови ценилась личная доблесть, слава и сила. Под силой понимали не только мордобой и природный дар, но и смекалку, тактический талант.

Женщины ихтов имели столько же прав и свобод, сколько и мужчины. Добрая их часть несла воинскую службу, работала в шахтах, охотилась, ходила на тяжёлый морской промысел — и это считалось обыденным делом. Наверное, я не ошибусь, если буду судить о женщинах ихтов по Магде и другим воительницам ордена.

Зато с культурными ценностями и науками в Ихтране было туго. Большая часть населения — глубоко безграмотна. Даже лорды и те не всегда обучены письму и чтению. Более того, считается зазорным засиживаться над книгами, если можно помахать топором во дворе.

Магические традиции в Ихтране были довольно примитивными, если сравнивать со Стейнхормом, и вместе с тем более демократичными. Можешь хоть тёмных тварей в подвале по кусочку собирать, пока это никому не мешает.

В целом, мне казалось, что Ихтран больше всего подходит для переезда. Но существовало слишком много трудностей. Я была совсем не уверена, что моих навыков хватит, чтобы поступить на службу к какому-нибудь из лордов. Это ведь страна воинов. Наверное, то, что умею я, знает любой десятилетний малец. Чем можно заработать на жизнь бывшему офисному планктону я представляла смутно. Ведь даже земледелие на севере — не для слабонервных. К тому же меня слишком смущали частые локальные войны между лордами, очень уж не хотелось умереть в междоусобной резне.

Но другие варианты ещё менее оптимистичны.

В южной Валене из-за палящего солнца и длительных сезонов засухи значительная часть территории занята бесплодными песчаными дюнами. Небольшие зелёные территории есть лишь на побережье да у границ со Стейнхормом. Каждый оазис — это маленькое государство, где кишит жизнь и идёт борьба за власть. И у каждой такой живой зоны есть свой правитель — вирд. Вирды вечно воюют между собой за ресурсы и воду.

Чтобы поселиться у оазиса, нужно личное разрешение правителя. Который даст его, если чужак может принести пользу и согласится беспрекословно подчиняться, или выгонит в песчаные дюны умирать от жажды.

В Валене я могла бы затеряться. Беловолосый и смуглый мастер Рейдал, тот, что встретил меня на площади Дэса вместе с Крисом, оттуда родом. Значительная часть уроженцев Валены так и выглядит, поэтому мои волосы не бросались бы в глаза.

Вот только из всех окружных государств Валена самая патриархальная. Без радикализма, но женщине без поддержки мужчины придётся там не сладко. К тому же в плане магических законов в Валене творится полный бедлам — их попросту нет. Вирды не чураются ничем, чтобы удержать и расширить власть своего оазиса.

Ещё были горные племена. Их так и называли — просто племенами. У каждого из них есть своё название, но историкам Стейнхорма известно не более семи из них, хотя племён гораздо больше.

Племена отпадали сразу. Во-первых, они не привечали чужаков и затеряться среди тех, кто знает всех своих на пересчёт, было невозможно. Во-вторых, если хотя бы половина из баек о Лидии правдива, несколько лет назад она спасла то ли какое-то одно племя, то ли все разом от старого проклятья. Теперь они её верные союзники, а, значит, мне у них делать нечего.

Вольные города Рейндевена, расположенные за горной грядой, были заманчивым местом ровно потому, что были гораздо более развитыми и спокойными, чем Ихтран и Валена. Но добраться туда нереально. Между Стейнхормом и городами натянутые отношения. Единственный переход через горы находится под постоянным наблюдением, и через море плыть тоже проблематично.

— Что это?

Крис в наглую вырвал у меня из рук книгу, над которой я корпела весь обеденный перерыв. Парень пробежался глазами по написанному и презрительно фыркнул:

— Быт и нравы народов севера? Ну, насмешила.

Я встретилась с искрящимися весельем глазами своего наставника. Его прямо распирало от желания поделиться со мной мнением то ли о моей тяге к знаниям, то ли о народах севера.

— У ихтов один быт и нрав — мордобой. Тёмные люди, хотя рука у них тяжёлая.

— Знаком лично? — кое-как мне удалось выдернуть фолиант из цепких лап мастера. О том, чтобы продолжить чтение и думать было нечего, Крис явно пришёл не просто так.

— Ты удивишься, сколько ихтов было у нас среди новобранцев, — он как-то странно усмехнулся.

— Вот как? Не видела ни одного. Хотя... как они выглядят?

Парень опустил на стул напротив меня беззвучно и грациозно, что совсем не вязалось с его деланно мальчишеским обликом. Чем больше я общалась с Леонталем, тем сильнее убеждалась, что Крис очень старался выглядеть легкомысленным и беззаботным. Он двигался нарочито порывисто и резко, разговаривал громко, много смеялся или ругался. Но иногда юный мастер забывался. Вот как сейчас.

— Ты не ошиблась. В этот раз их не было. Но они появляются регулярно. Смешно на них смотреть. Приходят и уверяют, что хотят служить Квелте и бороться с нечистью. Интересует их, разумеется, не воинская наука, а способы борьбы с монстрами. Перед присягой ордену и Квелте ихты неизменно исчезают. Спасибо, хоть не воруют казённое имущество.

— И зачем это им? — я порадовалась, что сегодня не заплела косу, так как тренировок не было. Поэтому под волосами Крис не мог разглядеть мои малиновые уши. Как-никак

именно своровать часть казённого имущества перед присягой я и собиралась.

Леонталь посерьёзней.

— У них с тёмной магией дела плохи. Сама подумай, тьма притягивается к тьме. Если в окрестностях есть хотя бы одна тёмная тварь, к ней непременно примкнут другие. Лорды стараются поддерживать порядок на своих территориях, но маги у них плохо обучены, воины смутно представляют, как биться с нечистью. Есть, конечно, и у них неплохие охотники, но их не так много, и за спасибо они не работают. Вот и получается, что лорды засылают к нам лазутчиков, чтобы поднабраться опыта... Выходит смешно, мы много раз предлагали обучить их ратников борьбе с монстрами, но ихты жуткие гордецы.

— И тугодумы, — сухо заметила я.

Стейнхорм давно мог бы завоевать территории Ихтрана и Валены, если бы король того захотел. Но проблем от тех земель было больше, чем пользы.

— Этого у них не отнять! Но хватит о них. Собирайся!

— Куда это?

— Ты забыла, какой сегодня день?

Я с трудом припомнила, что в середине последнего месяца лета в Стейнхорме празднуют день какого-то... Освера? Остира? Нет, забыла. Интересно, кстати, почему? Разве один из трёх знаков не должен давать мне отменную память? Создавалось впечатление, что работает он как-то выборочно. Что-то я помнила досконально, а что-то всё-таки уплывало в туман?

— Помню, но вообще-то я никуда не собиралась идти...

— Знаю, — жизнерадостно согласился Крис. — Именно поэтому я сам и пришёл за тобой. Девушки из замшелой деревушки на границе стоит чуть больше интересоваться столичной жизнью...

Если так Леонталь намекал, что всё же не очень верит в мою легенду, то зря старался меня смутить. Наглость второе счастье — когда ты нелегал-иномирнин в теле преступницы.

Как бы между прочим, покидая библиотеку, Крис бросил через плечо.

— В Дэсе нас встретят Айолин и Трэс. Покутим вчетвером.

Наверное, я должна была быть польщена, что меня приняли в компанию... ближайших друзей Лидии! Вот только почему-то противное предчувствие подсказало, что с очередной поездкой в город будет не всё гладко. И тут же нахлынуло ещё одно чувство...

Шанс. Поездка даст его мне. Вот только шанс на что?

К сожалению, я читала про этого Остира лишь вскользь. Потому что тогда информация о стейнхормских праздниках не казалась мне такой уж важной. Я бы и вовсе пропустила её, если бы не опасалась выдать себя незнанием элементарных дат, вроде местного нового года.

Если кратко, Остир прославился тем, что спас Стейнхорм от так называемого Снисхождения Бэсты. Несколько веков назад богиня Хаоса задала перцу местным жителям, изменив магические потоки всех водоёмов в стране. Из-за этого буквально вся вода, кроме дождевой, стала обладать непредсказуемыми свойствами.

Например, ты мог сделать глоток воды и потерять магический дар. Или стать женщиной. Или исцелиться от болезни. Исход мог быть вообще любым. Историки сходились во мнении, что никакой особой цели у Бэсты при этом не было, и сделано всё было лишь из любви к беспорядкам. И своей цели она достигла.

Остановить вакханалию не могли ни волшебники, ни рыцари, ни король, а вот Остир, простой крестьянин, смог.

Как оказалось, мужчина обладал очень редким и ценным даром. Он мог возвращать объект или существо во временной промежуток из прошлого и стирать изменения, произошедшие хронологически после него. Волшебный талант сделал Остира деревенским знахарем, но крестьяне и не догадывались, что на самом деле их старый знакомец вовсе не исцелял болезни и травмы.

Он просто делал так, что их будто бы и не случилось.

И Остир... обернул время вспять для водоёмов, изменённых Бэстой, отправил их в то время, когда они ещё были нормальными. Отплатили Остиру, правда, его современники сомнительной монетой. Король приблизил к себе героя и осыпал почестями. Поговаривали, что он даже собирался выдать за него замуж свою дочь, в надежде, что у потомков проявится подобная сила... Политические противники официальной власти дожидаться этого не стали и убрали Остира при первой же возможности.

История драматичная, но, как и многие подобные события, сквозь века стала больше поводом просто повеселиться, чем действительно почтить память героя. На улицы Дэса хлынули торговцы, праздный люд и бродячие артисты. Толчея была такая, что опасаться быть узнанной не приходилось.

Мы с Крисом долго и упорно пробирались к центральной площади. На мой вопрос, как мы в такой толпе найдём гомункулов, спутник лишь туманно ответил: «Айолин нас при любом раскладе разыщет, не волнуйся». Дополнительных объяснений я не дождалась и сосредоточилась на том, чтобы не потерять вихрастую макушку Леонталя из виду.

Крис оказался прав. Когда мы уже добрались к оцепленному помосту, вокруг которого толпилось столько народу, что рок-звёзды с Земли умерли бы от зависти, кто-то крепко схватил меня за локоть. Я обернулась и встретилась взглядом с темноволосым гомункулом.

Зачем-то вспомнилось, что мы с Айолином толком не виделись после того смущающего разговора, но я прогнала непрошенные мысли и последовала за увлékшим меня прочь от толпы мужчиной. Крис, как ни странно, поспевал за нами без особого труда, будто его активно не толкали локтями и спинами.

Я ожидала, что мы отойдём чуть в сторону, за торговые ряды, но гомункул поманил нас

к невысокому зданию, окна которого выходили на площадь. Он постучал в дверь, и та через некоторое время отворилась.

На пороге появился сухонький старик, сгорбленный в три погибели. Зыркнув на нас, он что-то проворчал себе под нос, но отступил в сторону. Мы не стали мешкать и устремились за гомункулом, который повёл нас по поскрипывающей лестнице на чердак. А затем и вовсе на крышу через небольшое оконце...

— Ну и ну, как это вам удалось провернуть? — Крис плюхнулся на парапет возле Трэса, свесившего ноги с крыши. — В дни праздников на крыше не пробраться!

Он был прав, на крышах окрестных зданий было не протолкнуться. При чём преимущественно на цветной черепице восседали вовсе не дети, а почтенные взрослые.

Айолин перехватил мой взгляд и улыбнулся.

— Предприимчивые горожане в дни праздников сдают в аренду места на крышах. Достопочтенный господин живущий в доме под нами, никогда этого не делал. Слишком уж он... не любит людей и лишний шум.

— Но я убедил его сделать для нас исключение, — Трэс аппетитно хрустел каким-то фруктом и выглядел весьма довольным собой.

— Что ты с ним сделал? — я с подозрением посмотрела на крылатого.

Трэс улыбнулся.

— Всего лишь пообещал, что через несколько месяцев он отдаст Арду душу, если не предпримет кое-каких мер...

— Почему именно Арду? — не поняла я.

— А кому же ещё? Таких злобных, как он, едва ли ждёт спокойное посмертие в чертогах Гуода. Возможно, Ард обратит его какой-нибудь милой тварью, снующей по ночам и убивающей чересчур шумных людишек.

Я не стала развеивать заблуждение гомункула и рассказывать о том, что бог Смерти не существует.

Кто знает, вдруг Ард меня всё-таки обманул.

— Кажется, начинается, — неожиданно раздался голос Айолина. Я уловила в нём странное напряжение и нетерпение.

— А зачем мы вообще здесь? — запоздало спросила я.

— О, сейчас будет выступать с речью наша мать-благодетельница Лидия, — едкий голос Трэса резанул ухо, а Крис и Айолин разом прикрикнули на него.

— А что? Вы имеете что-то против? Разве она нам не матушка, не благодетельница?

— Трэс, — лицо Айолино стало подозрительно спокойным, но я почувствовала в его голосе зарождающуюся угрозу.

Глаза «ангела» же сияли злостью, которую он не мог сдержать в себе, и его несло дальше:

— Как хорошо, что я улетел до того, как она смогла вышвырнуть меня на улицу, словно бесполезную шавку!

Я видела, как Айолин смертельно побледнел и замер. Из его груди вырвался медленный выдох, а я, понимая, что произойдёт дальше, неожиданно закричала. На одной ноте и на всю округу.

Должно быть у меня получилось даже перекрыть гвалт и нестройное звучание уличной музыки, потому как стоящие внизу люди заозирались, пытаясь найти источник вопля. Мои спутники вздрогнули и уставились на меня, будто на приведение.

Чуть смущённо я прокашлялась и добавила:

— Давайте вы набьёте морду друг другу попозже. Кажется, уже начинается.

Я врала, но вид простого мордобоя нравился мне ещё меньше, чем сражения с монстрами. В них не стоит вопрос жизни и смерти, просто хочется побольнее задеть другого. Если не выходит морально, так хотя бы физически.

Словно в ответ на мои слова на помосте, и правда, началась какая-то возня.

Седовласого вида волшебник, облачённый в роскошный серо-бордовый наряд, пересказывал историю подвига Остира. По тому, что никто особенно не вслушивался в слова старика, стало ясно, что легенду эту знает здесь каждый первый. А вот, что действительно вызвало восторг собравшихся, так это чаны с водой, которые осторожно вносили на площадь рабочие.

Айолин, сидевший рядом на парапете, искоса посмотрел на меня, а затем склонился и шепнул на ухо:

— Это заколдованная вода. Любой желающий может выпить её и на пару часов его облик скроет случайная иллюзия. Она исчезнет со временем сама или иллюзию можно будет снять во время «пришествия Остира».

— Да, и отупевшие от любви парочки используют этот волшебный маскарад для всяких глупостей, — ворчливо вмешался в разговор Крис.

— Ты это о чём?

— Считается, если двое узнают друг друга под иллюзией, то им суждено быть вместе! Вот бред, а? — возмущался чужим скудоумием мастер. — Какая такая судьба? Когда часть горожан просто видит сквозь иллюзии, на часть они не действует, у кого-то обострённый нюх или... да вот хотя бы как Айолин! Не скроешься!

— Про что это ты? — я с интересом взглянула на смущённого гомункула.

— Скажем так, — нехотя объяснил мужчина. — При определённых обстоятельствах я могу разыскать почти кого угодно.

По тому, как злорадно захохотали Трэс и Крис, я догадалась, что обстоятельства эти так себе.

Тут действующие лица на сцене сменились и мне стало не до размышлений и вопросов. Герольд объявил о появлении принца и его супруги.

На Джарела я вдоволь насмотрелась в камере, поэтому всё моё внимание было приковано к невысокой женщине, стоящей около него. У Генерис, в отличие от меня, было замечательное зрение, и я могла неплохо разглядеть не только общие детали, но даже лицо.

Лидия оказалась странно обыкновенной. Похожих девушек пруд-пруди на каждой улице моего родного города. Темноволосая, с оливковой кожей и карими глазами. Сейчас на ней было тяжёлое тёмно-бордовое платье, отороченное золотом, но её легко было представить в джинсах и с рюкзаком за плечами. Длинные волосы свободно ниспадали до пояса, голову её венчала небольшая диадема.

Девушка мягко улыбалась и что-то говорила собравшимся людям, но в слова я не вслушивалась, лишь отметила, что голос у Лидии приятный и мелодичный.

Не знаю, отдавали ли себе в этом отчёт Трэс и Айолин, но сейчас они были удивительно похожи. Я видела, как напряглись их тела, будто готовые к броску, глаза неотрывно следили за тоненькой фигурой вдалеке. Мне казалось, они почти не дышали, боясь, упустить хотя бы

единое движение Лидии...

Крис перехватил мой взгляд и покрутил у виска, кивнув в сторону гомункулов. Но я видела, что на самом деле поведение друзей не особенно его беспокоит. Быть может, он, выросший здесь, иначе воспринимал связь Трэса и Айолина с Лидией, но мне такая заикленность казалась просто ненормальной.

Будь они людьми, я бы предположила, что им пора обратиться за помощью к мозгоправу. Но они не люди. Быть может, подобное для них нормально, и никакой зловещей порабощающей связи на самом деле не существует. Что, если у них просто есть маниакальные наклонности? Без какой-либо магии. Можно ли им помочь в таком случае, если спасения они не желали? Айолин во всяком случае точно.

Я почти убедила себя забыть о тайнах гомункулов и заняться, наконец, своими делами, когда Айолин неожиданно обернулся ко мне. Лидия ещё не ушла с помоста, но он тяжело выдохнул, вымученно мне улыбнулся, а затем склонился и уткнулся мне в плечо, будто бы очень сильно устал.

До меня донёлся его приглушённый голос:

— Давайте уйдём отсюда. Передохнём в обители.

Мы направлялись сквозь толпу народа к зданию главной обители. По всем правилам мне полагалось ликовать из-за нежданно выпавшего шанса провести разведку перед первым в жизни воровством, но... сделать это мешал Айолин.

На крыше он внезапно схватил меня за руку и потащил прочь, будто мы сбегали от кого-то. По пути я попыталась осторожно высвободить руку, но гомункул лишь сильнее сжал пальцы. При этом мне казалось, что он совсем не контролирует свои действия. Взгляд мужчины был невидящим и отстраненным. Мыслями гомункул был где угодно, но не здесь.

Что ввергло его в такое состояние, оставалось лишь гадать. Неужели зрелище Лидии, стоящей возле принца? Но он должен был видеть их вместе не однажды. Или это просто тоска, оглушающая и граничащая с потрясением? Настолько невыносимая, что Айолин предпочёл сбежать?

Я чувствовала, что все мои предположения не верны, но всё, что мне оставалось — лишь озадаченно обернуться к Трэсу и Крису, что поспевали за нами.

Крылатый, подобно темноволосому гомункулу, погрузился в себя. Взгляд его блуждал по толпе, но, казалось, перед глазами его всё ещё стояла Лидия. Как бы едко о ней он не отзывался, беловолосый был связан со своей создательницей столь же крепко, как Айолин.

Леонталь, напротив, пристально сверлил меня взглядом, будто это я должна была разжевать ему, что происходит. Но я лишь пожалала на ходу плечами и отвернулась.

Возле здания обители гомункул, наконец, пришёл в себя, с удивлением взглянул на свою руку, сжимающую мои пальцы, и пробормотал:

— Прости. Просто...

— Просто что? — встрял Крис, разрушая нахлынувшее на гомункула желание объяснить происходящее.

— Мне стало как-то не по себе, — нашёлся с ответом мой друг, но мне казалось, что он совсем не соответствует действительности.

В главной обители стояла тишина. Насколько я знала, здесь всегда было не слишком многолюдно, а сегодня большая часть орденцев и вовсе отправилась праздновать, поэтому по пути мы практически никого не встретили.

Крис отвёл нас на третий подземный этаж. Там, судя по всему, располагались покои мастеров и прочих высших чинов ордена. У Леонтоля, как и положено, руководителю, были свои пусть и скромно обставленные, но довольно просторные покои.

— Отдыхайте, сейчас принесу что-нибудь поесть. — уходя, велел Крис, а напоследок зачем-то крикнул. — Только не вздумайте лезть в ящики!

Не знаю, что там скрывал парень, но никто из нас не походил на ушлого воришку... Пока. Я со стоном плюхнулась в старое кресло, вспомнив, что скоро мне придётся исправить эту досадную оплошность.

— Устала? — подозрительно заботливо поинтересовался Трэс, усевшись на подлокотник моего кресла. Он явно красовался, потому как крылья за спиной мужчины немного неуклюже вскидывались. Куда удобнее было бы просто стоять.

— Немного, — признала я. — Не люблю, когда много народа.

— Как тебе Лидия и Джарел? — с любопытством спросил меня беловолосый. — Не

правда ли отличная пара?

Не знаю, чего он ожидал от меня услышать, но я ответила честно:

— Понятия не имею. Но вместе смотрятся неплохо.

— Разве ты уже не высказалась раньше по этому поводу? — с другого конца комнаты раздался приглушённый голос Айолина. Он растянулся на кровати Криса и уставился в потолок. — Что-то на счёт того, что Лидия любит его до безумия.

Я почувствовала себя неудобно, когда Трэс впился в меня взглядом. Он ждал продолжения, но я лишь раздражённо отозвалась:

— Если вы хотите посплетничать о личной жизни вашей создательницы, сделайте это без меня.

— Ты такая бессердечная, Ольга, — Трэс подёргал меня за кончик косы. — Неужели у тебя не случилось безответной любви?

Ага, значит он признаёт-таки, что тоже Лидию любит?

— Почему же, была. Как и у всех, наверное.

Мои собеседники уставились на меня с величайшим сомнением. Но что с них взять? Они видят лишь симпатичную мордашку Генерис и никогда не видели закомплексованную Ольгу из старших классов.

Вдаваться в подробности мне не хотелось, потому что та история ни капли мне не льстила.

Первый курс университета. И я вчерашняя серая мышь, которая только-только почувствовала себя взрослой и свободной.

Есть в людях какая-то неодолимая вера в то, что новое место или обстановка, непременно, помогут тебе стать лучше. Сбросить старую шкуру и пустить пыль в глаза.

Чаще всего, они ошибаются.

Мне слишком вскружила голову атмосфера мнимой вседозволенности и то, что на меня обратил внимание красавец-однорупник. Кто же знал, что он просто увидел во мне неопытную девчонку, которую легко затащить в постель?

Вернее, волшебное чутьё знало. Но я упорно не хотела замечать предупреждений и не совсем понимала, как их толковать.

Мы повстречались, если можно так выразиться, целых четыре месяца. Пока я не узнала, что у него не одна такая. То-то встречи наши происходили так редко и спонтанно, а парни, с которыми он снимал квартиру, странно поглядывали на меня в редкие мои визиты.

То, что я чувствовала себя после той истории грязной и, что самое обидное, бесконечно глупой, ещё половина беды. Но я ведь правда привязалась к засранцу за время наших отношений.

— И как? — почему-то напряжённо спросил Айолин.

— Что «как»? Он изменил мне, мы расстались. Вот и всё.

«Он изменил мне» — озвучивать это всегда было сложно, когда позднее я разговаривала с подругами. Ком застревал в горле, и я чувствовала себя жалкой, беспомощной и почему-то виноватой.

Сейчас это уже давно дела минувших дней, и от Ольги из прошлого мало что осталось, поэтому голос мой был ровным.

— Как ты ему отомстила? — почему-то воодушевился Трэс.

Я покосилась на него, предчувствуя разочарование крылатого:

— Никак. За измены не убивают.

— Ещё как убивают, — хмыкнул беловолосый мужчина. — Мне приходилось вытаскивать из объятий Гуода четверых изменщиков. Трёх мужчин и одну женщину.

— Почему меня не удивляет соотношение мужчин и женщин в этой подборке, — я не удержалась от шпильки в его адрес.

— О, теперь ты ненавидишь мужчин? — с любопытством спросил крылатый.

— Отчего же? Просто от вас одни проблемы, — я даже не кривила душой, если вспомнить, что всё происходило сейчас со мной с лёгкой подачи Джарела. И Арда. — Только Крис симпатяга.

— Кошмар! — возмутился Крис, появившийся внезапно прямо из тени, которую отбрасывал на старый ковёр платяной шкаф. У меня возникло подозрение, что мастер зачем-то подслушивал нас. Не уверена, что права, но стоит держать в уме возможности парня. Просто на всякий случай.

В руках у Криса был поднос с едой, который он тут же плюхнул на туалетный столик возле меня и патетично заявил:

— Прости, Ольга, но ты не в моём вкусе!

— Знаю, ты предпочитаешь Магду, — я невинно улыбнулась и под возмущённый взгляд наставника стащила с подноса плюшку.

Вот за это я Криса и любила.

За то, что рядом с ним невозможно долго грузиться. А ещё за то, что при нём гомункулы стараются поддерживать ампула старших товарищей и не компостируют мозги странными разговорами.

Выдумывать предлог, чтобы пройтись по обители, мне не пришлось, как ни странно Крис сам предложил провести экскурсию. Гомункулы составить компанию нам отказались, поэтому мы отправились вдвоём.

Пока я шла по коридорам за Крисом, меня одолевали беспокойные мысли. Считалось, что боги не могут напрямую влиять на людей, но тем не менее Арду удалось подстроить для меня слишком многие события. Было ли предложение Леонталя жестом свободной воли? Или он всё-таки находился под влиянием тёмного бога, хотя сам этого не понимал?

— Зачем ты вызвался показать мне обитель?

— В прошлый раз ты её толком не рассмотрела. А сейчас ты уже заслужила право находиться здесь. Осталось всего полтора месяца, и ты принесёшь присягу, станешь полноправным рыцарем.

Каждое слово моего наставника падало тяжёлым грузом на совесть. Если пропажа половины сферы обнаружится, Крис поймёт, какую сыграл в этом роль. И отчего-то мне казалось, что он не простит моего предательства.

Было ли разумно иметь во врагах убийцу с тёмным даром? Едва ли. Но меня беспокоило совсем другое.

— А ведь сначала ты мне совсем не понравилась.

— Кстати, почему? Ну, если забыть об этом дурацком пророчестве.

Светловолосый парень обернулся и внимательно посмотрел на меня.

— Ты была похожа на зверя, который готов укусить протянутую ему руку. Больше полугода ушло на то, чтобы ты перестала смотреть на окружающих как на врагов и почувствовала себя дома... Ты ведь так никому и не рассказала, что с тобой стряслось. Ну, какая из тебя крестьянка? И даже горожанка. Все быстро смекнули, что ты из дворян, но выглядела как последняя бродяжка и шарахалась даже от собственной тени. Как же ты дошла до этого?

Молчание затянулось, и Крис подумал, что я не собираюсь отвечать, но мне хотелось быть откровенной. Тем более если этот разговор будет для нас одним из последних.

— Пришлось бежать от людей, обвиняющих меня в том, чего я не делала. Честно говоря, не знаю, что со мной бы было, не встретить я тогда на площади вас двоих.

— В чём тебя обвиняли?

— Не хочу говорить. После этого твоё отношение ко мне изменится.

Мастер остановился так резко, что я чуть не налетела на него.

Крис был не слишком высокого роста — всего-то самую малость выше меня, но отчего-то сейчас в его облике мне почудилось что-то угрожающее, а когда он заговорил, я услышала откровенную горечь:

— Кто я, по-твоему, Ольга? Я — убийца. И хотя все умудряются говорить об этом так, будто бы это просто должность в ордене, на самом деле, всё менее... чисто.

Я уже знала, что, если находилась такая цель, с которой обычные рыцари не могли справиться, на её устранение могли отправить троих — Крису, Айолину и мастера Анору. Впрочем, убийцей называли лишь Крису, видимо из-за послужного списка и грязной манеры боя. Мастера Анору все слишком уважали и боялись, чтобы называть так даже за глаза. А Айолина обычно не вспоминали вовсе.

— Мне было семь лет, когда я впервые убил человека, — он криво усмехнулся. — Ты, наверное, думаешь, что это было что-то вроде самозащиты, но нет. Моя мать подвела меня к связанному по рукам и ногам человеку, дала в руки ритуальный кинжал и сказала прирезать его.

Спазм подступил к горлу, когда я представила эту картину — бледного напуганного ребёнка, стоящего с кинжалом над жертвой.

— И я сделал это, — по тому, как Крис сказал это, я почувствовала, что кошмар всё ещё терзает его. — Я был ребёнком. У меня не было ни достаточных сил, ни знаний, поэтому я не мог правильно нанести удар. Он был не смертельным, слишком неглубоким... Тот мужчина вопил от боли, а мать заставляла меня пробовать снова и снова, пока он, наконец, не затих.

Голос наставника сделался отстранённым, а взгляд серо-зелёных глаз стеклянным. Там, где-то на дне, я видела то, что просто не имело права существовать в ком-то, кто только приблизился к порогу 18-летия.

Крис должен был творить глупости, развлекаться со сверстниками, дурить голову девчонкам и заниматься прочими делами ошалевших от «взрослой» жизни вчерашних подростков. А не вспоминать, как в семилетнем возрасте убивал людей по приказу матери.

— Но самое страшное, помимо ужаса, я ощутил, что неясный, непонятный голод внутри меня был утолён... Ты, наверное, не знаешь этого, Ольга, но таланты в той или иной степени влияют на своего носителя. А дары, близкие к первосути абсолютов, обладают самым сильным влиянием. Они больше всего определяют, каким человек станет. Дар моей матери, как и у меня, был тёмным. Поэтому она была... такой. Ард проклинает тех, кто приближен к нему — разрушением или похотью. У него есть много других инструментов, но именно эти два способны извратить душу человека сильнее всего. Проклятье разрушения и проклятье похоти могут проявляться по-разному. Например, разрушение может толкать тебя к убийствам или просто желать истязать кого-то физически или морально. Или чтобы тебя истязали, и ты был целью разрушения... Как повезёт.

Я вздрогнула. Если всё действительно так, похоже, Генерис, и правда, убила своих сестёр и брата.

— Проклятье похоти... Сама пофантазируй. Оно может выражаться в чём угодно.

— Так ты...

— Убийца, — это звучало как приговор, который Крис сам вынес себе ещё много лет назад. — Мне нужна чужая смерть. К счастью, как оказалось, моё проклятье можно кормить и просто монстрами. Но не скрою, убивать людей, куда приятнее.... А ты говоришь про какой-то там проступок.

Я замолчала, не зная, что сказать, но рациональная моя часть заставила отодвинуть эмоции на второй план и узнать больше.

— А если сопротивляться проклятью?

— Это верный способ рехнуться раньше времени. Приходится учиться с ним сосуществовать.

— И как часто тебе приходится... убивать?

Он рассмеялся, хотя я не видела ничего забавного в сложившейся ситуации.

— Ты что? Думаешь у меня есть какой-то рецепт от целителя? Мол, по одному убийству в месяц, и ваше душевное здоровье в порядке... Я просто чувствую, когда оттягивать больше нельзя. Навязчивые мысли начинают заполнять голову всё чаще, и тогда я беру внеочередное

задание на убийство какой-нибудь нежити. Не стань я рыцарем, пришлось бы идти в наёмники, охотники или ещё куда.

— А другие боги? — уточнила я. — Вот, например, у Лидии же светлый дар? Значит у неё тоже есть подобное проклятье?

— Да, — признал Крис. — И оно довольно серьёзное. Не проси меня рассказывать, в чём оно заключается, и так слишком многие знают о нём. Но я тебе так скажу, проклятья Квелты ничем для человека не лучше, чем Арда.

— Почему это происходит?

— Ты ведь знаешь, что боги не могут напрямую вмешиваться в нашу жизнь? Они вынуждены заманивать кого-нибудь к своему алтарю или использовать детей, зачатых у алтаря. В остальном боги действуют лишь в рамках своей первосути. Например, Квелта, даже если захочет, не сможет спалить всех теневых тварей светом или истребить нежить напрямую с помощью своей силы. А людьми, находящимися под влиянием первородных сил, проще манипулировать, чтобы распространить своё влияние. К счастью, людей, рождённых со светлым, тёмным или другими дарами от абсолютов, немного. Иначе страшно представить, что было бы.

— Значит, Умбра был таким же? Человеком с проклятьем?

Крис бросил на меня странный взгляд.

— Да, и похоже, он не слишком противился ему. И кормил сторицей. Пойдём, раз уж заговорили о нём, покажу, что удалось отыскать колдунам после вашего ухода...

— Постой! Мы что, идём в архив? — переспросила я, не веря в происходящее до конца.

— Ты имеешь что-то против? Мне кажется, покопаться в куче всякого старья куда веселее, чем осматривать туалеты мастеров...

Главный архив ордена располагался на втором верхнем этаже. Крис попросил меня остановиться чуть поодаль, а сам подошёл к неприметной двери и дотронулся до неё рукой. На поверхности дерева тут же проявилась... сеть, сотканная из сияющего пурпурного света. Иначе назвать изображение было трудно. Линии по всей поверхности двери переплетались между собой, образуя странные геометрические фигуры. Некоторые из них сияли голубым, красным или зелёным светом. Крис поочерёдно дотрагивался до цветных участков, и после каждого прикосновения по нему проходили всполохи света.

Леонталь стоял ко мне спиной, поэтому всех его движений я видеть не могла, но в голове возникла стойкая ассоциация с панелью управления или кодовым замком. Должно быть, очерёдность нажатия разных секторов имела значение. И после каждого прикосновения защитная система проверяла Криса.

Если верить Арду, магическая защита не должна меня заметить вовсе. Значит, мне нужно просто раздобыть ключ и открыть дверь как любую другую. Вот только стоит ли верить Арду?

Я чувствовала, что есть какой-то подвох, но в чём он заключался, пока сказать не могла.

Архив выглядел на редкость непрезентабельно. Мне почему-то казалось, что он должен быть похож на библиотеку — со стеллажами, уставленными книгами. Стеллажи, и правда, были, но на них громоздились лишь пыльные ящики, укрытые какими-то тряпицами.

— А ничего, что ты привёл меня сюда? — смешно, но мне почти хотелось отговорить Криса от экскурсии в это место.

— Ольга, перестань меня смешить и так благоговейно глядеть на эти полки, — парень фыркнул и исчез где-то в глубинах, за стеллажами. — Сама подумай! В ордене почти нет магов. Ничего особенно ценного и представляющего опасность мы хранить у себя просто не способны. Не то, что эффективно исследовать или использовать. Поэтому даже, если наши рыцари находят артефакты или другую магическую лабуду, мы передаём это академии с формулировкой «на временное пользование». То есть добыча формально всё ещё принадлежит нам, мы можем потребовать её в любое время, но на деле чахнут над ней именно маги.

У меня неприятно засосало под ложечкой. Если сейчас окажется, что орденцы передали книгу Умбры магам, дело дрянь. Я и в архив смутно представляла, как пробраться, не то, что в академию магии.

Крис вернулся через пару минут, держа в руках огромный ящик. Глаза парня азартно горели, лицо было перемазано в пыли, а сам мастер-убийца улыбался до ушей, словно мальчишка, предвкушающий, как будет показывать приятелю новые игрушки.

Несмотря на всю серьёзность ситуации, мне едва удалось не рассмеяться.

— Это всё, что у нас есть из вещей Умбры, — ящик плюхнулся на стол, а Крис принялся выуживать из его глубин разную... утварь?

Нет, серьёзно! В ящике лежала фляга для воды, чернильница, нож, деньги, куртка... Крис доставал и доставал разные вещи, которые казались столь обыденными, что никак не вписывались в скрап покойного колдуна.

— И это всё? — спросила я чуть насмешливо, внутренне холодея от мысли, что книгу всё же придётся добывать у магов. — А где ритуальные ножи? Чаши для крови или ещё что-

нибудь подобное?

— Сразу видно, что ты Умбру не застала, — чуть снисходительно отозвался Крис. — Он был скрытным, предусмотрительным и непредсказуемым. Именно поэтому ему удавалось так долго терроризировать Стейнхорм при малых силах последователей.

— Если он был настолько хорош, почему же всё-таки проиграл?

— Его заинтересовала Лидия. Не знаю уж, зачем она ему понадобилась, но он допустил ошибку и подпустил её к себе слишком близко. Как заблокировать её магию света он придумал, а от природного дара скрыться не сумел. За это и поплатился. Я вспорол ему живот, выйдя из ближайшей тени.

Об убийстве колдуна Крис говорил буднично, ничуть не сожалея и не рефлексировав на этот счёт.

— Постой, — в голове у меня не укладывалась одна мысль. — Я только сейчас поняла... Природный дар Лидии же не светлый!

— О чём это ты? — несколько раздражённо переспросил Крис. — Разумеется, светлый, иначе она не смогла бы развиваться в этом направлении как маг.

— Но ты сам подумай, — мне почему-то казалось, что я ухватила за хвост очень важную деталь. А почему, пока и сама не знала. — Если верить тому, что говорят, природный талант Лидии в нейтрализации любой магии.

Я видела, что Крис испытывает явный дискомфорт. Пусть о даре Лидии и знала, каждая подзаборная собака, но из-за общего отношения к этой теме в Орме, мой друг испытывал неловкость. С тем же успехом он мог обсуждать со мной интимную жизнь своей названной сестры.

— Да, верно. Ей для этого достаточно прикоснуться к объекту.

— Ну, и сам подумай, при чём тут свет? Я бы сказала, что дар у Лидии нейтральный, явно не относящийся ни к какой из первосудей. Поэтому и Умбра его заблокировать не смог.

Парень явно сомневался. Похоже, он просто не задумывался над этим до сих пор. Во-первых, Крис не маг. Во-вторых, картина мира большинства жителей Орма проста. Почти у каждого есть дар. Если дар способен к развитию, значит ты маг. Однако твои силы всегда будут завесить от природного таланта. Нельзя владеть тёмным даром и стать светлым волшебником. Поэтому, если кто-то светлый маг, то и дар его, ясен пень, светлый.

И тут я предлагала ему задуматься над тем, что это, оказывается, не так.

— Звучит здраво, но мне тогда ничего не понятно. Может, это потому что Лидия иномирянка? Светлая сила у неё была сразу после появления в Орме, а дар пробудился позднее.

— Может, и так, — не стала я спорить. Были дела и поважнее.

Забыв про Лидию, мы вернулись к разговору об Умбре. Крис рассказывал о нём с некоторой долей уважения. Если верить ему, колдун доставил немало хлопот, сумев объединить последователей Арда, которые до появления лидера представляли собой кучку опасного, но всё-таки сброда. Мать Криса и её соратники, кстати, тоже были частью армии колдуна. Правда, сам Крис Умбру ни разу не видел до дня смерти последнего.

— Так вот, если у него и были безграничные запасы ритуальных ножей, чаш и связанных девственниц, их мы не нашли. Конечно, в том убежище, которое отыскивали рыцари по следам разбежавшихся магов, было много интересного, но всё больше — плоды творения приспешников колдуна, не его самого. У мёртвого мага мы нашли меч, который Лидия забрала себе. Ей позволили его оставить, потому что он был обычным, без примеси магии. А

вот магический медальон, несколько зелий и зашифрованную книгу забрали волшебники...

Я уставилась на деревья за окном. Голова опустела, и разом навалила вселенская усталость. Зачем Ард дал мне наводку на архив, если книги здесь давно нет? Смеха ради? С него бы стало.

— А нам достались кружки, ложки и постыдные записульки Умбры, — Крис неожиданно выудил, книгу, лежащую на дне коробки. Растрёпанные листья, испещрённые ровным почерком, топорщились в разные стороны. Кожаная обложка была потёрта, а на корешке выступала знакомая полусфера...

Сердце пропустило удар. Ладони предательски вспотели.

— Это, своего рода, достопримечательность. Стихи Умбры!

— Чего? — не поняла я и уставилась на довольного Криса. Тот помахивал книжицей с маячившей половинкой артефакта, словно отгонял от себя стаю мух.

— А ты послушай!

Крис прокашлялся и театрально зачитал:

Лишь Арда сонм войдёт в безликий Дэс,

И ужасом наполнятся сердца,

Как грянет град с раздавленных небес,

На век закроются предателей глаза...

Я засмеялась. До слёз и боли в боку. Просто не могла перестать хохотать.

Книга с шифром.

Не удивлюсь, если в той книге, которую забрали себе маги, нет вообще ничего стоящего.

— Ольга, — деланно возмущился парень. — Хватит так откровенно ржать. Не настолько он уж и плох в сочинительстве... Хотя нет, пожалуй, всё-таки плох.

— Прости, — я вытерла выступившие слёзы и, едва сдерживая смех, выдавила. — Но как-то очень трудно представить тёмного колдуна, строчащего эти верши.

— Не тебе одной. Сначала маги и рыцари решили, что это тоже какой-то шифр. Но за два года исследований не удалось найти ничего подозрительного. Поэтому, боюсь, всем нам нужно просто принять тот факт, что Умбра глубоко в душе был поэтом. Более того, в наш архив выстроилось целое паломничество, когда выяснилось, что здесь хранится сборник стихов тёмного колдуна...

Мастер заглянул в ящик, и неожиданно лицо его вытянулось.

— Опять! Опять не хватает вещей. Что стащили на этот раз?

Лицо Криса приняло страдальческое выражение, а я едко заметила:

— А ты поменьше в архивы экскурсии води, может, меньше воровать начнут.

— Вижу, ты не высокого мнения о том, кто тебя, можно сказать, в канаве нашёл, помыл, к делу пристроил... — дальше поясничать парень не стал, очевидно растеряв настрой на веселье после обнаружения пропажи.

Быстро сложил вещи в ящик и унёс его вглубь рядов. Я запомнила примерное расположение и понадеялась, что сумею позднее найти нужное быстро.

— Надо будет переговорить с мастерами, чтобы сократить круг лиц, которым доступен вход сюда. Казалось бы, это и так не более десяти человек. Однако же они регулярно что-нибудь берут на время, а потом забывают вернуть. И ладно бы оформили нужную документацию, чтобы потом знать, где и что искать, но нет...

Крис ворчал, словно старый дед, а я понимала, что лезть в архив надо сегодня. Второго такого шанса может не быть.

Я распрощалась с троицей примерно через час, когда заговорили о возвращении в загородную обитель. Не знаю, где ночевали Трэс и Айолин в последние дни, но сегодня они собирались вернуться под крышу рыцарской «школы». Крис оставаться в столице тоже не горел желанием, поэтому почти с облегчением закрыл свою комнату на ключ и, не оборачиваясь, пошёл к выходу.

Мне, чтобы остаться одной, пришлось сослаться на то, что нужно ещё кое с кем встретиться в городе. Ни Криса, ни крылатого гомункула моя отговорка не встревожила, только Айолин бросил на меня странный взгляд и попросил быть внимательнее на улицах города. Я клятвенно пообещала быть осторожной и нырнула в поредевшую к вечеру толпу народа.

Если есть что-то, что я не люблю, так это действовать с бухты-барухты. С надёжным планом, предусматривающим форс-мажоры, живётся гораздо проще, пусть иногда и приходится импровизировать.

Но сейчас у меня не было ни времени, ни достаточной информации, чтобы как следует подготовиться к первому воровству в своей жизни. Зато чутьё твердило, что лучшей возможности не придумаешь. Из-за праздника многих орденцев не было в обители, и часть из них наверняка придёт либо очень поздно, либо не придёт вовсе. Был, конечно, и минус у всего этого праздничного ажиотажа — какая-нибудь подвыпившая компания, загулявшаяся допоздна, вполне может заметить, как я пытаюсь влезть на второй этаж здания. Но тут уж, что поделать. Везде соломки не постелешь.

Забираться в обитель я планировала именно через окно. Пока Крис доставал из ящика хлам, принадлежащий когда-то Умбре, я внимательно осмотрела створки. Они оказались довольно хлипкими и, наверное, вообще не представляли бы никакой особой защиты, если бы не лёгкая сияющая сеть магического заклинания поверх.

Я смутно себе представляла, что должны были делать чары на окне, но они были. Защита могла просто запирает створки намертво, укреплять их или работать как сигнализация. Оставалось надеяться на то, что, как и говорил Ард, магия просто не заметит меня.

Дождавшись темноты, я осторожно перебралась через каменный забор, окружающий задний двор обители. На моё счастье, стена была не слишком высокая, и её густо увивал плющ, чьи побеги выдержали мой не слушком внушительный вес.

На самом деле это только на первый взгляд могло показаться, что мастера отнеслись к защите обители беспечно. На ограждении и здании сияли охранные магические кристаллы, вроде тех, что берут с собой в дорогу. Только большие, каждый с голову человека. Их мощности достаточно, чтобы не пропустить многих тёмных тварей внутрь обители. Подобная система защиты есть и в загородном поселении ордена.

Дверь, ведущая на задний двор, и окна первого этажа не выглядели особенно внушительными. Но я знала, если подойти вплотную, на них наверняка будет заметна магическая сеть, а это значит, что они не пропустят никого незваного внутрь, а то и вовсе огреют какой-нибудь магией. Не сомневаюсь, должны быть и ещё сюрпризы, о которых не положено догадываться посторонним.

Хотя свет в окнах давно погас, я старалась передвигаться в тени деревьев, мало ли кто-

то может стоять у окна в потёмках и заметить незваного гостя. Меня трясло от волнения и холода. После тёплого дня ночная прохлада опустилась неожиданно быстро, а куртку я непредусмотрительно не взяла с собой. Оставалось с содроганием предвкушать ночёвку на улице — городские ворота закрывают на закате, а значит до рассвета Дэс мне не покинуть. Впрочем, была у меня в голове одна идея... Настолько же сумасбродная, как то, что я сейчас собиралась сделать.

Когда ты наблюдаешь в кино, как какой-нибудь ниндзя забирается на дерево, всё выглядит до смешного просто. У меня же сводило от страха колени, ладони разом взмокли и ослабели. И дело было не только в моей извечной боязни высоты. Сейчас я с куда большей охотой сразилась бы с монстром один на один, чем обворовывала бы людей, которые дали мне приют. Пусть и с подачи Арда.

Тем не менее тренировки давали о себе знать. Мне удалось подтянуться на ветке и забраться на толстый ствол старого дерева, чьи ветви раскинулись над значительной частью заднего двора. План был одновременно прост и безумен. Спрыгнуть с дерева на навес над запасным входом и оттуда, по узкому выступу стены, как-то обратиться до окна.

Первую часть удалось исполнить почти без проблем — я приземлилась сравнительно тихо, умудрившись не перебудить всю обитель. А вот карниз, по которому я хотела пройти, оказался до ужаса узким, одно неверное движение — я повалюсь спиной на землю. И в худшем случае, это падение станет последним в моей жизни...

Над этим вариантом я старалась не думать, смотреть только вперёд на чуть поблёскивающее в лунном свете окно. Руки и ноги сводило судорогой от страха, пульс бешено стучал в ушах — я почти ожидала, как кто-нибудь закричит, заметив меня, и тогда всё пропало.

Прошла целая вечность, прежде чем носок моего старого сапога ткнулся в подоконник. Я не стала торопиться и переходить на него. Сначала убедилась, что в тёмной комнате никто не читает какую-нибудь книгу при свете лучины и лишь затем покинула узкий карниз.

Магическая сеть в лунном свете сияла едва уловимо. Я угадывала разноцветные сектора, похожие на те, что были на двери, но они мне, конечно, не о чём не говорили.

Я позволила себе всего мгновение сомнений. Деваться было некуда. Каждая минута промедления увеличивала шансы обнаружения. Если Ард обманул меня, я всё-таки постараюсь схватить половинку сферы, забаррикадироваться внутри и соединить части артефакта. Быть может, вернувшийся к жизни Умбра поможет разрешить возникшую проблему. Или просто убьёт меня, и проблем вовсе не останется...

Чуть влажные пальцы руки коснулись стекла. И ничего не произошло. Только стекло было странно тёплым, несмотря на холодный ночной воздух. Я хотела было попытаться толкнуть створку, когда внизу послышался скрип оконных створок и кашель.

Буквально физически я почувствовала, что кто-то прямо подо мной распахнул окно и замер, разглядывая задний двор. И хотя из своего положения человек меня никак видеть не мог, я замерла и буквально задержала дыхание.

Некто стоял у окна, а меня, будто пожар, постепенно охватывал страх провала. На Земле достаточно быть тихим и спрятаться от чужих глаз, чтобы тебя не заметили — тепловизоры и другая спецтехника не так распространена в обиходе.

Но здесь, в Орме, талант человека может быть абсолютно любим.

Что, если тот, кто стоит подо мной, может слышать стук сердца живых существ? Или дерево, растущее в саду, позвало его, рассказывая о ночном госте?

Параноидальные мысли роились в голове — одна страшнее другой. Я понятия не имела, на что способны ордены, даже самые безобидные из них. А под крышей этого дома жили четверо — лучшие из лучших. И почему-то я была уверена, что прошмыгнуть под носом у мастеров мне не удастся.

Но тут послышался глубокий вздох, будто неизвестный разделял мою печаль. После этого окно затворилось, и звуки стихли. Выждав для верности ещё несколько минут, я начала взламывать окно.

По большому счёту я его просто сломала. Знай я заранее, что придётся вскрывать окно, то захватила бы что-нибудь, что могло бы помочь в деле, но до экскурсии Криса я могла лишь смутно догадываться, где находится архив.

Крепление петли, на которую накидывался крючок, закрывающий окно изнутри, не выдержало напора. Гвозди покинули разошедшееся от времени дерево, и металлическая деталь со звоном упала на пол.

Проворно, на тот случай, если кто-нибудь всё же услышал не самые тихие звуки моего проникновения, я заскочила внутрь, прикрыла за собой окно и прихватила отвалившуюся деталь. Я собиралась попытаться вставить крепление обратно в пазы, оставшиеся от гвоздей. Может быть, это поможет скрыть проникновение.

Хотя в лунном свете стеллажи с ящиками лишь угадывались, я хорошо запомнила, куда уносил Крис пожитки Умбры. Сочинения тёмного колдуна я нашла почти на ощупь, как и выступающий камень.

Оторвать его оказалось не так-то легко. Впрочем, я решила не особенно церемониться. Надеюсь, мои подозрения верны — и Умбра сочинил эти верши лишь для отвода глаз и не будет мне мстить за непочтительное обращение с его творчеством.

Камень оказался у меня в руке, но пока я не торопилась с соединением половинок. Если окажусь в безвыходной ситуации, тогда ещё можно попробовать, но сейчас... Как отреагирует защита обитатели на появление в её границах призрака тёмного колдуна? Наверняка самым правильным образом — может, уничтожить и не уничтожит, но мастера уж точно поймут, что кто-то проник в архив.

— ... ничего не пойму, — раздался глухой голос из-за двери. — К чему такая спешка? Можно посмотреть и завтра!

Кто-то невидимый пока прикоснулся к двери с той стороны. Сеть защиты загорелась ярче, а я заметалась по комнате пытаюсь понять, куда лучше спрятаться. О том, чтобы вылезти из окна и речи не шло. Если проникновение обнаружат, я не успею быстро покинуть карниз и стану лёгкой мишенью.

К счастью в самом углу архива обнаружили большие ящики с ветошью. Прежде чем ключ повернулся в замке, я успела забраться в один из них и накрыться каким-то тряпьем.

— И, главное, я понять не могу, зачем им столько кристаллов? — раздражённый голос говорящего показался мне знакомым. Но вспомнить, кому он принадлежит я так и не смогла.

— Говорят, принцесса Лидия хочет опробовать в лечебнице какой-то новый способ исцеления, и для этого нужно много накопителей, — отозвался второй мужчина. Его голос был мне не знаком.

Скверное предчувствие, что поутихло с моего прошлого визита в город, возникло вновь. Что-то не так было с бесплатной городской больницей, задуманной моей соотечественницей. Но что именно, благодаря только чутью, разумеется, не узнать.

— И всё же я не понимаю, к чему такая срочность и зачем трясти с ордена наши запасы кристаллов? Сделали бы запрос. В конце концов, кристаллические шахты принадлежат королевской семье.

— Видать, король не горит желанием тратить дорогой ресурс на бедняков, — добродушно отозвался собеседник. — А запустить больницу хотят до конца года. Но в любом случае, нам грех не помочь светлой волшебнице в благом деле.

До меня донеслось скрежетание ящиков и лёгкий стук кристаллов. Видимо, полуночные гости складывали запасы камней в принесённые мешки.

— Странно, — вдруг раздался голос одного из них. — Почему-то здесь пахнет женщиной.

Я похолодела от кончиков пальцев до пят. То, чего я опасалась, случилось. Я, разумеется, не пользовалась в этом мире никаким косметическими средствами — у меня их просто не было. Значит, говорящий уловил какой-то более... физиологичный запах. Такой, какой не учует обычный нос, тем более с такого расстояния.

— Поверю тебе на слово, я ничего не чувствую. Может, Анора заходила?

— Ты же знаешь, что я прекрасно помню, как пахнут все наши, а тут кто-то незнакомый.

Я почти увидела, как говорящий принялся подозрительно озираться.

— Запах не слишком сильный, но всё же есть...

— Постой. Сегодня же Леонталь приводил сюда с экскурсией свою ученицу.

— Да? Ну надо же. Неужели нашего юного гения, наконец, заинтересовали девушки?

— Понятия не имею. Сам спроси.

— И спрошу. Давай сюда мешок.

Негромко переговариваясь, орденцы покинули архив и вновь активировали защиту. Лишь после этого я смогла перевести дыхание.

Осмелев после удачной вылазки, я чуть было не активировала артефакт прямо на улице города. Но остановило меня то же, что и тогда в обители. У всех городов существовала защита, отпугивающая тёмных тварей, её поддерживали городские волшебники. Она спасала не ото всех созданий Тьмы, но от многих.

Возникновение духа Умбры на улицах Дэса могло обернуться чем угодно, поэтому я решила запастись терпением и соединить половинки сферы за городом, на пути в обитель ордена.

Ночь я провела... на чердаке. Положившись на своё чутьё, выбрала один из домов, утопающих в темноте, и забралась под самую крышу к неприметному круглому окошку. Охранная сеть на нём была совсем простой, в сравнении с той, что украшала все входы и выходы обители. И, как ожидалось, чары вовсе не заметили меня.

Не знаю, чей это был дом, но обильный слой пыли на старых ящиках и тюках внушал надежду, что хозяин вспомнит про существование чердака ещё не скоро. Поэтому спала я относительно спокойно и даже не видела снов, уставшая после чересчур насыщенного дня.

Гораздо труднее оказалось покинуть чердак. Я надеялась проснуться на рассвете, но измотанность дала о себе знать и, когда я, наконец, разлепила глаза, на улице уже вовсю кипела жизнь. К тому же откуда-то снизу доносились звуки и голоса — похоже, домочадцы тоже проснулись.

Подходящей возможности покинуть место ночлега мне пришлось ждать с полчаса. О том, что я скажу наставникам в оправдание за своё опоздание, даже думать не хотелось. Утешало одно — даже, если меня решат выгнать за самовольную отлучку, основное дело уже сделано. А мешок со скудными пожитками мне удалось заранее спрятать за пределами обители.

Мои ноги едва успели коснуться мостовой, как за спиной раздался насмешливый голос: — Ну, надо же. Не думал, что у тебя есть такое интересное хобби.

Я обернулась и взглянула в знакомые светлые глаза. Айолин в лучах раннего утреннего солнца казался настолько неземным, что было почти больно. Одень его в подходящие одежды, и мог бы гармонично вписаться в пейзаж какого-нибудь дивного эльфийского леса.

Вот только эльфом он и не был. Как и идеальным рафинированным созданием. Я смотрела на него и, как и всегда, впитывала в себя каждую деталь. Волосы завязаны в чуть небрежный хвост. Глаза, в которых, помимо привычных лукавых искорок, мне чудится некоторая настороженность.

Одежда та, что он носил вчера...

— Ты что, не спал?

Я знала, что гомункул спит не часто, но обычно в обители он старался хорошенько восстановить свои силы.

Мужчина разом посерьёзnel.

— Вечером мы решили устроить небольшую попойку. Но, когда я пришёл искать тебя, Магда сказала, что ты ещё не возвращалась. Я забеспокоился.

Значит, Айолин нашёл меня с помощью своих способностей. И они столь точны, что позволили ему с лёгкостью обнаружить меня на улицах столицы...

Странно, но мне даже понравилось беспокойство гомункула и то, что он отложил все

дела и отправился на мои поиски. Судя по тому, что гомункул поспел в Дэс так рано и по его внешнему виду, он обернулся в сторону города ещё ночью и дожидался, пока откроют ворота.

Но для воровки, которая нынешней ночью обчистила архив Ордена пятерых, нет ничего хорошего в том, что один из лучших убийц организации может найти её так запросто... Как бы выведать, как он это делает?

Гомункул бросил на меня искрящийся весельем взгляд. Похоже, он примерно представлял о чём я думаю, и по мимолётной улыбке я поняла, что расспрашивать бесполезно. Он ни за что не выдаст своего преимущества. Хотя бы потому, что Айолину доставляло явное удовольствие видеть мою заинтригованность.

— Я не успела покинуть город до темноты, — я смутилась, сама не зная почему. — Пришлось импровизировать.

— Вот как? — Айолин зачем-то шагнул ко мне ближе, склонился и понюхал мои волосы.

— Эй, что ты делаешь?

— Да так, — мимолётно улыбнулся этот невыносимый тип. — Хотел проверить одну свою догадку.

Неужели он нашёл меня по запаху? Да нет, ерунда. Это вчерашний орденец с его супернюхом меня смутил. А у Айолина способности явно другого рода. Крис и Трэс ещё немного подшучивали по этому поводу над ним.

— Пойдём, пора возвращаться. К завтраку мы уже не успеем, но может быть удастся раздобыть что-нибудь съедобное.

Лошадь Айолина мы забрали из городской конюшни — в дни праздника передвижение по городу верхом было запрещено без крайней необходимости. И меньше толчеи, и дополнительный доход в казну за арендованное стоило и корм. Мне пришлось сесть позади мужчины и обхватить его руками. В сказках такая поездка считалась бы дико романтичной, но в реальности это было просто неудобно, к тому же, к своему стыду, я до сих пор не могла привыкнуть даже к одиночным поездкам в седле. Не то, что к таким экстравагантным.

Некоторое время мы ехали молча, но я отчего-то знала, что мой спутник хочет что-то сказать мне. Наконец, гомункул решился.

— Скоро я увижусь с Лидией. Она передала с Крисом сообщение, что хочет встретиться со мной, — я не видела лица моего друга, но угадывала в его голосе странную, не свойственную ему неуверенность.

Мы мало обсуждали с гомункулом его личные дела, но я чувствовала, что ему хочется с кем-нибудь поделиться происходящим. Айолин старался не выдавать, насколько его взволновало сообщение Леонтия, но любому, кто был знаком с его ситуацией, всё и так было ясно.

Я ощутила гадкое чувство, будто десятки холодных скользких змей зашевелились где-то в душе. Неприятное предчувствие вкупе с чем-то боле личным не давали мне порадоваться за Айолина искренне. Да и стоило ли это того? Раз Лидия решила вдруг встретиться со своим творением, значит, ей что-то нужно.

— Ты знаешь, о чём пойдёт речь?

— Пока нет, но уверен, скоро всё прояснится. Крис через две недели встретится с ней снова, и тогда она сообщит точное время и место.

Мне казалось, я слышу в его голосе призрак надежды — такую несёт в себе безответно

влюблённый. Своей левой рукой, что обнимала мужчину, я чувствовала гулкой стук его сердца. Частые-частые удары. Он, и правда, был взволнован.

Я закрыла глаза, уткнувшись лбом в сильную спину и внезапно вздрогнула от неприятных мурашек, пробежавших по телу.

— Прости, — повинился гомункул. — Я не учёл, что тебе может быть холодно. Достань из седельной сумки плащ.

— Всё нормально. Осталось немного, и мы будем на месте.

Нет, всё плохо. Почему я так сопереживала гомункулам? Айолину, Трэсу и незнакомому мне пока Киа. Наверное, я чувствовала странное сродство с ними. Они были похожи на меня — такие же отщепенцы. А ещё я видела что-то противоестественное, болезненное и нелепое в них. Будто их личности и то, что делало их не такими как все, рассыпалось в пыль, стоит лишь зайти разговору о Лидии.

Мне хотелось быть тем человеком, который, если не всем, то хотя бы одному Айолину, поможет разогнать этот морок. Но это желание было тщетным и необоснованным — у меня не было на это ни сил, ни прав.

В начале осени сегодняшние новобранцы принесут присягу и станут полноправными членами ордена. И в этот день меня здесь быть уже не должно. А, значит, и пути мои с гомункулами разойдутся навсегда.

Заняться артефактом я смогла лишь через пару дней. Наставники нагрузили меня дополнительной работой в наказание и назидание остальным. Поэтому всё свободное время мне было не до мёртвых колдунов: я драила котлы, мыла посуду и полы, готовила кашу и пропадала в прачечной.

Оставалось лишь запастись терпением и ждать, когда орденцам, наконец, надоест припоминать мне проступок, и они ослабят бдительность...

В тот день я освободилась раньше обычного и решила навестить свой тайник, устроенный в лесу неподалёку от обители. Я буквально печёнкой чуяла, что что-то должно пойти не так при активировании артефакта, поэтому предпочла убраться подальше от возможных лишних глаз.

Ни Криса, ни гомункулов в тот день в обители не было, поэтому хватиться меня не должны были до самого вечера. Из остальных орденцев я вяло интересовала только Грига, но после нашего полевого выезда он явно охладел ко мне. Похоже, то время, что он провёл вдвоём с Меллой, занимаясь выхаживанием Хорса, пошло на пользу их отношениям.

Я нашла нужное дерево быстро. Мой мешок хранился в старом дупле, засыпанный грудой трухи и лесной земли — даже если кто-нибудь догадается заглянуть внутрь, ничего предосудительного не заметит.

На самом деле прятать вещи в лесу было рискованно. За несколько месяцев мелкого воровства, мне удалось умыкнуть с кухни обители приличное количество крупы. Воровала я её буквально по горсточке во время своих дежурств, заворачивала в платок и выносила за пазухой. И вся эта с трудом добытая пища могла быть запросто съедена лесными грызунами.

К мелочам, вроде верёвки, огнива и купленным на выигранные от пари деньги вещи, добавилось ещё кое-что существенное. А именно сменная рубашка и штаны. Их пришлось воровать прямо из прачечной грязными и постирать пока возможности, к сожалению, не было. Усугубляло проблему и то, что одежда была мне откровенно велика. Но, увы, укради я что-то более подходящее по размеру, разоблачения было не избежать — схожей комплекции девушек в обители немного.

Было немного совестно пусть и не напрямую, но подставлять кого-то из новобранцев, воруя мужскую одежду, однако, выбора не было. К тому же не думаю, что я первый нечистый на руку новичок за всю историю ордена.

Ещё одной добычей стала жестяная миска, которую я планировала использовать вместо котла. К сожалению, о воровстве нормального походного котла и речи не шло, изделия из металла очень ценились, и даже эту старую посудину искали ещё с неделю после пропажи.

Скажи мне кто-нибудь пару лет назад, что я буду тащить всё, что плохо лежит, я покрутила бы у виска. Никогда не могла понять тех, кто ворует чисто из любви к процессу. Не из какой-то великой нужды.

Но, правду говорят, от сумы и от тюрьмы не зарекайся. Смешно, что в этом мире я уже успела пройти и через первое, и через второе...

Я замерла под деревом, глядя на две половинки у меня в руках, и попыталась припомнить суть нашей сделки с Ардом, каждое его слово.

Бог Тьмы обещал, что активированный артефакт или вернувшийся к жизни колдун не убьют меня. А после выполнения поручения я буду в безопасности и смогу обустроиться в этом мире.

Чёрт, почему мне кажется, что всё это слишком хорошо, чтобы быть правдой?

Я медленно выдохнула и, обхватив вспотевшими ладонями полусферы, соединила их... Предчувствие, трезволившее об опасности, в последний раз подняло голову и обречённо сникло. Лишь в этот миг я поняла, всю глубину обмана Бога Тьмы.

Но было уже поздно.

Тёмная сила потекла в меня, будто тягучая смола. Она пожирала меня дюйм за дюймом, заставляла задыхаться и кричать от чувства невосполнимой, ужасной потери. Каждой частицей чувствовала, как некто вытесняет меня из тела. Миллиметр за миллиметром сминает то, что было самой моей сутью, загоняет куда-то в тёмную бездну.

Я чувствовала гнилостное присутствие колдуна внутри меня. Он становился всё больше и больше, давил любой намёк на сопротивление с моей стороны. Я чувствовала, как его полубезумное сознание заполняет до краёв. Ещё немного и меня не останется вовсе, но...

Сдаваться я не собиралась. Не сейчас, когда свобода от служения тёмному богу была почти у меня в руках. Наши воли схлестнулись, я ощутила чужую досаду, порождённую моим сопротивлением. Колдун ударил меня с новой силой, попытался схватить в тиски, но я не дрогнула. Лишь шаг за шагом, словно путник, идущий против сильнейшего ветра, продвигалась вперёд, оттесняя тёмного духа к границам своего сознания.

Умбра дрогнул.

И в этот миг случилось то, чего не мог предсказать ни он, ни я, ни, быть может, даже сам Ард.

Наши души — моя и тёмного колдуна просочились друг в друга, смешались, словно две инородных жидкости, налитые в одну ёмкость. И я увидела и ощутила то, чего не должна была.

Маленький смуглый мальчик стоит у грубо сколоченного стола. Его волосы растрёпаны, а одежда грязна, руки спрятаны за спиной. Он исподлобья смотрит на усталую женщину. Я наблюдаю картину со стороны буквально миг, а потом растворяюсь в ребёнке. Сама становлюсь им и забываю собственное имя.

Смесь страха, вины и безнадёжной любви разрывает моё сердце. Но где-то внутри ещё теплится надежда, что однажды он станет таким ребёнком, которого мать сможет полюбить, обнять и даже, быть может, поцеловать на ночь. Он не понимает, почему она так ласкова со старшими братьями и сёстрами, но даже не хочет смотреть на него...

Сцена сменяется, и вот уже я стою, у прикрытой двери и через щелку заглядываю в комнату, из которой раздаются душераздирающий вопли:

— Да ни к одной порядочной женщине Ард не является!

Слышатся звуки ударов и подвывания. Из-за слёз, застилающих глаза, я плохо вижу происходящее, но и того, что успеваю увидеть, хватается, чтобы дрожать от страха. Мать лежит на кровати, прикрывая голову руками, а огромные кулаки отца обрушиваются на неё.

— Я тебя зашибу, сука! Небось, сама нагуляла ублюдка, а кормишь меня байками про алтарь!

Он бьёт её с таким остервенением и силой, что я буквально ощущаю это каждой косточкой. Я не понимаю ни слова, но инстинктивно угадываю, что это я — причина злости отца.

Рыдая, не видя ничего от слёз, забегаю в комнату и кричу:

— Не трогай маму!

Видение исчезает, а за ним идёт череда других. И везде я вижу затаённую ненависть матери. Ненависть к ребёнку, которого она зачала у алтаря Арда. От которого не могла избавиться в утробе, чтобы не навлечь гнева бога. Он стоил ей мира в семье, добрых отношений с соседями, счастья.

Она хотела, чтобы он куда-нибудь исчез. Но даже муж, колотивший её смертным боем и утверждающий, что никакого алтаря не было вовсе, не трогал мальчишку. Слишком уж боялся, что Ард отомстит за своё орудие.

Моя жизнь, которую я проживала вместе с колдуном, была бы совсем невыносимой, если бы не одна из старших сестёр — Гилда. Остальные братья и сестры, перенявшие отношение отца и матери, сторонились Умбры как прокажённого. Они не совсем понимали, в чём провинился черноволосый и смуглый, так не похожий на них мальчик, но чувствовали, что родители его боятся.

Как и жители всей деревни.

Только Гилда не боялась.

Лишь её объятья он помнит. Лишь она гладила его по голове, рассказывала сказки, чтобы отвлечь от грустных мыслей и очень беспокоилась о том, как будет жить младший брат после её замужества.

Дар Гильды помогал всегда выбрать правильную дорогу. Сестра знала, как быстрее и безопаснее всего добраться до любого места. Он ни раз и не два выручал детей, когда они хотели прогуляться в лесу и не быть застуканными родителями или сельчанами.

Тот овраг они нашли вместе и долго копали землянку, в которой затем устроили себе тайное убежище. Откуда-то пришло смутное узнавание очертаний темного логова. Только *тогда* оно не было таким грубо и наспех сделанным...

Они проводили в землянке многие часы — мастерили игрушки, играли в овраге или мечтали. О том, как станут взрослыми и самостоятельными, поселятся отдельно. Да хотя бы здесь же!

Редкие мгновения радости испарились, я почувствовала, что стала старше. И в это время впервые появились провалы в памяти. Родители ничего не объясняли ему. Да и он уже давно их ни о чём не спрашивал, понимая, что шаткое подобие мира возможно лишь тогда, когда он не показывался им на глаза. Но Гилда, живущая уже отдельной семьёй, не забыла брата. Отвела его к знахарке и упросила её посмотреть на ребёнка и сказать в чём дело.

Он помнил тот день и ответ старухи отчётливо:

— То, чего ты не помнишь — принадлежит Арду. Он вселяется в твоё тело, несчастное дитя. Но уходи отсюда! Не хочу привлекать внимание тёмного бога. Вдруг и мои старые кости ему на что-нибудь сгодятся.

Их приграничной деревне часто приходилось туго. Ждать помощи от лорда слишком долго — пока гонец доберётся до ближайшего городка, чтобы попросить помощи, всё уже случится. Жители селенья привыкли рассчитывать на себя, но в тот раз это им не помогло.

Те, кто пришёл по их душу, не были простыми разбойниками, вчерашними крестьянами. Они спустились с гор и принадлежали к одному из племён, которым обычно не было дело до жителей Стейнхорма. Но Умбра чуял исходящий от них смрад Хаоса и Тьмы, а ещё они прекрасно владели воинским ремеслом. Чужаки напали внезапно и среди белого дня. И ни

один из талантов деревенских жителей не мог дать им отпора, кроме дара юного колдуна.

Его дар был тёмным. Тёмным и горьким. Исполнение почти любого желания. Только и нужно, что заплатить соразмеренную цену — и платить надо лишь самым важным и дорогим.

Только вот мальчик этого не знал и был опьянён первым проявлением своего могущества. Он смотрел, как осыпаются в прах тела врагов, и представлял, что благодарные жители деревни, наконец, примут его. И, быть может, станут считать настоящим героем...

Только отчего-то не только тела врагов осыпались прахом.

Он помнил горе, застывшее в глазах молодого мужчины, разом потерявшего и жену, и дитя, что она носила под сердцем. Он сжимал в руках то, что осталось от них двоих, а затем... взял в руки топор и пошёл к мальчишке.

Умбра даже не пытался спастись. Он смотрел на то, что осталось от его сестры и желал быть убитым. Но Ард решил по-своему, и беспомощность накатило черной пеленой.

С тех пор, когда бы ни подумал он свести счёты с жизнью, бог не давал ему сделать это.

Я наблюдала сцену за сценой из жизни Умбры. И постепенно его одиночество, тайное желание быть принятым и нужным сменились сначала ужасом от содеянного и огромным чувством вины. Затем холодностью и эгоизмом.

А после он потонул во Тьме, которая единственная была ему рада.

Ему не было жаль никого. Мольбы и слёзы не трогали почерневшего и иссохшего сердца. Доставляло радость лишь одно — видеть, как жизни утекают из его жертв. Как содрогаются в предсмертной агонии их тела.

Но если бы я была лишь наблюдателем его жизни! Каждый эпизод я проживала так, будто бы была им. Будто это моя жизнь была тёмной и беспросветной. Будто это я убивала женщин, искавших моей любви, приносила в жертву людей, уродовала мерзостной магией животных и насылала проклятья... С каждой новой сценой я чувствовала, как что-то гнилостное липнет ко мне. Как сама моя суть изменяется.

Откуда-то я знала, что в тот миг, когда мне являлись видения жизни колдуна, он также просматривал мою жизнь. Вернее, также стал мной в моих воспоминаниях.

Это ему моя мать пела колыбельные перед сном.

Это он за меня страдал все школьные годы от своей невзрачности и некрасивости.

Это он ходил за грибами с бабушкой и пытался объяснить ей, что такое интернет.

Могла ли моя жизнь сравниться по переживаниям и невзгодам с его? Нет. Но они обе были одинаково значимы. Один из десятков вечеров, что я провела в кругу своей семьи, играя в настольные игры, был также важен, как день, когда Умбра вспорол живот влюблённой в него девушки.

Потому что все эти события сделали нас теми, кем мы были.

И теперь, когда наши жизни, воспоминания и опыт смешались и снова разделились на двое, не было больше Умбры, убитого почти три года назад. Как не было и Ольги, что вошла в этот лес с половинками артефакта.

Мы стали... кем-то?

-

P.S. Возможно, здесь нужно небольшое пояснение. Умбра, которого убила Лидия и Ко, ни в коем случае не был бедненьким и несчастным парнем, искавшим любви и признания. Он был самым конченным из мерзавцев с отморозенным чувством эмпатии и отсутствием

человечности как таковой. Да, он стал таким не просто так. Но на путь истинный его наставить было никак нельзя — ни любовью, ни дружбой, ни сеансом у психотерапевта. Шанс для этого был просто упущен многие годы назад. И смерть не исправила его. Но то, что случилось. То, что ему удалось прожить нормальную человеческую жизнь, даёт надежду, что это принесёт свои плоды.

Я смотрела на кроны деревьев и не понимала, где нахожусь. Перед глазами всё еще стояла ночь, испуганные темные глаза девушки, схватившей меня за руку. Бок схватывала фантомная боль — это клинок вонзился в мою плоть.

Взгляд мой упал на бледные тонкие пальцы, сжимающие в руках какую-то сферу. Эти руки казались мне смутно знакомыми.

— Кто я? — голос, прошелестевший в тишине леса, слишком тонок для мужского. Того, каким я говорила, казалось, целую жизнь.

— Ты — Ольга Смолянская. Пришла сюда, чтобы воскресить меня — Умбру.

Я ощущала, что голос, раздающийся у меня в голове, прав. Медленно, будто сквозь туман, в голове проступали воспоминания почти 20-летней давности. Именно столько лет назад, казалось, я пришла в этот лес.

Да, я не видела самые ранние воспоминания колдуна. В том первом проблеске Умбре было лет 5 или 6. И затем я прожила вместе с ним целую жизнь, примерно лет 20. Довольно долго, если вспомнить, что изначально я прожила немногим больше.

На счастье, мне не пришлось просматривать всё, потому что сам колдун помнил свой путь лишь фрагментарно. Самые эмоционально яркие эпизоды из жизни врезались в память, а остальное тонуло в неясной массе из деталей, знаний и подбирающегося безумия.

Голову пронзила боль — картины жизни колдуна и Ольги Смолянской смешались и запрыгали в безумной какофонии.

Меня затрясло, и внезапно я ощутила знакомое чувство, что не покидало меня почти постоянно, пока я была Умброй.

Мне хотелось кого-нибудь убить.

Просто, чтобы успокоиться.

Медленно вонзить ритуальный нож в податливую упругую плоть. Мне хотелось этого с силой почти наркотической ломки. Перед глазами стояли бледные тела, готовые к моему пиршеству. Я почти чувствовала в ладони изгиб острейшего ножа и предвкушала, как он вонзится в живую и испуганную жертву.

Дрожь пронзила тело. Разумом я смутно ощущала неестественность этих эмоций — меня, Ольгу, не должна будоражить мысль об убийстве. Но отвращения или неприятия этой картины почему-то не было. Будто то, что я прожила вместе с Умброй, навсегда сломало и изменило меня.

Страх пробрался в душу — я не понимала, кто я теперь. Где мои чувства и знания, а где то, что я увидела в душе колдуна.

— Спокойно, — услышала я осторожный голос внутри головы. — Не думай о произошедшем сейчас. Давай, вернёмся в орден. Тебе нужно отдохнуть.

— Зачем? — я непонимающей уставилась в небо и попыталась вспомнить, что говорящий имеет в виду. Смутно пришло знание — что когда-то, почти целую жизнь назад, я действительно была частью Ордена пятерых. Ненавистного ордена, который путал мне планы столько лет подряд.

Нет, не мне. Умбре.

В ушах звенело со страшной силой, я находилась в состоянии похожем на то, что ощущала у алтаря Арда, и будучи Ольгой, и Умброй.

Это то, с чем не справиться обычному человеку. Слишком много, чтобы можно было вынести.

— Твой мозг не выдержал нагрузки и не может быстро перестроиться. Тебе нужно поспать и постараться не думать о произошедшем. Сосредоточься на базовых потребностях — еда, питьё, сон. Со временем должно стать легче.

— А ты? — иррациональный гнев и страх душили меня. Я помнила, кем был Умбра. И ничто из увиденного в его сознании не могло меня подтолкнуть ему доверять. Если бы он не попытался захватить моего тела, ничего этого не произошло бы. — Почему ты не сходишь с ума?

— Потому что сейчас я не совсем человек и у меня нет тела, которое может не выдержать нагрузки. Зато в твоём сейчас находится сразу два сознания. Для него всё происходящее слишком.

— Так убирайся! Или я сдам тебя орденцам!

Я не могла сосредоточиться на злости к нему и на страхе перед тем, что чуть было не случилось. Каша в голове не давала мыслить ясно.

— К сожалению, не могу. И имей в виду. Наш разговор сейчас лишь усугубляет твоё... Наше состояние. И ты, наверное, позабыла, что сама возродила меня? Если выдашь эту тайну мастерам, с тобой они считаться не будут. Сдохнешь вместе со мной.

Смутно я припомнила, что была способна узнать о грозящей опасности заранее, но в жуткой мешанине разобрать отдельные чувства и мысли было очень сложно. Не вступая больше в разговор, я медленно поплелась в сторону обители.

Я приходила в себя несколько дней. По словам моей соседки по комнате, имени которой я вспомнить не смогла, в тот день я пришла уже после отбоя, бледная как смерть и с безумными глазами. Пробормотала, что дико болит голова, и упала мёртвым сном.

На тренировку к Крису подняться я не смогла. Разозлённый Леонталь после того, как всыпал остальным двойную порцию нагрузки, даже бесцеремонно ввалился в нашу комнату, чтобы растолкать меня, но так и не смог.

Наверное, и к лучшему — не знаю, как отреагировала бы я на его появление. Я помнила отвращение Умбры к мальчишке, посмевавшему предать его. Оно передалось мне, как и дикая жажда мести. И я пока не знала, как отделить свои чувства от чужих.

Когда я смогла подумать о произошедшем без угрозы новой вспышки боли, я осознала, что совсем не знаю новую себя.

С первого взгляда могло показаться, что ничего особенного не случилось. Но некоторые вещи подсказывали, что изменения, произошедшие с моей личностью, гораздо глубже, чем хотелось бы. Взять хотя бы один разговор с колдуном...

Как только я более или менее пришла в себя, то вновь попыталась избавиться от колдуна. Умбра не был дураком и наотрез отказался покидать моё тело, хотя мог бы.

— Я истратил значительную часть энергии на борьбу с тобой, поэтому закрепить не смогу. Либо исчезну, либо улечу в Поток, а я этого не хочу. Иначе не заключил бы сделки с Ардом.

— Какой Поток? О чём ты?

— Да... Ты же почти ничего не знаешь, — голос колдуна в моей голове звучал отстранено. Он словно бы припоминал то, что ему удалось увидеть во время слияния. — Богов Жизни и Смерти, которых почитают многие здешние жители, не существует. И нет никаких чертогов посмертия, где ты мог бы выпить чашечку травяного чая со своей почившей ранее матушкой. И уж тем более нет Рая или Ада в земном представлении.

Теперь в голосе Умбры слышался откровенный сарказм. Похоже, его забавляли человеческие фантазии о жизни после смерти.

— Ты просто становишься частью энергетического потока над Ормом. Туда уходят все души. И потом через некоторое время ты возвращаешься обратно, но уже в виде чистой энергии, которая рассеется то тут, то там.

— То есть все умершие...

— Они вокруг. Они и есть энергия. Они есть даже в твоём бездарном теле. Ведь тебя заполняет энергия окружающих предметов и людей. Разумеется, от личностей уже остаётся и следа. Но кого это волнует? Не хочу удобрять своей энергией здешние места. Не слишком они мне нравятся.

— То есть ты собираешься жить на задворках моего сознания вечно?

От подобной перспективы я содрогнулась. Как ни странно колдун тоже.

— Конечно, нет. Поэтому предлагаю сотрудничество. Ты pomoжешь мне найти новое тело, и я покину твоё. И хотя ты и считаешь, что мы с Ардом обманули тебя...

Я иронично вскинула бровь. Я, значит, считаю, что они меня обманули.

— Но в нашем договоре с ним было условлено, что я не буду наносить серьёзного вреда его посланнику. И освобожу после того, как найду себе новое тело. Если бы ты не сопротивлялась, всё было бы гораздо проще.

Ну, да. А что случилось бы со мной после того, как колдун поработил бы душу? Отчего-то мне казалось, что после такого трудно жить припеваючи. Но едва ли это волновало бога или Умбру.

Против воли я начала обдумывать слова тёмного. И мысли мои потекли в таком направлении, какое раньше было просто невозможно.

Можно пленить хитростью какого-нибудь мужчину и отдать его тело Умбре. Оставаться наедине с воскресшим колдуном больше необходимого мне совсем не хотелось. И я готова была пожертвовать без особых колебаний кем-нибудь другим, чтобы освободиться.

Я знала, что раньше одна мысль об этом для меня была немыслима, а теперь я рассматривала и такой вариант. Как вполне рабочий.

Умбра, словно подслушав мои мысли, категорически отверг даже возможность подобного.

— И не думай посадить меня в какого-нибудь вонючего крестьянина. Во-первых, мне нужно тело с большой магической силой. Во-вторых, я не выдержу ещё одного сражения с чьей-нибудь волей.

— И что же ты предлагаешь, о всемогущий колдун? — голос мой был ядовитее некуда. К счастью, я находилась в комнате одна, и никто не мог задаться вопросом, с кем это я говорю.

— Сделать для меня гомункула.

Я поразились не столько наглости колдуна, сколько его... оптимизму.

— Как ты вообще себе это представляешь? Ты забыл кто я? Бездарок. Но даже вдруг ты сможешь волшебным образом исцелить тело Генерис, у меня нет даже примерных знаний и навыков для того, чтобы сделать это. И ты, не припомню, чтобы делал что-то подобное!

На самом деле мне были доступны далеко не все знания о способностях колдуна. Лишь отрывочные кусочки. Потому что обретение любого навыка — это долгий процесс, который обычно не особенно заметен даже самому человеку. Просто он чувствует, как со временем начинает делать что-то лучше или глубже понимать какой-то предмет... И мне, просмотревшей жизнь Умбры лишь эпизодически, было далеко не всё понятно.

— *Думаю, если мы вернём тебе магические силы, я смогу. Ты должна была видеть, что я делал в своих лабораториях. Некоторые монстры создаются по тому же принципу, что и гомункулы, — из алхимической плоти. Сырьё, правда, используется второсортное, но и перед моими творениями и задачи стояли попроще.*

Меня передёрнуло. Я хорошо помнила некоторые творения Умбры. И азарт, который накатывал на него в лаборатории. Он соревновался с собой же, придумывая всё более изощрённых тварей для уничтожения людей. Что интересно, когда его враги находили слабость очередной твари, созданной колдуном, Умбра ничуть не расстраивался. Лишь с улыбкой на губах предвкушал, как устранить этот недостаток у следующего «питомца». И всё начиналось по новой. Вот только монстры становились с каждым разом всё сильнее.

— *Мне придётся изучить некоторые алхимические записи, посвящённые гомункулам. Но рано или поздно получится создать жизнеспособное тело, —* голос, звучащий в моей голове, просто сочился самоуверенностью. — *В конце концов, ты знаешь, что самое главное для алхимика, специализирующегося на гомункулах?*

— Точный расчёт? Ингредиенты?

— *Не совсем. Знание анатомии. Нынешняя эпоха влияния Квелты на Стейнхорм длится слишком долго, поэтому ко вскрытию человеческих тел относятся не одобрительно. Знаешь ли, светлым не нравится мысль, что копаться в чужих потрохах можно с интересом и пользой для всего общества, —* в голосе Умбры я отчётливо расслышала иронию. Так учёный может отзываться о дремучих туземцах. Колдун отчасти и был учёным. Сумасшедшим и беспринципным, но всё-таки.

Против воли я ощутила абсолютно нелогичный прилив симпатии к говорящему. Я прекрасно понимала, откуда пришло это чувство. Впервые за год, который я провела в этом мире, нашелся кто-то с кем я могла говорить без утайки, кто-то, кто мог ответить на многие мои вопросы.

Жаль только, что этим человеком оказался мёртвый тёмный маг, пытавшийся захватить моё тело.

Я подозревала, что усугубляло дело ещё и то, что из-за слияния наших воспоминаний, у меня было чувство, что я знала Умбру очень давно. Будто мы были близнецами, что прожили бок о бок сразу две жизни вместе. Легко проникнуться пониманием к тому, кто, как ты знаешь, пережил ровно столько же, сколько и ты — и за себя, и за тебя.

Все это играло со мной злую шутку — я относилась к Умбре гораздо спокойнее, чем должна была. И напоминать себе, что верить ему нельзя, а уж тем более подставлять спину,

было очень сложно.

А ещё меня невольно все больше мучил вопрос — стоит ли ему помогать? Теперь, когда я видела, что творил этот мужчина в прошлом, его преступления перестали быть абстрактным злом. Передо мной стояли глаза его жертв. И я знала, что их станет больше, если колдун вернётся в мир.

Призрак тёмной мысли зародился в моей голове.

А ведь можно поступить хитрее. Дать ему тело, а затем убить. Что-то гнилостное, осевшее внутри меня, с восторгом встретило эту идею. И я знала, что буду обдумывать её раз за разом, и, возможно, со временем пойму, что так будет лучше для всех.

Вот только сумею ли я расправиться с колдуном в теле гомункула, даже если у меня будет магия? Умбра гораздо хитрее и опытнее меня.

Колдун, не подозревая, что я замыслила зло, продолжал:

— В вашем мире учёные давно выяснили, что вскрытие может дать ту информацию, которую не узнать обычными способами. У нас подобного нет. Из-за предрассудков при выяснении причин смерти прибегают лишь к помощи магии. Но алхимикам нужно детальное знание строения человеческого тела и понимание того, как функционируют все его системы. Без этого нельзя создать жизнеспособную заготовку, которая сможет существовать сама по себе без постоянной подпитки магией. Нынешние алхимики получают знания об анатомии в академии. В основном, это чистая теория. Практикуются маги на тех же гомункулах, в которых нет искры жизни. И я могу поспорить их знания гораздо более ущербны, чем мои. Ведь я изучил внимательно исходный, так сказать, материал...

Ну и ну, поразила я. Он прямо-таки гордится собой. Впрочем, едва ли стоило ждать от Умбры другого — ложной скромностью он никогда не страдал.

Впрочем, болтливостью тоже.

Тот Умбра, которым я стала в воспоминаниях, был скрытным и себе на уме. Даже с ближайшими союзниками он делился своими планами и знаниями неохотно. И всегда недоговаривал. А уж просто разговаривать ради чистого интереса... Это совсем на него не похоже.

Значит, колдун либо пытается усыпить мою бдительность, либо тоже ощутил последствия магической аномалии.

Пока я приходила в себя, Умбра практически не разговаривал со мной. Откуда-то я знала, что, хотя тёмный и пережил произошедшее гораздо легче, ему тоже было о чём подумать. И он сейчас также, как и я, изучает себя нового.

Какой урок вынес он из того, что увидел в моём прошлом и настоящем? Быть может, это помогло ему стать более вменяемым. Кем-то, с кем можно будет иметь дело, раз уж мы оказались заключены в одном теле.

Или же сейчас он тщательно анализирует мои слабости, подсмотренные в воспоминаниях, чтобы понять, как лучше мной манипулировать.

Самое скверное, что я не знала наверняка, сумею ли понять, какую игру ведёт Умбра — стал ли он лучше или начал плести очередную интригу. Кое в чём мы были с ним похожи и до произошедшего — оба были неплохими притворщиками, любили анализировать информацию и мало кому доверяли.

А ещё у меня живо стояли в голове те сцены, когда он заманивал своих жертв к себе. Когда у Умбры ещё не было последователей, а проклятье тёмного дара уже требовало крови,

он познакомился с девушками и быстро дурил им головы.

Нельзя сказать, что ему хотелось убивать именно женщин. Просто красивому мужчине их было проще заманить в ловушку и без всякой магии.

Он казался таким искренним и обаятельным, что и я на их месте ни за что не заподозрила бы подвоха. Крестьянки, дворянки и горожанки. Он быстро кружил им голову, понимая, как стоит вести себя для достижения цели.

А потом они исчезали.

И никто их уже больше не видел.

Может быть, сейчас я не слишком отличаюсь от них. И колдун просто плетёт свою сеть. Но даже если Умбра, и правда, испытывает ко мне симпатию под влиянием общих воспоминаний и жизней, это не спасёт меня от удара ритуального ножа при случае.

— Допустим, знания у тебя есть, — согласилась я. — Но что делать с ингредиентами? Для высокоуровневого тела нужны очень дорогие материалы. И я, честно говоря, сомневаюсь, что у нас получится с первого раза, а значит нужен запас.

— *О них не беспокойся, — почти презрительно бросил он. — Ты же не думаешь, что я стал бы прятать половинку сферы в своём действующем убежище? Или, что орден накрыл после моей смерти настоящую лабораторию? Они были нужны на крайний случай.*

Я это знала. Как и то, где точно находится лаборатория Умбры, которую он не показывал никому, но предпочла не выдавать себя. Скорее всего, колдун, подобно мне, не знает точно, какие воспоминания из его жизни я видела. Если он поймёт, что я знаю, слишком многое... Не думаю, что его удержит договор с Ардом. Тёмные всегда знают, как извернуться.

— *Основная проблема не в ингредиентах и знаниях, а в том, что у нас на двоих нет никаких магических сил, кроме твоего чутья. Как призрак, я кое-что могу, но для настоящих манипуляций этого недостаточно.*

В голосе колдуна, впрочем, я не чувствовала особой озабоченности этой проблемой. Для него это была одна из многих трудных и потому интересных задач, что встречались на пути. Я почти видела движение шестерёнок в его голове — он уже прикидывал, что можно было сделать.

— *Сначала нужно точно понять, что точно случилось с Генерис. Этого я, к сожалению, сделать не могу. Нужен хороший целитель, который уже работал с бездарками.*

— Как Трэс?

— *Не знаю, я знаком с ним лишь по твоим воспоминаниям. Но, как понимаю, ты и сама не знаешь об этом гомункуле ничего. Поэтому мы пойдём к тому, чьи способности мне точно известны.*

Я ощутила сомнение, владеющее мужчиной. И могла бы поклясться, что глубоко внутри промелькнуло нечто, похожее на ужас, страх, сожаление? Не разобрать. Из-за того, что мы с колдуном сосуществовали в одном теле, улавливать настроение друг друга было проще, но не более того.

— Что-то не так?

— *Дело выгорит, только если он не узнает о том, что ты связана со мной*

— Почему?

— *Видишь ли, я убил его дочерей...*

Я не могла понять, что чувствует Умбра, говоря это, но на секунду мне послышалась в его голосе растерянность.

Интересно.

— Ты сожалеешь? — не знаю, зачем я это спросила.

После своего перемещения в этот мир, я почти забыла, что такое — откровенный разговор. Мои собеседники часто бывали со мной искренними. Но я не могла. Всегда приходилось проглатывать слова и вопросы, чтобы не выдать себя, не вызвать лишних подозрений.

Я решила, что с сущностью, живущей в моей голове, можно особенно не миндальничать. Он и так знал все мои тайны, даже самые сокровенные и постыдные.

— *Не знаю,* — раздался неожиданный ответ. — *Разумом я понимаю, что иначе было нельзя. Никто не научил меня правильно справляться со своим даром. Более того, я уверен, что Арду было выгодно моё состояние в то время, но теперь я отчего-то чувствую себя скверно. Это давно забытое чувство.*

На секунду мне показалось, что я слышу себя, будто колдун отчасти перенял даже мою манеру речи.

И я знала, что Умбра прав. Если бы ребёнок с тёмным даром вовремя нашёл хорошего наставника, может, из него и не вышел бы маг-психопат. Но он нашёл того, кого нашёл — яркого последователя Арда, который помог мальчишку освоить и развить своё тёмный дар. И научил потакать проклятью, смаковать свою жажду крови.

Крис мог справляться со своим даром, не убивая людей. Был ли такой шанс у Умбры? Уже не узнать.

— *Ты ведь вообще не поняла, Ольга, что он сделал, не так ли?* — неожиданно спросил колдун. — *И со мной, и с тобой. Это я сейчас не про то, что случилось в лесу.*

— Не говори загадками, — сдержать раздражения я была не в силах. Не любила я этот его снисходительный тон.

— *Одинокими проще всего манипулировать. Когда у тебя нет родных, друзей, кого-то, кому бы ты мог доверять, у кого мог бы попросить помощи, ты становишься лёгкой добычей для Тьмы. И я сейчас не только про магию говорю. Вспомни ту девочку из соседнего подъезда.*

Я вздрогнула.

Девочка, которую мы никогда не хотели брать в свои игры.

Почему она стала изгоем, сказать трудно. Но, когда она появлялась во дворе, мы частенько зло смеялись над ней. И хотя в тайне меня мучил стыд, смелости, чтобы одёрнуть других детей, не было. Я просто боялась оказаться на её месте. Стать объектом жестоких насмешек.

А двумя годами позже её не стало. Из-за домашнего насилия. Пьяный отец избил её да не рассчитал силы.

Иногда я думала, а что, если бы мне хватило отваги протянуть ей руку? Стать ей другом. Может быть, она рассказала бы мне о том, что происходит. Или я сама заметила неладное. Попросила бы помощи у родителей, и мы спасли бы её из этого ада.

Но этого не произошло.

Я помню шок от этого горестного маминого:

— Таня умерла.

Невозможно было понять, как девочка всего на год старше меня, может умереть. Жестокие подробности я узнала уже потом, от детей во дворе.

Не знаю, какие мысли бродили в голове у остальных, но я пообещала себе, что никогда больше не буду участвовать в травле и не позволю другим делать это. Эту клятву, данную самой себе, было очень нелегко выполнить. Но полузабытое лицо соседки всегда стояло у меня перед глазами как напоминание...

Неожиданно я почувствовала, что вспомнить именно сейчас про это обещание было очень важно.

И про ту девочку.

Будто бы мутная рябь, затянувшая меня от макушки до пят, стала чуть светлее. И даже задышалось легче, хотя слёзы стояли в глазах, как и всегда, когда я её вспоминала.

Собравшись с мыслями, я вернулась к тому, о чём говорил колдун:

— Не вижу особой связи своей ситуации с Ардом. Или он всё-таки соврал, и своим появлением в Орме я обязана ему?

— *Нет, богам не доступна подобная магия. Местные боги вообще гораздо более ограничены, чем ваши земные, если они всё-таки существуют. Но в остальном... Ты не можешь знать наверняка, —* голос колдуна стал мрачным. — *Возможно, принц даже не захотел выслушать тебя в темнице с подачи Арда. Таланты, связанные с кровью, хотя и не являются тёмными, но всё же больше относятся к его сфере мироздания, чем к сферам других богов.*

Тут я вспомнила кое-что, о чём вообще-то должна была подумать сразу после соединения артефакта, но безумие, творящееся в голове, просто не позволило это сделать.

— А ведь я выполнила свою часть уговора. И теперь Ард должен мне многое.

Если до слияния с Умброй я считала, что бог может обмануть меня, то теперь не сомневалась, что хотя бы отчасти он выполнит обещание. Смутно, из жизни тёмного, я помнила, что для высших существ есть некоторые правила, против которых они не могут пойти. Договоры со смертными — одна из таких вещей.

— *Надеюсь, что всерьёз не рассчитываешь, что Ард вот сейчас прямо появится и, будто лавочник, выдаст тебе обещанное на сдачу? Чушь. Он несомненно выполнит обещание... в какой-то мере. Но будет делать это также, как привёл тебя в нужное ему место в нужное время. Исподволь влияя на твою жизнь. А всё потому, что ты сглупила, когда просила плату.*

— Почему это? Мне казалось, я всё учла, — на самом деле я помнила глубокое ощущение подвоха, но сообразить, в чём именно дело, не могла.

— *Я тебе напомню, что ты у него просила. Быть живой, здоровой, свободной, в твёрдом уме и в безопасности. Всё это такие относительные и в то же время субъективные понятия, что толковать их можно, как угодно. К тому же ты не обговорила сроки. А значит он может дать тебе нужное и тут же отобрать. Или дать через десять лет. В общем, трудно предсказать, что ты получишь в итоге и какими путями. Умнее всего было попросить в постоянное пользование инструмент, который помог бы тебе этого всего достичь самой — волшебный дар или артефакт. Но после драки кулаками не машут.*

Трудно описать, что я почувствовала в этот момент. Смесь вселенской усталости с безнадёжностью. Каждый раз, когда мне казалось, что где-то впереди брезжил свет, всё

оборачивалось очередным дурным сном.

Неужели так будет всегда?

Я буду катить этот чёртов сизифов камень в гору, пока не выбьюсь окончательно из сил?

— Он ведь не отстанет от меня, да? — я озвучила тот вопрос, который беспокоил меня уже давно. Не в привычках богов выпускать из рук удобные инструменты.

— *Ты права.*

— И что же делать?

Самой не верится, но я действительно спрашивала, что делать у мёртвого колдуна-психопата.

— *Радоваться, что хотя бы в одном Ард просчитался,* — голос тёмного звучал почти злорадно. — *Он никак не мог предположить, что мы окажемся в одном теле и будем работать сообща.*

Честно говоря, я не видела причины для особой радости. Ард в любом случае в выигрыше. Если я верну способности Генерис, то стану тёмной. Хотя, возможно, я и сейчас ей формально являюсь.

А Умбра возродится в теле гомункула. Я пока смутно представляла себе, как он собирается сделать гомункула-мага, но, если у него выйдет, станет ещё сильнее, чем был. Если я позволю ему это сделать — смерть мага всё ещё казалась мне предпочтительнее.

Он частично уловил мои сомнения и улыбнулся:

— *Наши способности — это, конечно, хорошо, но богов больше интересуют души. А, как я уже и говорил, когда ты не один, удержаться на краю проще.*

Последние слова Умбры запали мне в душу, и я серьёзнее задумалась над происходящим в жизни — над своими словами, мыслями и поступками.

И постепенно пришло понимание, что убивать колдуна никак нельзя.

Не потому, что я чувствовала смутное сродство с ним.

Просто это расчётливое убийство, облачённое в сияющий ореол, имя которому «ради всеобщего блага», могло стать фатальным для моей души. Тем толчком, после которого назад уже не вернуться.

Я расправилась со многими, пока была в его шкуре. И тяжесть этого греха прилипла ко мне, словно зараза. В каждый подобный миг я отчётливо видела, как душа Умбры становится всё более искалеченной и безобразной. И хотя сожалений, сострадания и тем более ужаса от содеянного тогда, в прошлом, не было... Хотя он чувствовал себя действительно хорошо... Тогда почему ему становилось всё хуже?

Наверное, даже для таких, как он, подобное не проходит бесследно.

Но то был грех Умбры. Я же пока не убивала ни одного человека. И надеялась, что не придётся.

А ещё меня не покидала мысль, что тёмный маг мог ошибаться, и Ард всё же предвидел нынешнее положение вещей. Потому что, если отбросить те неприятности, которые принёс с собой Умбра, его появление стало своеобразным спасением для меня.

И не только потому, что я получила довольно неплохое представление о мире, благодаря его воспоминаниям.

Когда мы обговаривали наши дальнейшие планы, колдун очень заинтересовался знаками на моей спине.

— *Да, думаю, тот, третий тебе, и правда, поставили в тюрьме. Раньше я бы с лёгкостью его убрал, но сейчас не могу. Впрочем, сбить со следа принца можно и так. Залежи некоторых минералов вызывают серьёзные помехи для отслеживания меченных. Если правильно выбрать маршрут, то ищейкам Джарела будет казаться, что ты двигаешься в другом направлении. А в убежище тебя и вовсе не достать.*

Я знала, что Умбра гордился защитой того места, которое единственное мог назвать своим домом. Она была настолько сложной и многослойной, что за много лет логово так никому и не удалось обнаружить.

— *На крайний случай, если не найдём способ его снять, искупаешься в источнике, и знак исчезнет сам.*

Источник был тот самый, за нахождение которого король назначил награду, и воду из которого безуспешно пытался найти Айолин.

— Не хотелось бы потерять способность говорить и читать на здешнем языке, — возразила я, прекрасно понимая, что волшебная вода уничтожит не только досадный маячок, но и остальные знаки.

— *Посмотрим, будешь ли ты так упорствовать, когда узнаешь, что так называемый знак, улучшающий память, всего лишь маскировка и скрывает ещё один сюрприз...*

Колдун в полной мере наслаждался моим замешательством — я буквально кожей ощущала, как самодовольство сочится из него. Но затягивать паузу, ощущая моё раздражение, не стал.

— Разве ты не задумывалась, как вообще Генерис удалось забеременеть от принца, если он нужные снадобья пил чуть ли не литрами?

— Нет, не до этого как-то было, — признала я. — Ты что-то нашёл?

— Я не знаю, как она это сделала. Раньше я мог бы поклясться, что это невозможно, но на её спине не три знака, а четыре. Под руной каэ, отвечающей за улучшение памяти, спрятан другой знак. Знак плодородия. Его видно, только если рассматривать твоё энергетическое поле под определённым углом.

Смутно я припомнила, что руна памяти показалась Трэсу странной, но всё-таки ничего предосудительного он в ней не заметил.

— То есть благодаря ему Генерис забеременела от принца?

— Да. Противозачаточные средства в нашем мире принимают только мужчины. Они делают семя практически полностью пустым и не способным к зачатию ребёнка. Поэтому шанс беременности стремится к нулю. Однако этот знак работает так, чтобы даже те крупитцы жизнеспособного семени, что остаются, достигли цели. Поэтому хорошо, что ты не спешила развлекаться с местными мужчинами...

Да, весёлого мало. Поддайся я хоть раз соблазну, проблем стало бы в два раза больше. Если бы, конечно, вовсе выжила. Как и во многих архаичных обществах, хорошая медицинская и магическая помощь доступна, в основном, лишь состоятельным гражданам.

Я представила, как рожаю в избушке какой-нибудь дремучей деревенской знахарки, и содрогнулась.

— Самое интересное, что знак памяти поставлен поверх так искусно, что заподозрить неладное почти невозможно. В общем, на твоём месте я бы так сильно не цеплялся за знание языка, если это поможет избавиться сразу от двух проблем.

— Ладно, развлекаться ни с кем я и не собиралась. Решим, что делать дальше, когда окажемся подальше от Джарела.

Я думала, что разговор окончен, но Умбра зачем-то задумчиво добавил:

— Но на гомункулов это не распространяется. Они не способны к размножению в обычном смысле — ни мужчины, ни женщины.

— Не понимаю, куда это ты клонишь.

— Просто даю знать. На всякий случай.

Когда моё состояние более или менее вошло в привычную колею, я вновь улучила момент, чтобы выбраться в Дэс.

До дня принесения присяги осталось всего ничего, и я буквально физически ощущала, как тучи сгущаются надо мной.

Должна была разразиться буря.

Чтобы уехать в ближайшее время, нужны деньги. А я последние потратила на покупку ножа и плаща. У колдуна, к моему великому сожалению, нигде в близлежащих окрестностях неожиданных тайников с деньгами не было. Я смутно помнила образ каких-то ценностей, что хранились в его доме, но до них ещё нужно было добраться живой.

Оставалось только положиться на чутьё и сыграть-таки в азартные игры.

Вот только беда — денег на начальную ставку у меня тоже не было.

— Ну что? — в голосе Умбры, следившего за моими поисками, сквозило откровенное нетерпение.

Я уже больше часа, будто беспризорница, блуждала по торговой площади в поисках... обронённых медяков. Смутное чувство подсказывало мне, что у рыбных рядов должно что-то быть, но найти нужное среди брусчатки было не так-то просто. К тому же я изо всех сил старалась не вызывать подозрений, чтобы стража не решила, будто я карманница, присматривающая себе жертв. О том, что на мне куртка с нашивками ордена я как-то позабыла.

Колдун так и не получил от меня ответа. Внимание моё было приковано к парочке горожан, перебирающих угребразную рыбу в коробах со льдом. Они загоразивали тот участок, который я пока не смогла осмотреть. Наконец, мужчина и женщина выбрали что-то и отправились к другим торговым рядам, а я опустила взгляд на мостовую и заметила тонкую округлую пластинку, лежавшую почти под прилавком...

Поначалу, когда я свернула в нужный переулок, народ слегка насторожился.

Пусть ордены и не были официальными силами правопорядка, я уверена, среди уличных жуликов было достаточно тех, кто чувствовал себя в присутствии рыцарей неуютно.

Но разобравшись, что «красивая леди ищет развлечений», наперебой принялись звать к своим «рабочим местам».

Я выбирала те азартные игры, в которых можно было применить моё умение. И, к сожалению, их выбор был невелик.

Лучше всего под этот критерий подошёл местный аналог игры в напёрстки — только с двумя ведущими и четырьмя стаканами.

Как и в известной мне игре под один из стаканчиков прятали шарик, а затем очень быстро, в две руки меняли их местами, путая игрока. Нужно было отгадать, где находится спрятанная вещица. С моим даром это было плёвым делом.

В первый раз они даже не стали мухлевать, а позволили мне выиграть один медный, чтобы глупая девица клюнула на идущую удачу.

А во второй раз шарик просто исчез прямо из-под одного из стаканчиков. Я, конечно, не могла знать этого наверняка, но почувствовала, что нужного мне нет ни под одним из них.

— Э, нет! Так не пойдёт! — я подняла руку в ту же секунду, как почувствовала неладное. — Сегодня мухлюешь против своих, а завтра танцуешь на матушкиных похоронах!

Смешливые парни, пытающиеся развести меня на деньги, переглянулись. Конечно, облапошенные горожане несут всякое, но сказаны были именно *те слова*, которые известны только среди своих.

Так жульё даёт понять собратьям, что свой.

И что вызывает на поединок удачи.

У воровского мира Стейнхорма были занятные законы, о которых рассказал колдун перед сегодняшним походом в город. Заработать в уличных играх простому человеку нереально. Но, если денежная нужда заставляла собрата искать наживы, он мог вызывать других мошенников на поединок удачи и подзаработать денег.

Правда, проигрыш грозил не только потерей начальной ставки. Ты оказывался должен ещё и услугу, а иногда и несколько — в зависимости от суммы, на которую претендовал после выигрыша.

Мне особенно опасаться было нечего. В уличных играх ставки всегда были невысоки, и даже проиграй я, расплата была бы не столь скверной.

Теперь, если жулики, сидящие передо мной, чтитли старые обычаи, то должны были сыграть со мной «честно». То есть жульничать без использования даров и магии.

Жаль, что я следовать этому правилу не собиралась.

Как объяснил Умбра, моё волшебное предчувствие мало похоже на способности жителей Орма по своей природе. Магическая сила ормцев концентрируется в их телах, а не в душах, как это, судя по всему, происходит с жителями Земли. Поэтому на взгляд любого, кто может разглядеть отсутствие у меня своей магической энергии — я обычный бездарок. Но это не так.

— Хоть леди вы и знаете нужные слова, не похожи как-то на наших, — медленно произнёс один из парней.

— Какая разница, если условия соблюдены? — деланно добродушно отозвалась я.

Глаза моего собеседника азартно сверкнули. Он принимал вызов.

Пока я размышляла над предстоящим поединком удачи, откуда-то появился здоровенный мужчина. Он грузно проследовал к нам, расположившись прямо на грязной мостовой, и кивнул парочке игроков, с которыми мне предстояло посоревноваться.

— Наш товарищ проследит, чтобы никакая магия во время игры не могла использоваться, — жизнерадостно сообщил один из моих противников.

Здоровяк замер. По его напряжённому и сосредоточенному лицу, можно было догадаться, что он использует какую-то магию, схожую с той, что была у Лидии. Но ничего особенного я не почувствовала, разве что присутствие Умбры в сознании стало куда менее ощутимым.

— Ну, что же, начнём!

— Леди, вас не иначе сам Ард при рождении поцеловал. Никогда не видел никого настолько везучего! — в голосе жулика слышалось откровенное восхищение. То, что он поминал Арда меня не удивило, азартные игры считались его заботой. — Не хотите ли присоединиться... к нашему делу? Действительно умелые игроки нам всегда нужны.

— Может быть, чуть позднее, — не стала категорично отказываться я. Кто знает, как жизнь повернётся.

Пересчитав двенадцать медяков, которые мне удалось выиграть, я сложила их в свой тощий кошелёк.

Получилось выиграть больше серебряного. Хотя не скажу, что это было так уж легко. Каждый раунд меня пытались облапошить с помощью всё новых, совсем не магических уловок. Но предчувствие не подвело.

Денежная система Стейнхорма была довольно проста. В одном серебряном было десять медных монет, а в золотом — сто серебряных. Сегодняшней добычи достаточно, чтобы прожить с полмесяца, затянув потуже пояс.

Впрочем, тратить их пока совсем не хотелось. Хотя купить нужно было ещё много всего. Если не сказать — почти всё. Те вещи, которыми я пользовалась в ордене были большей частью одолжены кем-то.

Я причёсывалась старым гребнем Магды, носила казённую одежду, мылась едким мылом, которое варили орденцы сами, вытиралась полотенцем, сделанным из старой простыни.

Жизнь Ольги Смолянской из прошлого казалась теперь благополучной и безмятежной.

Горько вспоминать, что когда-то я могла выкинуть почти полный бутылёк шампуня, потому что средство не оправдало моих ожиданий. Или покупала новомодные антистатические щётки для волос. Или могла потратить час на то, чтобы выбрать пару футболок на лето в интернет-магазине.

Прошёл всего год, а в ту жизнь на Земле уже верилось с трудом.

Но цепляться за призрак воспоминаний было бесполезно. Только душу травить.

Когда я возвращалась в обитель на душе было муторно, как никогда, и наверное, потому далеко не сразу пришло осознание, что беда случится вот-вот.

Неладное я осознала лишь на подходе к главному зданию обители. Обеденное время давно прошло, и всюду должны были сновать орденцы — кто по рабочим, кто по учебным делам, но во внутреннем дворе оказалось неожиданно пусто.

— *Что-то не так,* — отозвался Умбра, разделяя мои сомнения. — *Может, нам уйти сейчас? Деньги теперь есть, заберём вещи в лесу и пойдём вдоль старого тракта на запад.*

Хотя какая-то трусливая часть меня хотела согласиться с предложением колдуна, я понимала, что не хочу из-за обострившегося чутья всю жизнь избегать неведомо чего. Боясь, даже взглянуть в глаза опасности.

Я прислушалась ко внутренним ощущениям. Хотя грозовая туча нависла надо мной, в ближайшее время меня не ждало ничего фатального. Ничего, что будет стоить мне жизни или серьёзных проблем со здоровьем.

Просто привкус... сокрушительной горечи. Как будто сердце вот-вот разобьётся, а ты не в силах понять отчего.

Я взглянула на силуэт обители на фоне переливчатого оранжевого неба и постаралась запомнить каждый её дюйм.

Глупо.

Я никогда не хотела становиться рыцарем.

Рисковать своей жизнью за кусок хлеба, крышу над головой и возможность носить одежду с чужого плеча.

Теперь я достаточно окрепла и так просто не пропаду. Сумею устроиться получше.

— *Ты плачешь?* — голос у меня в голове был тихим, почти неслышным, будто Умбра не хотел мне мешать, но отчего-то ему было важно знать, что я чувствую.

— Нет. Не плачу.

Да, даже если это начало конца, нужно собрать мужество в кулак и сыграть отведённую мне роль.

Я почти не удивилась, заметив в обеденной зале толпу народа. Стоял тихий гул, сплетённый из десятков голосов — слов было не разобрать, но это и без надобности.

Напряжённое ожидание на лицах сменилось растерянностью, гневом и брезгливостью, стоило мне перешагнуть порог.

Значит я не ошиблась.

Я много раз представляла эту сцену и думала, как они будут себя вести? Накинутся ли на меня, осыпая проклятьями, или просто выставят за дверь без суда и следствия, чтобы не мозолила глаза.

Реальность была хуже всяких фантазий.

Те, кто ещё сегодня утром были моими товарищами, учителями, а то и друзьями просто стояли и молчали. И их лица были такими, будто бы я резала их живьём.

Я улыбнулась, чтобы скрыть горечь и приободрить себя.

Вот и всё.

— Ну надо же, леди Деррин, похоже вы обладаете не только недюжинной наглостью, но

и силой духа, раз умудряетесь веселиться даже в такой ситуации.

Голос Криса я узнала бы из тысячи. Орденцы расступились, пропуская Леонтоля вперёд и признавая за ним решающее право говорить со мной. Среди присутствующих он стоял выше всех в иерархии. Остальные мастера то ли ещё не знали о происходящем, то ли не сочли нужным явиться лично.

Крис очень хотел нацепить на лицо маску холодного безразличия, но у него ничего не вышло. Гнев в серо-зелёных глазах мешался с болью. Рот кривился, будто он хотел накричать на меня, но пока держался.

Я знала — он вспоминал, как совсем недавно говорил со мной о своей матери, о проклятье, как водил меня в хранилище и зачитывал вслух стихи Умбры. Вспоминал каждую минуту доверия, и был уверен, что всё это время я в тайне смеялась над его простодушием.

— Если я скажу, что не Генерис? — и без подсказки чутья было понятно, что слушать меня не будут. Гнев и обида сильны настолько, что голосу разума не пробиться сквозь них. Не сейчас. Но попытаться всё же стоило. Если я увижу хотя бы намёк на то, что есть шанс объясниться...

— Давай обойдёмся без этого. Мы все танцевали под твою дудку почти год. И, надо признать, ты оказалась хорошей притворщицей.

В голосе Криса слышалась неприкрытая горечь. Я знала, что он винил себя. Ведь у него были подозрения на мой счёт, но он позабыл о них, отмахнулся и более того — взялся меня учить.

Можно было упорствовать дальше. Постараться убедить, что я не та, за кого они меня принимают.

Но я не решилась.

Да, я не была Генерис, не покушалась на Лидию и её ребёнка, но совершила куда более серьёзный проступок, о котором Крис и остальные и не догадываются.

Вернула к жизни их старого врага. И прямо сейчас он был здесь, смотрел на них моими глазами.

Чем это будет грозить ордену и людям, находящимся под его защитой, одному Арду ведомо. Поэтому я просто не чувствовала, что в праве требовать, чтобы меня выслушали, простили и поняли. Быть прокажённой злодейкой в их глазах — это то, чего я вполне заслуживаю.

Да и опасно было говорить правду. Если кто-нибудь действительно поверит в то, что я иномирянка, ему будет легко устроить моё исчезновение. Пусть я и находилась под некоторым покровительством Арда, оно не защитит меня от клетки в лаборатории мага, вроде Умбры.

Может, разоблачи Крис меня не у всех на виду, я бы и решилась рассказать ему обо всём. Но сейчас, в этой зале каждый услышит моё заявление. И не все здешние люди чисты на руку. Многих, как и меня, в орден привела лишь нужда. А за подобную информацию, о появлении разумного иномирянина, некоторые будут готовы заплатить.

— Я знаю, что ты мне не поверишь, но я не Генерис, — мой голос звучал ровно, хотя щёки пылали — кровь прилила к голове, в ушах слышался гул. Вина и обида внутри меня смешались в какофонии чувств, и сейчас меня штормило не меньше, чем собравшийся народ.

— *Бесполезно, Ольга. Он не станет тебя слушать. Правда подкосила его. И сейчас Тьма терзает его так, как давно не терзала.*

Умбра был прав. Я видела, как градус агрессии в глазах обычно смешливого Криса

стремительно растёт. Жажда чужой крови, подогреваемая болью от предательства, подняла голову в неурочное время.

Возможно, в голове его уже стояла картина того, как он пронзает меня клинком, и я корчусь прямо тут, на каменном полу.

— Если ты — не она, откуда на твоей спине знак, которым отметили эту дрянь Деррин? — голос парня стал издевательским.

Я перехватила недружелюбный взгляд Магды. Похоже, девушка припомнила то, что увидела в первый день моего пребывания в ордене и с радостью помогла любимому мастеру подтвердить его подозрения.

Мне не стоило отвечать. Я была старше Леонталя, сдержаннее и опытнее. К тому же его в действительности совсем не интересовали мои слова. Но я не была святой, и не одному Крису было больно.

По губам моим вновь скользнула улыбка. Мышцы лица почти свело от этого движения — настолько она была неестественной и болезненной. Но окружающим, должно быть, казалось, что я издеваюсь над ними.

— И как же ты узнал об этом маленьком нюансе? Что у Генерис есть подобный знак? — мой голос сочился ядом. Справиться с собственным гневом было сложно. Злилась я, конечно, не из-за судилища, устроенного Крисом. А из-за Лидии и принца, играющих в святош, но не любящих проигрывать.

Ведь даже настоящая Генерис имела право на новую жизнь. Пока ты жив, всегда есть шанс изменить что-нибудь в лучшую сторону.

— Можешь ничего не говорить. Ты же сегодня встречался с нашей милосердой принцессой! И похоже великолепнейшая Лидия решила мелочно отомстить. Как это благородно с её стороны — не пачкать руки самой, а отправить своего младшего брата разделаться с врагом.

Я распахнула руки и театрально рассмеялась. Оглядела вытянувшиеся лица и мимоходом удивилась своей выходке — никогда у меня не было страсти к работе на публику и излишнему драматизму. Неужто от Умбры нахваталась?

Едва ли. Скорее, проявление истерики. Моя броня, чтобы не выглядеть ещё более жалкой, чем уже чувствую себя.

— Могу поспорить, именно с этой целью она захотела встретиться и с Айолином? Иначе зачем ей понадобилась надоевшая игрушка?

Каждое моё слово било точно в цель. Возможно, где-то в глубине души Крис понимал, что я права, от того иррациональное бешенство охватывало его всё сильнее.

— Даже не упоминай Айолина! — он всё же не выдержал и сорвался на крик. — Хорошо, что его здесь нет. И ему не придётся убивать тебя своими руками.

Неожиданно мастер принялся расстёгивать свою куртку. Он всегда скидывал её, если хотел, чтобы ничего не стесняло движений. Окружающие одновременно со мной сообразили, что он собирается делать, и принялись расступаться, освобождая пространство для боя.

— Но за него это сделаю я. Вызываю тебя на бой, Генерис Деррин.

Похоже, Крис решил, что сумеет переступить через моменты общих воспоминаний и убить меня. Но страха почему-то не было. Будто подсознательно этого я и добивалась — чтобы решить всё здесь и сейчас, поставить точку и... защитить этого несчастного мальчишку, ставшего мне другом.

В глазах Криса плескалась одержимость — он хотел воздать мне по заслугам, заставить исчезнуть. Наивно полагая, что после этого ему станет легче.

Если сейчас не случится поединка, который рассудит нас, он отправится за мной следом. И будет пытаться убить уже не по правилам дуэли, а как какую-нибудь тёмную тварь — выслеживая и загоняя в угол.

Я не могла позволить Крису сделать это, убить человека. Не теперь, когда знала, как зыбко противостояние Тьме у всех подобных ему.

— Мастер, — неожиданно раздался робкий голос из толпы. На самом деле я была удивлена, что до сих пор никто не присоединился к обвинениям Леонталя. Все просто стояли и молчали. — Поединки между членами ордена запрещены под страхом отлучения без права восстановления. На новобранцев и мастеров это правило тоже распространяется.

— Значит, я покину орден! — зло огрызнулся он. — Неси оружие.

По рядам новобранцев пробежали крики протестов, кто-то из наставников попробовал положить руку на плечо Леонталю, но он лишь раздражённо скинул её и прикрикнул на парня, отправленного за оружием.

Я была согласна с остальными. Крис не должен бросать орден. Он в действительности был его домом. А все рыцари — семьёй. Я не могла отнять у него это.

— Не нужно. Я сама уйду.

Никто не заметил дрожи в моих пальцах, вцепившихся в нашивку на куртке. Я с силой рванула её и, как ни странно, нитки поддались легко. Клочок ткани с пятёркой мечей на тёмном фоне отлетел в сторону, а с ним и целый год моей жизни.

Спасибо.

Спасибо за всё.

Собирался ли Крис в действительности меня убить? Я не знала. Предчувствие то кричало о смертельной опасности, то стихало. Парень находился в неуравновешенном состоянии и сам не знал, чего именно хочет. Ему было плохо, и он стремился хоть как-нибудь избавиться от этого ощущения.

— *Драться буду я, — неожиданно раздался голос в голове. — Уступи мне контроль над своим телом на время, иначе у тебя нет и шанса. Хотя это и воинский поединок, в нём запрещена лишь магия, не использование талантов. Леонталь со своей способностью убьёт тебя за секунду. Хотя и без неё у тебя нет и шанса.*

Это было безумием — уступать контроль над своим телом тёмному колдуну, но иного выхода не было. Если я хотела разрешить эту ситуацию максимально безболезненным способом для всех сторон.

Оставалось надеяться, что Умбра, когда я потребую своё тело назад, не попытается бороться. Хотя бы из боязни растратить остатки своих сил.

«Мы должны победить, не убивая и не калеча Криса», — напряжённо подумала я.

Ард лепил из Умбры идеальное оружие, поэтому, помимо магических искусств, он довольно много времени тратил на оттачивание навыков владения мечом. Колдун был искусным фехтовальщиком, и если бы друзьям Лидии не удалось застать его врасплох, победу они бы так просто не вырвали.

Поэтому я знала — в теории Умбра был способен на это.

— *Ты рехнулась? Я терпеть его не могу, но признаю, этот мальчишка слишком хорош, чтобы драться с ним в половину силы. К тому же я в твоём, плохо тренированном теле, у которого просто нет достаточных навыков и рефлексов. Живыми бы остаться...*

«И всё же постарайся. Положись на моё чутьё. У тебя его раньше не было».

Он промолчал, не до конца уверенный, что сумеет выполнить эту просьбу.

Кто-то принёс меч и для меня. Только сейчас я обратила внимание, что в руках мастера лишь один клинок. Видимо, он решил дать фору противнице — всем было известно, что лучше всего Крис владеет парными клинками.

Когда моя рука коснулась рукояти, я позволила сознанию Умбры затопить моё тело, а сама отошла на задворки, чтобы не мешать колдуну и подать предупреждающий сигнал, если почувствую конкретную опасность.

Тёмный ничем не выдал, что личность, находящаяся внутри высокой беловолосой женщины, уже не та, что была ещё пару минут назад.

Он молчал, пока кто-то из орденцев, чтобы соблюсти формальности, объявлял всем собравшимся из-за чего мы сошлись в поединке и правила ведения боя. Обычно после этого добавляют, что противостояние идёт до тех пор, пока одна из сторон не признает себя проигравшей или будет не в состоянии продолжать сражение... Но, похоже, он, как и все собравшиеся в зале, считал, что Леонталь просто собирается меня казнить. И хотя смертельные поединки запрещены законом, никто не собирался ему мешать.

Воистину семейная преданность.

Крис бросился на нас, как только голос затих. Он был быстр, гораздо быстрее, чем на тренировках, когда мы спарринговались на поле. Запоздало пришло осознание, что тогда парень не показывал и половины того, что умел. А значит мой опыт сражений с ним не значил практически ничего. Во всяком случае для меня.

Но не для Умбры.

Он легко ушёл в сторону, парировав серебристый клинок противника, а сам контратаковал каким-то хитрым приёмом, секрет которого я так и не смогла уловить.

Хотя и Крис, и колдун в моём теле двигались очень быстро, я успела заметить удивление на лице Леонтоля. Несомненно, наставник решил, что я дурачила его напропалую. Он заметил несоответствие того уровня мастерства, что я показывала на тренировках и сейчас. И пришёл к выводу, что я просто издевалась над ним, притворяясь новичком...

Умбра быстро освоился в моём теле. И, если поначалу он был сосредоточен лишь на защите, то теперь всё чаще переходил в контратаку. Помощь моего чутья, как оказалось, тёмному была не особенно нужна — он был гораздо опытнее Криса и многие его атаки предсказывал и без всякого дара.

Не смотря на неудачный расклад, Леонталь отчего-то не пользовался своей способностью, чтобы победить меня. Он ни разу не ушёл в тень с начала поединка, даже когда осознал, что противник вовсе не так слаб, как казалось изначально. А просто с молчаливым упорством нападал вновь и вновь, проверяя защиту Умбры всё более изощрёнными приёмами.

— *Нужно заканчивать*, — я услышала отстранённую мысль тёмного.

Он был прав. Выносливость тела на пределе. Хотя моё восприятие и притупилось, я чувствовала, как пот катится ручьём по спине, дыханье сбилось, а руки болят от напряжения. Вскоре умения Умбры не будут играть никакой роли — я просто не смогу сражаться дальше.

Отбив очередную атаку, Умбра заставил Криса открыться и рубанул остриём клинка по незащищённому бедру. Мне хотелось закрыть глаза, чтобы не видеть, как алая кровь капает на серый пол, как пошатнулся, а затем осел парень.

Будь он персонажем книги или фильма, то смог бы победить злодея и с таким

ранением. Превозмогая боль, на последнем издыхании. Но он был живым — из плоти и крови. И потому всё кончено. Меч задел артерию и, если быстро не оказать помощь, кровопотеря станет слишком опасной.

К сожалению, Крис не был бы собой, если бы не попытался наплевать на это. Он попытался вновь встать на ноги, но друзья Леонталя уже прервали поединок и поспешили к нему на помощь..

— Сдавайся, тебе нужна медицинская помощь, или ты труп, — голос колдуна был холодным. Но как ни странно я не чувствовала в душе Умбры торжества или удовлетворения. А ведь перед ним на полу сейчас сидел тот, кто одолел его когда-то.

Сущность мага внезапно начала съёживаться, уступая мне место без просьб и напоминаний. Похоже, он счёл, что дело сделано, и вернулся на задворки добровольно.

Подозрительная покладистость.

— Я отомщу тебе, слышишь?! — глаза Криса горели яростью и затаённой обидой.

Но я не лгала ему. Я не Генерис. Мне хотелось, сказать это в последний раз.

Что я — не она.

Но безмолвные лица недавних товарищей остановили меня.

Хуже жалких оправданий у всех на виду, может быть лишь тщетная мольба поверить.

Поэтому я поступила так, как и полагалось злодейке в краткий миг торжества:

— Научись проигрывать, щенок, — мой голос был холоден, но ему не сравниться со льдом, сковавшим сердце.

Я расправила плечи и швырнула меч в сторону.

Никто не стал препятствовать моему уходу.

Да и не имел права. Формально Генерис была помилована, и даже ранение Криса не могло быть поводом для заключения меня под стражу — поединок прошёл по всем правилам.

Хотя бы с виду.

Крису и невдомёк, что сражался он лишь с телом Генерис Деррин, внутри которого хозяйки нет уже давно. Зато поселились какие-то сомнительные квартиранты — Ольга Смолянская и тёмный маг Умбра.

Господи, кому рассказать — не поверят.

Я уходила, не оглядываясь, хотя мне очень хотелось знать — вышел ли кто-нибудь, чтобы посмотреть мне вслед. Может быть, Григ. Или Хорс, или Мелла.

От того, что Айолина не было здесь — мне было одновременно хорошо и грустно. Он уехал ещё до возрождения колдуна, и с тех пор я его не видела.

Что бы он сделал, что бы сказал?

Душное чувство, выросшее в груди, шептало мне, что я пережила бы презрение от других, если бы только он остался моим другом. Если бы поверил.

Но мои чаяния не имели под собой никакой основы. Лидия несомненно увидится с ним. И он уйдёт от неё с тем же убеждением, что и Крис.

Была ли я влюблена в Айолина? Мне не хотелось об этом думать. Любовь может спасти утопающего, если она счастливая и взаимная. Если нет, лишний груз, утаскивающий под воду.

Подумаю об этом потом. Когда мне не придётся бежать от рыцарей света, принца и

Лидии с чёрным колдуном за пазухой. С одним серебряным в кармане. И латанным-перелатанным мешком за спиной.

К тому же скоро зима, а значит просто дожить до весны — уже будет неплохо.

Конец первой книги

Больше книг на сайте - Knigoed.net